

С. Кредов

ДЗЕРЖИНСКИЙ

ЖЗЛ

ДЗЕРЖИНСКИЙ

Сергей
Кредов

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

Эту книгу можно назвать "портретом на фоне эпохи", причем портретом весьма объективным, что, несомненно, вызовет интерес современного читателя, который получит возможность познакомиться с малоизвестными страницами истории нашей страны, узнать для себя немало нового и даже неожиданного.

Автор не стремится ни демонизировать, ни в чем-то обелять своего героя - "пламенного революционера" и председателя ВЧК. Ведь события конца XIX - начала XX века в России имели свою неумолимую, страшную логику, а имя Феликса Дзержинского связано с ними неразрывно.

- Кредов С. А.

- I. НЕИСПРАВИМЫЙ

- Глава первая. ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА
 - Глава вторая. СЧАСТЛИВЫЙ?
 - Глава третья. ГИМНАЗИЧЕСКИЕ СТРАДАНИЯ
 - Глава четвертая. РОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА
 - Глава пятая. УТРАТЫ
 - Глава шестая. РАСПЛАТА ЗА ИДЕАЛЫ
 - Глава седьмая. НЕИСПРАВИМЫЙ
 - Глава восьмая. ПЕРВЫЙ ПОБЕГ
 - Глава девятая. ПОДНЯВШИЕ МЕЧ ТЕРРОРА
 - Глава десятая. В СИБИРЬ, НЕНАДОЛГО
 - Глава одиннадцатая. НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...
 - Глава двенадцатая. ИДЕАЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ
 - Глава тринадцатая. ПРЕДАТЕЛЬСТВО
 - Глава четырнадцатая. КАТОРЖАНИН
 - Глава пятнадцатая. ЧТО ДАЛЬШЕ?
 - Глава шестнадцатая. ЛЕНИН КАК НЕИЗБЕЖНОСТЬ

- II. НА ПЕРЕДОВОЙ

- Глава семнадцатая. СЛОВО ТОВАРИЩУ МАУЗЕРУ
 - Глава восемнадцатая. ДНИ, ПОТЯСШИЕ МИР
 - Глава девятнадцатая. СОВНАРКОМ СТАНОВИТСЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ
 - Глава двадцатая. ЕЩЕ ОДНА КОМИССИЯ?
 - Глава двадцать первая. МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИИ
 - Глава двадцать вторая. ЗА ПОЛГОДА ДО КРАСНОГО ТЕРРОРА

- Глава двадцать третья. МОСКОВСКИЙ ПОЕЗД
- Глава двадцать четвертая. ПЕРМСКИЙ ИЛЬИЧ
- Глава двадцать пятая. «ВЛАСТЬ СОВЕТОВ КРЕПКА, ПРОДОВОЛЬСТВИЯ НЕТ»
- Глава двадцать шестая. А КАК НАДО БЫЛО?
- Глава двадцать седьмая. «В НЕМ БЫЛО ЧУВСТВО ЧЕЛОВЕЧЬЕ»
- Глава двадцать восьмая. ПРОИЗВОЛ БЕЗ ВЛАСТИ
- Глава двадцать девятая. ВОССТАНИЕ АВАНТЮРИСТОВ
- Глава тридцатая. НАКАНУНЕ
- Глава тридцать первая. А ТЕПЕРЬ - КРАСНЫЙ ТЕРРОР
- Глава тридцать вторая. ДУЭЛЬ
- Глава тридцать третья. ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ
- Глава тридцать четвертая. ОТПУСК ОТ ТЕРРОРА
- Глава тридцать пятая. О РЕКВИЗИЦИИ ВЕЩЕЙ ГОЛЬДФЕ
- Глава тридцать шестая. БОЛЬШЕВИКИ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ
- Глава тридцать седьмая. «...И ПОТ С НИХ КАПАЛ ГРАДОМ»
- Глава тридцать восьмая. СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ТЕРРОРОВ?
- Глава тридцать девятая. ОСЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТОГО
- Глава сороковая. ПРОЩАНИЕ С ПОЛЬШЕЙ

○ III. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

- Глава сорок первая. ВРЕМЕННОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ
- Глава сорок вторая. ПРЕВЕНТИВНОЕ МИЛОСЕРДИЕ
- Глава сорок третья. СОЮЗ ЧЕКИСТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ
- Глава сорок четвертая. ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ
- Глава сорок пятая. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ
- Глава сорок шестая. НЕДООЦЕНЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
- Глава сорок седьмая. ...А ПАРАЗИТЫ НИКОГДА!
- Глава сорок восьмая. О ЛИБЕРАЛЬНОЙ КАНИТЕЛИ
- Глава сорок девятая. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ
- Глава пятидесятая. ЖИВОЙ

- ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ФЕЛИКСЕ ДЗЕРЖИНСКОМ

- Лев Троцкий, 1929 г.

- Владимир Орлов, 1932 г.

- Борис Бажанов, 1980 г.

- Сергей Мельгунов, 1923 г.

- Николай Валентинов (Вольский), 1956 г.

- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Иллюстрации

- notes

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

Кредов С. А.
ДЗЕРЖИНСКИЙ

Памяти
Валерия Петровича Литвинова
посвящаю

I. НЕИСПРАВИМЫЙ

Глава первая. ПОРТРЕТ БЕЗ СХОДСТВА

7 декабря 1917 года Феликс Дзержинский, только что получивший важное назначение, стал одним из главных действующих лиц русской революции. Вскоре о нем узнает весь мир.

А днем раньше состоялся разговор, который его участник, первый управляющий делами Совета народных комиссаров Владимир Бонч-Бруевич, описал так...

Бонч докладывал председателю Совнаркома Ленину о положении в Петрограде. Из сообщения вытекало, что враги большевиков не собираются складывать оружие. Вождь Октября взволнованно поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. И воскликнул:

— Неужели у нас не найдется своего Фуке-Тенвиля, чтобы обуздать контрреволюцию?!

Такой человек в партии нашелся. Ему поручили создать орган по борьбе с контрреволюцией — знаменитую впоследствии Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

«Красный Фуке-Тенвиль явился!» — торжественно заявил Бонч-Бруевич.

«Красный Фуке-Тенвиль явился!» — охотно подхватил первый белогвардейский биограф председателя ВЧК Роман Гуль, вложив в эти слова свой смысл: Дзержинского назначили организатором массового кровавого террора. А как еще можно понять восклицание Ленина?

Предложить яркое сравнение с известным персонажем — значит дать почти готовый портрет героя. Такова сила исторических аналогий. Имя произнесено: Фуке-Тенвиль... В книгах и статьях о Феликсе Дзержинском оно будет встречаться очень часто.

Вот только произносил ли Ленин слова, которые привел в своих воспоминаниях Бонч-Бруевич?

Что известно об упомянутом деятеле Французской революции?

Антуан Кантен Фуке де Тенвиль в 1793—1794 годах являлся общественным обвинителем (фактическим руководителем) парижского революционного трибунала. Он отправлял на гильотину «врагов народа». Милосердие не было ему ведомо. Чтобы хоть как-то ограничить его рвение, Конвент принял решение не казнить в день больше 60 человек. Де Тенвиль исступленно трудился в своей должности 14 месяцев. Он предлагал для устрашения обвиняемых поставить гильотину в

зале судилища, но даже якобинцам эта мера показалась чрезмерной. Революционный фанатик? Скорее — чиновник террора, бездушное приложение к изобретению доктора Гильотена. И, по-видимому, большой прохвост. До 1789 года будущий поборник свободы, равенства и братства вел вполне буржуазную жизнь. Должность прокурора он себе купил, как тогда было принято. Очень не вовремя для себя, перед революцией, сочинил и опубликовал хвалебную оду в честь

Людовика XVI, где высказывал к нему любовь, «равную его благодеяниям». Это не помешало ему впоследствии добиться казни вдовы и сестры короля. Обвинитель трибунала, отправлявший на плаху врагов Робеспьера, в конце концов проводил на смерть и самого Робеспьера, но и сам спастись не сумел.

Даже поверхностное знакомство с биографиями Фукье-Тенвиля и Феликса Дзержинского убеждает нас, что речь идет о разных людях.

И обратим внимание: Фукье-Тенвиль пытался бежать с тонущего якобинского корабля. Он оказался еще и предателем. А Ленин досконально знал историю Французской революции... Можно предположить, что вождь, заслушав доклад Бонча, воскликнул: «Неужели у нас не найдется пролетарского якобинца?» Такие слова от него действительно не раз слышали. Якобинец — человек решительный, но не обязательно — кровожадный. Вольность мемуариста (он описывал сцену в ленинском кабинете десять лет спустя) привела к определенному искажению исторического фона.

Вернемся в дни, когда в красном Петрограде создавалась Всероссийская чрезвычайная комиссия. В ее задачи входила борьба с «контрреволюцией», вот только с какой? Со «скрытой», как тогда выражались: саботажем чиновничества (сложным явлением, которое сейчас не время расшифровывать), винными погромами, уголовщиной, закрытием предприятий собственниками, продовольственным кризисом. Явная контрреволюция в декабре 1917-го не казалась столь же опасной. ВЧК при ее создании наделили правом назначать только административные меры наказания, такие как конфискация, выдворение, лишение продуктовых карточек, опубликование списков врагов народа в печати. На практике даже злостных контрреволюционеров поначалу отпускали, взяв слово не воевать с новой властью.

Не только в момент назначения, но и значительно позже Дзержинский не считал, что его роль в ВЧК — проводить массовый террор. В марте следующего года он выпустил

служебную инструкцию, больше напоминающую проповедь ненасилия:

«Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому в настоящее время еще необходимо прибегать. Но всегда нужно помнить, что это зло. Пусть все те, кому поручено лишать людей свободы, будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он з нашей власти».

Конечно, так будет не всегда. Времена изменятся.

Пока же отметим: Феликса Дзержинского в декабре 1917-го приглашали не на роль «красного Фукье-Тенвиля». Тогда еще верили, что без гильотин можно обойтись.

Глава вторая. СЧАСТЛИВЫЙ?

Дзержинские — все — умели хранить семейные тайны. Одна из них связана с судьбой любимой сестры маленького Феликса, Ванды. Известно, что девочка погибла. Обстоятельства этого происшествия родственники постарались вычеркнуть из памяти. Даже намек на случившееся нет в их переписке. Этот факт впоследствии вызовет разные толкования.

...Родовое поместье Дзержинских расположено на территории нынешней Белоруссии возле городского поселка Ивенец, примерно в 50 километрах к западу от Минска, на землях, входивших до начала XX века в состав Виленской губернии Российской империи.

В историю Феликс Дзержинский вошел деятелем русской революции польского происхождения. Он считал себя поляком. Оспаривать тут нечего.

Но всё же отметим особенность тех мест, где жили поколения Дзержинских. Это своеобразный «перекресток» трех государств: Польши, Белоруссии и Литвы. Коренных жителей не всегда относят к этническим полякам. Часто это вопрос самоопределения и того, какой народ в данный исторический момент готов признать их «своими». Уникальный случай имел место в советское время. Под Вильно родились братья Ивановские. Все они стали известными революционерами, но в разных странах. В Белоруссии почитали «белоруса» Ивановского, в Польше — «поляка» с той же фамилией, а в Литве — «литовца» Иванаускаса.

Происходили Дзержинские из литвинских шляхтичей. Их далекий предок Николай Дзержинский в 1554—1561 годах в рядах польского войска участвовал в войне с русскими. За ратные заслуги он получил чин ротмистра и возможность в 1563 году приобрести имение с десятью крестьянскими дворами — будущее Держиново. К моменту рождения Феликса его семья владела земельным наделом площадью около 100 гектаров, в основном не пригодным для земледелия. Лишь десятая его часть могла быть отдана под пашню и приносить скромный доход.

Мужчины в роду Дзержинских часто становились педагогами, учеными (среди потомков Феликса Эдмундовича также немало людей науки).

В России начиная с середины XIX века работало много выходцев из Польши. В центральных городах империи они не испытывали притеснений — были бы лояльны. Образованные русские относились к ним, как правило, очень сочувственно,

считая их жертвами самодержавия. Однако патриотами России поляки не становились — они продолжали мечтать о свободной Польше и воспитывали в том же духе своих детей.

Дед Феликса по матери, Игнатий Янушевский, долгое время был профессором Петербургского института инженеров путей сообщения. (Мог ли профессор Янушевский предполагать, что его внук станет со временем «министром» путей сообщения, правда, уже иной страны?!)

Эдмунд Иосифович и Елена Игнатьевна Дзержинские также долго жили в России. Отец Феликса (при крещении он получил имя Эдмунд Руфин) окончил Санкт-Петербургский университет. В 1865 году он перебрался вместе с семьей в Таганрог, где преподавал математику и физику в мужской и женской гимназиях. Среди его учеников был Антон Чехов! Вот, пожалуй, и все, что можно узнать об обстоятельствах жизни Дзержинских на юге России.

В 1875 году глава семьи заболевает туберкулезом. Дзержинские возвращаются в родное имение. Отныне они живут трудно, фактически на пенсию пана Эдмунда. Сущие крохи приносит им сдача в аренду земли. А семья все растет: восьмого ребенка, мальчика, пани Хелена родила за год и три месяца до смерти своего мужа. Они ютятся в маленьком домике на берегу реки Усы. В 1880 году Эдмунд Дзержинский сумел построить более просторный дом. Именно это сооружение видно на сохранившихся фотографиях того времени. По снимкам оно и восстанавливалось и теперь служит музеем — имение выгорело дотла в 1944 году.

Пан Эдмунд снискал среди земляков репутацию человека справедливого и бескорыстного. Его дочь Ядвига вспоминала: «Отец, подготавливая нас в гимназию, вместе с нами бесплатно учил детей арендатора и детей из соседней деревни». Однако местным крестьянам запрещалось собирать грибы в дворянских угодьях. Дзержинский позднее с осуждением отмечал этот факт.

Феликс Дзержинский родился 11 сентября (по новому стилю) 1877 года. Отметим удивительное совпадение, которому при желании можно придать мистический смысл. Через много лет эта дата, 11 сентября, станет символом катастрофы могущественной империалистической державы. День рождения Дзержинского, одного из наиболее известных в России и мире «могильщиков капитализма» — тоже 11 сентября.

До потрясений в Российской империи пока далеко.

Феликс — шестой ребенок в семье. Его появлению на свет предшествовал несчастный случай: беременная пани Хелена упала в открытый погреб. Тем же вечером у нее начались родовые

схватки. Мальчик родился здоровым. При крещении, согласно католической традиции, ему дали два имени: Феликс Щасны, оба означают «счастливый» соответственно по-латински и по-польски.

Феликс растет резвым ребенком. В возрасте лет семи, желая не отставать от старших братьев, гоняет верхом на неоседланных лошадях, стараясь не попасть на глаза матери. Дети гурьбой ходят в лес за грибами и ягодами. Летом мальчик подолгу пропадает у реки. Он возвращается оттуда с большим уловом раков. К ужину вареных раков подают на стол. Феликс сияет от гордости. Альдона Эдмундовна отметит в своих воспоминаниях, что ее младший брат никогда не совершал жестоких или грубых поступков.

Дзержинские — бедная дворянская семья. Они живут на отшибе, в лесу. До ближайшего села — четыре километра, до железнодорожной станции — 50 километров. Сотни подобных бедных усадеб прячутся в лесах. Образ жизни накладывает отпечаток на характеры их обитателей. К их национальным чертам относят мужество, гордость, терпение, умение за себя постоять, но и — упрямство, пресловутый «гонор», беспощадность по отношению к врагам. Первые в жизни сведения они получают из преданий, передаваемых из поколения в поколение. Что есть зло? Несправедливость? Незаживающие раны поляков связаны с событиями начала 1860-х годов, преследованиями униатов, жестокостями усмирителя восстаний графа Муравьева (в самой России прозванного «вешателем»).

В 1922 году Дзержинский бросит фразу, которую его недоброжелатели хорошо запомнят: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». Ага! Вот какое чувство вело его по жизни: месть! Но не стоит из случайных замечаний делать широкие обобщения. Думается, «москалии» тогда для мальчика были кем-то вроде инопланетян. «Антимоскальство» Феликс в себе, по-видимому, быстро изжил. Он станет интернационалистом и даже противником отделения Польши от России. Но в таких домашних разговорах крепло в нем желание бороться с несправедливостью.

На сохранившихся семейных фотографиях Дзержинские серьезны, озабочены, напряжены. Люди целеустремленные, гордые, дружные. Наверное, в их доме редко раздавался беззаботный смех. Дворянство покоренной страны. А Феликс еще и нервный, задиристый, лезет на рожон. Его братья и сестры остались далеки от революции, их свободолюбие, способности проявились в другом.

Казимир Эдмундович (1875—1943) выучился на инженера в Германии, откуда вернулся с женой Люцией; в 1930-х они

поселились в Дзержинове. Во время гитлеровской оккупации Люция работала в немецкой комендатуре переводчицей, сотрудничала с польскими партизанами. Ее разоблачили и вместе с Казимиром расстреляли.

Владислав (1881—1942) окончил МГУ, стал известным неврологом, профессором. Война застала его в Лодзи. Арестован немцами в качестве заложника (по некоторым данным, после того, как отказался с ними сотрудничать), расстрелян.

Станислав (1872—1917) убит бандитами в Дзержинове.

Альдона (1870—1966), любимая сестра Феликса и главный адресат его исповедальных писем, жила в Литве, затем в Польше.

Относительно безмятежно сложилась судьба Игнатия (1879—1956): окончив физико-математический факультет МГУ в 1903 году, он преподавал географию в Варшаве, затем перебрался в польскую провинцию, что спасло его от гитлеровцев.

Из всех братьев и сестер Феликса Дзержинского только Ядвига (1871—1949) находилась рядом с ним в Москве; она работала в Наркомате путей сообщения, похоронена на Новодевичьем кладбище.

* * *

В 1882 году в возрасте 42 лет от туберкулеза умирает Эдмунд Иосифович. У Елены Игнатьевны восемь детей на руках, от 12 лет и младше. Она со своим семейством вынуждена перебраться в Иоды — родовое имение Янушевских под Вильно, к матери. Многие сохранившиеся фотографии Дзержинских сделаны именно в Йодах. Мать с тремя сыновьями-гимназистами на крыльце. Также на крыльце — все большое семейство Дзержинских. Летние месяцы пани Хелена с детьми проводила в родовом гнезде. С ним у Феликса связано представление о безмятежном счастье. Он так утверждал.

Не во всем можно ему верить.

Дзержинский напишет сестре Альдоне из заключения: «Во сне я часто вижу дом наш, и сосны наши, и горки белого песку, и канавы, и все, все, до мельчайших подробностей...» Ему слышались кваканье лягушек и клекот аистов, «прекрасная музыка природы по вечерам».

Замурованный в застенке, физически страдающий, тяжелобольной человек... Воспоминания уносят его в счастливую пору детства. Он уверяет, что мечтает побывать в Дзержинове. Но, освобождаясь из мест заключения, вовсе сюда не стремится! После 1892 года Феликс не появлялся в имении вплоть до июля

У пана Эдмунда и пани Хелены было восемь детей. Больше или меньше известно о судьбах семи из них. И почти ничего — о любимой сестре маленького Феликса, Ванде, 1876 года рождения. Брат и сестра были неразлучны. Девочка ходила за Феликсом хвостом и во всем его слушалась, пишет Альдо-на. И вдруг... Любые упоминания о Ванде в переписке родственников пропадают. И фотографий ее не сохранилось.

Девочка, скорее всего, трагически погибла. В каком году — неизвестно. Едва ли позже 1892-го.

Экзотическую версию смерти Ванды излагает белогвардейский контрразведчик Владимир Орлов в мемуарах, изданных впервые в Лондоне в 1932 году. К сожалению, источник не очень достоверный. Орлов в книге допустил немало очевидных ошибок. В данном случае он сообщает о Дзержинском: «Когда ему исполнилось восемнадцать лет, он так страстно влюбился в свою сестру, что застрелил ее после ужасной сцены ревности».

Так — точно не было. Хотя Орлов до революции работал следователем контрразведки в Польше и что-то подобное мог слышать в своем кругу. В некоторых источниках можно прочитать, что невольным убийцей Ванды стал кто-то из ее братьев, вероятнее всего Станислав (но и с Феликса подозрение не снято). Юноши якобы стреляли из дробовика по мишени, а девочка случайно оказалась на линии огня. Но — ни единого указания, откуда взяты эти сведения. Следствия по случаю смерти Ванды не проводилось. Истина едва ли когда-нибудь вскроется.

Гибель любимой сестры не могла не потрясти юного Феликса, в то время ревностного католика. Погибло невинное любимое существо. Как мог Бог, если он существует, допустить такую несправедливость? Подобные рассуждения в духе Ивана Карамазова зачастую приводят людей с сильным религиозным чувством к разочарованию в Боге небесном и поиску более справедливых земных богов.

Глава третья. ГИМНАЗИЧЕСКИЕ СТРАДАНИЯ

В возрасте семи лет, уже умея читать и писать по-польски, Феликс принимается осваивать русский язык. Сестра Альдона готовит его к поступлению в гимназию. У него хорошая память, способности к математике — это от отца. С русским намного хуже. Язык метрополии в Королевстве Польском — официальный. Во многих учреждениях висят таблички: «Говорить по-польски строго воспрещается».

Осенью 1887-го Альдона везет брата в Вильно. Он успешно сдает вступительные экзамены в Первую Виленскую гимназию. Отныне Феликс живет в губернском городе: сначала на квартире с матерью, а затем в частном пансионе при учебном заведении.

В первом классе Феликс остается на второй год. Подвел, конечно, русский язык. Но не следует на этом основании записывать юного Дзержинского в Митрофанушки. Дореволюционная классическая гимназия — особенное заведение. Ее выпускники имели право без экзаменов продолжить обучение в любом российском университете. Считалось вполне нормальным, если треть или четверть класса останется на второй год. Русский язык относился к числу наиболее трудных дисциплин. Оцените требования: ученик четвертого класса должен был знать наизусть больше ста стихотворений и басен.

Дальше дела пошли несколько лучше. Так, в ведомости по окончании 5-го класса видим отличную оценку по Закону Божьему, остальные — «хорошо» и «удовлетворительно». По выходе из гимназии Дзержинский получил свидетельство со следующей записью: «Дзержинский Феликс, имеющий от роду 18 лет, сын дворянина, в вероисповедании римско-католическом... в бытность свою по VIII класс Виленской гимназии поведения был отличного и оказал при удовлетворительном внимании, удовлетворительных успехах, удовлетворительном прилежании следующие успехи в науке...» К тому времени Феликс уже определится со своим революционным будущим. Он уйдет из гимназии со скандалом, не получив аттестата. Отсюда и оценки: «хорошо» — только по Закону Божьему, «неудовлетворительно» — по русскому и греческому языкам.

О дореволюционной системе классического образования в наши дни отзываются с пиететом. Современники же подвергали ее суровому суду. Чехов в рассказе «Человек в футляре» сравнивает гимназию с управой благочиния, «где кислятиной

воняет, как в полицейской будке». Или взять, предположим, Вячеслава Менжинского, считавшегося в среде большевиков интеллектуалом. Полиглот, говоривший на девятнадцати иностранных языках, Менжинский, по его словам, вскакивал по ночам от ужаса, когда ему снилась родная гимназия.

...Жизнь в российской классической гимназии подчиняется строжайшим регламентациям. Посещение занятий — только в форменной одежде. При встрече на улице с высшими городскими чиновниками гимназист обязан снять фуражку и раскланяться. В книгах учета фиксируются опоздания на уроки, неуместные вопросы к преподавателям, разговоры во время занятий. Классные наставники, инспектор и директор систематически посещают квартиры учеников, расспрашивают соседей о их поведении. Возвращаясь с каникул, каждый воспитанник обязан сдать в канцелярию отпускной билет с отметками полиции о поведении и справку священника о выполнении религиозных обрядов.

А зачем вбивать в юные головы мертвые языки? Бесконечные письменные переводы с латыни, греческого отнимают у гимназистов уйму времени. Долбежка, зубрежка — с 6 утра до 9 вечера. На такую нагрузку был рассчитан учебный процесс в гимназии, начиная с третьего класса. Молодежь просто хотят занять, отвлечь от свободолюбивых мыслей — в таком стремлении подозревает правительство демократическая общественность.

Не случайно же не было такого понятия: гимназическое братство в отличие от братства лицеистов. Друг друга ненавидели Дзержинский и Пил-судский, Ульянов-Ленин и Керенский. Притом что первые учились в Виленской гимназии, вторые — в Симбирской, хотя и в несколько разное время.

* * *

Если в самой России классическую гимназию называют «полицейской будкой», то как могут относиться к ней в национальных окраинах? Там она — элемент национального подавления.

Юный Дзержинский в повседневном поведении не похож на бунтаря. Иное дело, когда Феликс чувствует себя униженным, оскорбленным. Тут он мгновенно закипает. Директор Виленской гимназии издал распоряжение, обязывающее учеников изъясняться только на русском языке. Увидев это объявление, возмущенный Дзержинский врывается в учительскую, где за столом собрались педагоги, и выплескивает свое негодование,

обращаясь прежде всего к преподавателю русского языка по фамилии Рак, особенно ненавидимому гимназистами. Альдона Эдмундовна пишет: «Это выступление Феликса застало педагогов врасплох. Они были так ошеломлены, что не успели принять никаких мер. Дома Феликс весело рассказывал обо всем этом, чувствуя большое удовлетворение от выполненного долга».

Но лучше бы он сдержался. Благоразумнее для него было уйти из гимназии тихо. От демарша Феликса впоследствии пострадают его братья.

Дзержинский покинул бы ненавистное учебное заведение раньше, но не хотел огорчать мать. Пани Хелена тяжело болела. В Вильно переехала ее мать Казимира Янушевская, она забрала к себе на жительство внуков из опостылевшего им частного пансиона. 14 января 1896 года в варшавской клинике в возрасте 46 лет Елена Игнатьевна умерла. Нежный сын Феликс тяжело переживал эту утрату. Он посчитал, что теперь никто и ничто не может помешать ему круто изменить жизнь. К тому времени он разуверился в католическом боге и обрел веру в учение, заменившее ему религию. Бабушка Янушевская не знала, что в ее доме 26 на Поплавской улице на чердаке работает маленькая нелегальная типография, выпускающая революционные воззвания.

Свидетельство, выданное недоучившемуся гимназисту Дзержинскому, сохраняет за ним право позднее сдать экзамены на аттестат зрелости и поступить в университет.

В 1897 году, когда Феликса арестуют, директор Первой Виленской сделает все, чтобы Игнатий и Владислав Дзержинские оставили его заведение, несмотря на их хорошую успеваемость. Братья продолжают обучение в петербургской гимназии.

Глава четвертая. РОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

В 1894 году ученик седьмого класса гимназии Дзержинский начинает посещать марксистский кружок саморазвития. Уже через три года Феликсу выпадет тяжелое испытание: в полиции Ковно его подвергнут избиению березовыми палками. Во время экзекуции у юноши откроется горловое кровотечение, но он все выдержит, показаний на товарищей не даст. Поручик Глазков доложит начальству:

— Все попытки склонить арестованного к чистосердечному покаянию оказались безуспешными. Проводить с ним дальнейшую работу нецелесообразно.

Перед нами уже «железный Феликс».

* * *

Как приходят в революцию?

Для кого-то и выбора нет: «Моя революция — пошел в Смольный»...

У Феликса выбор был. Братья Дзержинские в равной мере страдали от бедности, муштры в гимназии, унижения национальных чувств. А революционером стал только он.

В письмах сестре заключенный Дзержинский на разные лады будет убеждать ее, что свою жизнь, наполненную верой в светлое будущее человечества, как бы ни была она трудна, он ни за что не променяет на мещанское существование на воле. Вполне в духе Гриши Добросклонова, героя поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»:

...Лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Феликс в возрасте 18 лет уже готов умереть за свои идеалы.

Некрасов дал нескольким поколениям русских революционеров высокое обоснование их целей, ошибок, жертв. В его знаменитой «призывной песне» слышится библейская притча об узких вратах:

Средь мира дольного

Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?
Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,
По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.
...Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные
На бой, на труд...

Молодые люди из привилегированных семей — дворяне, поповичи, купеческие дети — выбирают тесную, но «честную» дорогу борьбы с царем, правительством, дорогу тюрем, скитаний, подчас террора. Почему? Единого ответа нет. Бывало, что и два брата приходили в революцию очень не схожими путями. Ну, вот хотя бы братья Ульяновы.

Александр Ульянов (1866—1887), судя по известным фактам его биографии, яркий пример революционера «от сердца». Александр пользовался любовью и уважением едва ли не всех, кто его знал. Он оканчивает Симбирскую классическую гимназию с золотой медалью. В Петербурге перед ним открыта карьера ученого. На третьем курсе университета Александр получает золотую медаль за работы по зоологии. Сам Дмитрий Менделеев называет Ульянова перспективным химиком... Родители отпускали сына в столицу с тяжелым сердцем, очевидно, зная о перемене в образе его мыслей. Но что подвигло юношу избрать крайний путь, войти в нелегальную организацию, стать террористом?

Можно предположить: при жизни властного, религиозного отца это едва ли бы произошло. Но в январе 1886 года Илья Николаевич неожиданно умирает. Незадолго до того директора народных училищ, энтузиаста народного образования Ульянова стали выпроваживать на пенсию. Срок службы ему продлили только на год (вместо пяти, как он просил). Известие о скорой отставке он воспринял тяжело — инсульт на 55-м году жизни. Смерть Ильи Николаевича, несомненно, сильно повлияла на его

сыновей. Через много лет Владимир Ульянов-Ленин укажет в партийной анкете, что он атеист с 16 лет, то есть как раз с 1886-го...

А 17 ноября того же года Александр в Петербурге участвует в манифестации, посвященной 25-летию со дня кончины кумира демократической молодежи, критика и публициста Николая Добролюбова. После разгона демонстрации казаками и полицией вместе с товарищами пишет и распространяет прокламацию «17 ноября в Петербурге». В декабре примыкает к террористическому крылу народолюбцев. И вот он участвует в подготовке убийства Александра III, намеченного на 1 марта 1887 года. Химику Ульянову поручено изготовить метательные снаряды. Членов боевой группы задерживают на улице в день покушения. Зная, что за ним следят, Александр тем не менее отвергает предложение товарищей скрыться из города. На следствии и суде он ведет себя мужественно и благородно, не отрицает своего участия в деле, более того, старается взять чужую вину на себя. Приговоренный на суде к повешению, Ульянов подает просьбу о помиловании только по настоянию матери. Его прошение, составленное без ноток раскаяния, даже не показывают царю.

Чем-то схожи биографии революционеров «от сердца». В юности они глубоко религиозны, самоотверженны, исполнены высоких представлений о чести, товариществе, долге. А дальше? Шок от столкновения с несправедливостью. Нередко фон — большое личное горе, связанное с утратой отца, матери, сестры или брата. И тут еще одна развилка, вновь — два пути. Одни приходят к подвигу мирного самоотречения, под влиянием народолюбческих идей оставляют крупные города и уезжают в глубинку лечить и учить крестьян. Другие — к политическому протесту, бунту, «топору». Таков путь многих революционеров и общественных деятелей в годы правления царя-реформатора Александра II. Некрасов, Добролюбов, Чернышевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин — их кумиры. Их верным последователем предстает Александр Ульянов. У революционера «от сердца» всегда можно отыскать в судьбе точку слома, момент, описанный Некрасовым:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

А вот почему пришел в революцию Владимир Ульянов, человек явно иного склада...

Стал мстить династии Романовых за смерть брата, как

нередко можно прочесть? Едва ли так просто. Мотива личной мести в письмах, высказываниях, во всей деятельности Ульянова-Ленина не заметно. О событиях, связанных с гибелью Александра, он вообще упоминал очень редко. При этом (отмечала Крупская) делал акцент на том, как тяжело пришлось тогда его матери Марии Александровне. О своих же переживаниях — молчок. Владимир Ульянов умел сдерживать свои эмоции. Это проявилось в нем в ранней юности. Александра казнили 8 мая 1887 года. Как раз в те дни его младший брат готовился к выпускным экзаменам в гимназии. 12 мая он сдает письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, 13 мая — письменный по греческому языку (самый трудный). С 22-го начинаются устные экзамены. Семнадцатилетний Владимир проявил редкое самообладание. Симбирскую классическую гимназию он окончил, как известно, лучшим из своего выпуска с единственной «четверкой» по логике и золотой медалью.

Казнь Александра, обвиненного в попытке цареубийства, конечно же потрясла Ульяновых. Причинила им боль — это одно. Но также и сломала весь уклад их жизни. Семья директора народных училищ считалась одной из самых почтенных в губернском городе. И вдруг они — родственники цареубийцы. Изгои. Знакомые, встречая их на улице, переходят на другую сторону. Привыкший быть первым среди сверстников, чувствовать превосходство над ними, Владимир получает страшный удар по самолюбию. Перед экзаменом по математике одинокий, ушедший в себя, сутулясь и держа руки за спиной, он ходит по коридору взад и вперед — вспоминает один из педагогов.

Крупская добавляет подробности: «Владимир Ильич рассказал мне однажды, как отнеслось “общество” к аресту его старшего брата. Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы. Тогда еще не было железной дороги из Симбирска, матери Владимира Ильича надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы добраться до Питера, где сидел сын. Владимира Ильича послали искать попутчика — никто не захотел ехать с матерью арестованного. Эта всеобщая трусость произвела, по словам Владимира Ильича, на него тогда очень сильное впечатление».

Ульяновы не собирались уезжать из Симбирска. Но летом 1887-го им пришлось перебраться в Казань. Хорошая характеристика, выданная директором гимназии Федором Михайловичем Керенским, позволила брату казненного террориста поступить на юридический факультет университета. А уже в декабре в актовом зале казанские студенты, прекратив

занятия, собрались на сходку с антиправительственными лозунгами. В числе первых в зал по коридору мчался Ульянов, «махая руками, как бы желая этим воодушевить других», сообщается в одном из донесений. Владимира исключили из университета. Начался отсчет его революционного стажа.

Владимир Ульянов — революционер «от ума». Нет свидетельств тому, чтобы он рыдал на берегу «реки рабства и тоски». Все очень продуманно, рационально: «Мы пойдем другим путем». Мир надо переделать. Именно такой протест — интеллектуальный, лишенный морализаторства, считающий абстрактные рассуждения о добре и зле признаком слабости, приведет в итоге революционеров к успеху, к захвату власти и удержанию ее в ходе страшной Гражданской войны...

Глава пятая. УТРАТЫ

Феликс Дзержинский, если придерживаться предложенной выше схемы, яркий пример революционера «от сердца».

Ребенком в беседах со старшими он получает обычный для маленького поляка набор знаний. Вечер, тусклый свет настольной лампы, за окнами шумит лес. Пани Хелена рассказывает своему сыну о жестокостях Муравьева-вешателя, подавлявшего мятеж в 1863 году. О том, что в костелах тогда молитвы заставляли петь по-русски. О непосильных контрибуциях, наложенных на население. Конечно же она не желает своему сыну доли революционера, каторжанина. Но он воспринимает ее рассказы слишком остро. Дзержинский вспоминал:

— Каждое насилие, о котором я узнавал, было как бы насилием надо мной лично.

Попав в Виленскую гимназию, Феликс почти сразу принимается за поиски иного пути. Куда податься из «полицейского участка», чтобы не травмировать своим решением родственников, нежно любимую им мать? Он хочет поступить в духовную семинарию. Однако пани Хелена и другой их родственник, ксендз, всячески отговаривают Феликса от такого выбора. Не по характеру ему быть священником. Религиозность в юном Дзержинском сочетается с интересом к мирским вопросам и не сочетается со смирением.

Если в семинарию нельзя, то куда же?

Кризисным для Феликса становится 1894 год. Тяжело заболевает пани Хелена. Сын ездит в клинику в Варшаву ее навещать. По-видимому, он не так давно пережил шок в связи с гибелью сестры Ванды. Позднее Феликс почти не рассказывал о своих переживаниях в тот период. Мы знаем только с его слов, что до шестнадцатилетнего возраста он был «фанатично религиозен», а затем утратил веру в Бога. Но проповедником Феликс остался. Теперь он с прежним пылом пропагандирует свой атеизм, хотя еще не так давно говорил старшему брату: «Если я однажды узнаю, что Бога нет, я пушу себе пулю в лоб». Из последнего факта нередко делались далекоидущие выводы: Феликс Дзержинский с ранних лет — фанатик, одержимый мыслью обратить окружающих в свою веру, сначала в одну, потом в другую. Роман Гуль в изданной в Париже в 1935 году книге пишет:

«Оказывается, Феликс не только религиозен, но и фанатически повелителен и нетерпим. Из светлозеленых глаз нежного юноши глядел узкий фанатик. И разрушение всего, что

не есть то, во что верует Феликс Дзержинский, было всегда его единственной страстью...»

Отечественная школа психологизма. Найти ключ к характеру человека, объясняющий все его последующие поступки, желательно с самого раннего детства. И без особых сомнений в том, что факт, легший в основу обобщений, действительно имел место. Между тем об эпизодах из жизни Феликса Дзержинского, которые только что приведены, известно исключительно с его слов, сказанных в 1922 году. В них чувствуется ирония: дескать, вот каким максималистом был тот юноша. Несомненно то, что с молодых ногтей Феликс испытывал потребность в вере, которая бы заполняла все его существо. А разве истинная вера, особенно в молодости, не сочетается со стремлением обратить в нее окружающих? Дзержинский хочет жить по справедливости, в соответствии со своими убеждениями. Вот что можно сказать с уверенностью. О том, что он намеревался разрушать, а что созидать, говорить пока преждевременно.

Новым смыслом жизнь Феликса Дзержинского наполнилась в 1895 году.

Глава шестая. РАСПЛАТА ЗА ИДЕАЛЫ

Казалось бы, Феликс, оставив гимназию, должен прямой дорогой отправиться в лагерь националистов, борющихся за создание единой, независимой Польши. Ведь его национальная гордость столько раз подвергалась унижениям. А в раннем детстве, по его собственному признанию, он мечтал о шапке-невидимке, чтобы с ее помощью отомстить москалям.

Однако семнадцатилетний Дзержинский делает выбор в пользу социал-демократии, раз и навсегда. Очень скоро он станет противником отделения Польши от России, а националиста Пилсудского (своего старшего современника и земляка) будет считать личным врагом.

Почему он примыкает к социал-демократам?

В Вильно тогда другой революционной организации нет. Население в Виленской губернии составляют польские и еврейские ремесленники, литовское крестьянство. К лозунгу о самоопределении Польши здесь относятся с подозрением. Кроме того, национально-освободительное движение в Польше получит партийное оформление несколько позже. Это, так сказать, субъективная причина выбора Феликса. Думается, имелась и другая, не менее веская. Его натура нуждалась не просто в возвышенной цели, а в системе ценностей, в новой — светской — религии. Этим потребностям на рубеже веков наилучшим образом отвечал марксизм. Не случайно же учение приобрело так много последователей, и даже многие из тех, кто в нем впоследствии разочаровался, дойдя до полного его неприятия, не отрицали, что пережили период увлечения им.

Был марксизм для высоколобых — в томах «Капитала», философских работах Маркса и Энгельса. Но очень важно, что учение поддавалось упрощению, его можно было разъяснять в рабочих кружках, растолковывать даже неграмотным. Основоположники марксизма оставили пророчества, и эти пророчества сбывались! Кризисы перепроизводства с их неизбежными социальными потрясениями... Смягчать их — только смягчать — научатся много позже. Первую мировую войну Энгельс предсказал за 30 лет. И сроки примерно назвал, и главных действующих лиц указал. Марксизм многим тогда казался удавкой, неуклонно стягивающей шею капитализма.

Вакуум в душе Феликса заполнен. Выбор сделан. В 1895 году он вступает в литовскую социал-демократическую партию, получает первую свою партийную кличку. Конечно, не предполагая, сколько испытаний выпадет ему в ближайшие 22

Молодой агитатор Яцек принимается вести кружки образования среди своих сверстников, ремесленных и фабричных учеников. Занятия его строятся так: начинает он с общеобразовательной части (устройство Вселенной, происхождение человека, обществ и т. д.), затем переходит к штудированию Эрфуртской программы. Этот марксистский документ, принятый социал-демократами Германии в 1891 году, был тогда очень популярен. Он являлся и хорошим учебным пособием. Ленин тоже в целом с одобрением относился к программе немецких марксистов, хотя и критиковал ее, в частности, за отсутствие требования диктатуры пролетариата (читай: излишнее миролюбие). И сегодня не много претензий можно предъявить Эрфуртской программе. Она состоит из двух частей.

В программе-максимум содержатся теоретические положения марксизма. Перед социал-демократами Германии ставится цель — завоевание политической власти. Но это вопрос будущего. В условиях же буржуазного общества (программа-минимум) выдвигаются такие цели: демократизация выборной системы, развитие самоуправления, равноправие женщин, решение вопросов о войне и мире народным представительством, бесплатное медицинское обслуживание, восьмичасовой рабочий день, запрет на использование труда детей в возрасте до 14 лет...

Что можно возразить? В чем фанатизм тех, кто разделял требования Эрфуртской программы?

Фанатизм в Феликсе проявляется в том, что, обретя веру, он считает ее руководством к действию. Характерный для него эпизод: чтобы вести пропаганду среди еврейского населения, он самостоятельно осваивает идиш (притом что в гимназии ленился изучать «мертвые» языки, к которым тогда, по-видимому, относил и русский). Карл Радек отметит в воспоминаниях: «Мы смеялись позже, что в правлении польской социал-демократии, в которой был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только Дзержинский, польский дворянин и католик».

В своей семье после смерти матери Дзержинский чувствует себя некомфортно. Еще гимназистом, живя у бабушки, он на чердаке ее дома печатал листовки, воззвания к рабочим. Затем он перебирается к сестре. Но и в ее доме Феликс слишком обременительный жилец. Из воспоминаний сестры Альдоны: «К

нему часто приходил известный социалист доктор Домашевич. Они забирались куда-нибудь в уголок и там тихо, чтобы я не слышала, вели свои беседы. Я знала, что Домашевич нелегальный, и я боялась, что его выследят и арестуют у меня на квартире: я воспитывала двух младших братьев. Они учились в той же гимназии, из которой добровольно ушел Феликс, оставив у дирекции недобрую память о себе. Вопрос об уходе из гимназии был им продуман и решен. Но, покидая гимназию, Феликс высказал педагогам прямо в лицо всю правду об их методах воспитания... После этого случая отношение в гимназии к двум нашим младшим братьям резко изменилось, учиться им было очень трудно. А через год директор заявил, что лучше будет, если они переедут в другой город, ибо аттестата зрелости в Виленской гимназии им все равно не получить. И хотя братья учились хорошо, они вынуждены были уехать кончать гимназию в Петербург».

В словах Альдоны чувствуются отголоски давних споров, возможно, конфликтов. Феликс подвел младших братьев. Мог бы уйти из гимназии тихо, без драматических эффектов.

Что же тут не понять? Иди, брат Феликс, дальше своей дорогой, какую выбрал, а нам надо позаботиться о младших. Возможно, польского патриота его близкие лучше бы понимали, но социалиста...

Зарабатывает Феликс частными уроками. Преподавание в кружках скоро ему надоедает. Его тянет на революционный простор. К массам. А где он может встретить «настоящих» пролетариев? Например, в кабачках возле предприятий. Сюда и наведывается молодой агитатор вместе со своим приятелем Андреем Гульбиновичем, слесарем и поэтом. О политике, царе разговаривать категорически запрещено, за такую пропаганду Яцека бы сразу отправили в полицию. Он заговаривает с рабочими о их экономическом положении. Пытается нацелить их на борьбу за экономические права, благо в Эрфуртской программе все сформулировано четко. Опасность его подстерегает не только со стороны полиции. Однажды рабочие одного из заводов, науськанные хозяевами, подкараулили агитаторов. Дзержинский: «Поэта меньше избили, так как он сразу свалился с ног, а я защищался». Феликс получил ножевые удары в голову, в том числе в правый висок. Зашивал раны доктор Домашевич.

Чтобы печатать прокламации на гектографе, не подвергая опасности близких, Феликс нанимает конспиративную квартиру, причем рядом с полицейским участком, уверяя товарища, что здесь-то как раз их искать не станут. Агитационные листки

ночами сам же расклеивает по городу. Однажды рабочий поэт увидел Яцека, перепачканного клеем. А если бы полицейский его встретил на улице? А вот — достает махорку из кармана. Как раз на этот случай. Бросил бы в глаза фараону и убежал. Девятнадцатилетний юноша настроен очень решительно.

Гульбинович о Дзержинском той поры: «Тонок и строен, как тополек, красивый, ладный. На него заглядывались наши девушки-швей, но, увы, без взаимности».

На его взаимность сможет рассчитывать только такая же убежденная революционерка, как и он. Это Феликс определил для себя уже тогда.

Гложет его, что жить ему недолго. Врачи нашли у него хронический бронхит и порок сердца. Лет семь — по его мнению. Наверное, подсчитал, что отец, заболев туберкулезом, прожил ровно семь лет. Обычную девушку Феликс сделает несчастной. А революционерка его примет таким, каков он есть, и будет готова ко всему.

В марте 1897 года партия направляет Дзержинского в промышленный город Ковно создавать социал-демократические ячейки. Он устраивается переплетчиком в мастерскую. Зарабатывает мало, голодает, но на встречах с рабочими «держит фасон». Бывает, приходит агитатор в дом к рабочему и чувствует запах блинов. Голова кружится, желудок сводит от голода. Но от приглашения к столу отказывается: «Спасибо, ел уже».

«Здесь пришлось войти в самую гущу фабричных масс и столкнуться с неслыханной нищетой и эксплуатацией, особенно женского труда. Тогда я на практике научился организовывать стачку» — это Дзержинский вспоминает о своем ковенском периоде.

В его квартире вновь заработал гектограф. Он затеял издавать газету «Ковенский рабочий» на польском языке. Правда, успел выпустить всего один номер. Все статьи написал сам. О чем же сообщалось в этом подпольном издании?

Например, о том, что царское правительство, напуганное стачками в Петербурге, пообещало с 16 апреля сократить рабочий день: на механических предприятиях — до 10½ часа, на ткацких — до 11½ часа и на остальных — до 12 часов. «Так вот, братья, и нам необходимо знать об этом... Если мы сами не будем добиваться своих прав, если сами не заставим фабриканта и заводчика выполнять этот закон, то он может остаться лишь на бумаге». Далее автор доказывает, что сокращение рабочего дня вовсе не означает падения производства. Ведь у тружеников появится больше свободного времени. «Что мы будем тогда делать? Пить водку? О, нет! Каждый из нас захочет тогда и

почитать, чтобы стать умнее, и пойти в театр». У ткача, слесаря, кожевника возрастут потребности, соответственно, и расходы, поэтому он будет заинтересован больше зарабатывать. Надо его перевести на сдельщину. И всем будет к выгоде сокращение рабочего дня. Свои рассуждения Феликс завершает напоминанием:

«Заводы Рекоша, Шмидта, Тильманса и Петровского — механические, так запомним, что у нас рабочий день должен продолжаться лишь 10 1/2 час., а на других предприятиях — 12 час. Будем за это бороться, если предприниматели не захотят выполнять этот закон!»

В некоторых других странах Дзержинский имел бы возможность заниматься тем же самым под своим настоящим именем и даже за зарплату. А свои статьи публиковал бы в легальной прессе...

Правда, в том же номере «Ковенского рабочего» он учит, как проводить стачки. Но ведь с требованиями — выполнять закон. Кто мешал царю Николаю предложить рабочим перспективу: положим, к 1900 году снизить продолжительность рабочего дня до 10 часов, а к 1905-му — до 9 часов, и так далее? Кто мешал строго взыскивать с заводчиков за нарушения на производстве прав женщин и детей? Мог бы выбить почву из-под ног агитаторов. Глядишь, поцарствовал бы еще.

Но в России конца XIX века Феликс Дзержинский — революционер-нелегал и преступник. 17 июля 1897 года он принес в сквер возле собора в Ковно запрещенные книжки, чтобы передать их рабочему-подростку. И был арестован. Жандармы соблазнили мальчишку-provокатора десятью рублями.

На квартире у Феликса изъяли следующие доказательства его преступной деятельности: вырезки из газет с разъяснениями различных вопросов трудового законодательства; адрес-календарь с перечнем промышленных предприятий Северо-Западного края; список предприятий Ковно с указанием количества рабочих. (Чернилами дописано: фабрика гвоздей сапожных, инженерная мастерская... Очень основательно подходил к своим обязанностям молодой социал-демократ.) А также — «Кавказский пленник» Льва Толстого на литовском языке, переписанный от руки отрывок из стихотворения «И взойдет за кровавою зарею солнце правды», рукописный словарь польско-литовских слов, вырезка из газеты с сообщением о стачке в Бельгии и выписка из другой газеты о том же, выписка о состоянии крестьянских хозяйств в России... Ничего более опасного для государства Российского.

Феликс Дзержинский уже не раз в этой книге назван

революционером. А если разобраться, какой он пока революционер? Его уместнее причислить, например, к правозащитникам — защитникам прав бедноты. Этого молодого человека, пренебрегшего собственной карьерой, здоровьем, правительству следовало бы поддерживать, а не сажать. Он борется за выполнение законных прав рабочих. За то, чтобы рабочие трудились меньше, но лучше, а в свободное время имели возможность читать книги и ходить в театры. Его же отправляют в тюрьму, где избивают до полусмерти березовыми палками. После года предварительного заключения — в ссылку в Вятскую губернию, в городок с населением пять тысяч жителей, который близкие с трудом отыщут на карте. Там он чуть не лишится зрения, работая на махорочной фабрике. На фабрике он опять за свое. Его — еще дальше...

С ним обошлись исключительно жестоко.

Глава седьмая. НЕИСПРАВИМЫЙ

12 мая 1898 года царь Николай II утверждает приговор арестованному: выслать Дзержинского, приняв во внимание его несовершеннолетие, под надзор полиции в Вятскую губернию на три года (в царской России совершеннолетними считались лица, достигшие 21 года).

Некоторые биографы Дзержинского называют это наказание «относительно мягким». Но мы-то помним, за что его арестовали. В итоге...

Больше года предварительного заключения в Ковенской тюрьме. Избиения (несовершеннолетие не помеха). Затем долгое, в компании с уголовными, путешествие вглубь неведомой России. Феликс, легочный больной, задыхается в тесном, душном трюме парохода во время пути по Оке, Волге, Каме и Вятке к Нолинску. В ссылке он заработает трахому. Немало других испытаний ему выпадет.

На приговор Дзержинскому повлияла характеристика, присланная в Виленскую судебную палату жандармским полковником Шаншиловым:

«Как по своим взглядам, так и по своему поведению и характеру личность в будущем опасная».

Его осудили за «будущее»! Такой характер не мог не представлять угрозы для царского правительства. Он уже «несгибаемый» — по своему поведению. Однако двадцатилетний юноша ничем не успел навредить самодержавию. Опасность Дзержинского объяснялась тем, что правительство не имело никакой программы по снижению социальной напряженности в обществе. Рабочие на предприятиях трудились по 11—13 часов в сутки, не выполнялось даже тогдашнее трудовое законодательство.

Дзержинского приговорили к суровому, даже жестокому наказанию.

Этот юноша, вчерашний гимназист, отправляясь под конвоем в чуждую ему Россию, не мог не испытывать чувства одиночества, возможно, отчаяния. Он не успел обрести надежных соратников и учителей. Родные поддерживают его из сострадания, не разделяя его убеждений. А вдруг и новая, только что обретенная им вера окажется не истинной? На что тогда ему опереться в жизни?

Представить себя на месте Феликса Дзержинского трудно. Для этого надо иметь такую же, как у него, силу характера, что практически невозможно. Во всяком случае, он полон решимости пройти свой путь до конца. И биографы встают в тупик, пытаясь

понять, когда он успел стать таким.

1 августа 1898 года на рассвете из ворот Ковенской тюрьмы выходит партия осужденных на ссылку и каторгу. Среди них Феликс Дзержинский. На прощание — маленькая радость. Он замечает у ворот верную Альдону.

«Мне пришлось ждать всю ночь у стен тюрьмы, — вспоминала Альдона Кояллович. — Вдруг раздался стук открываемых ворот, и вслед за этим послышался звон кандалов. Я очнулась, подошла к воротам, из которых в окружении жандармов медленно выходила партия заключенных. Среди них был и Феликс. Сердце мое сжалось, когда я увидела брата. Я заплакала. Я пыталась подойти к нему, но жандарм не разрешил, и я услышала несколько слов Феликса: “Успокойся, не плачь, видишь, я силен и напишу тебе”».

Можно представить, какой ужас испытывала Альдона, наблюдая своего брата в окружении закоренелых преступников. Родственники еще надеются, что Феликс изберет не такой экстремальный образ жизни. Но он в своих письмах не оставляет им надежды:

«Мне уже невозможно вернуться назад. Пределом моей борьбы может быть лишь могила».

Он едва ли год отдал этой борьбе. И уже не может вернуться? Ладно, впереди много соблазнов его ждет. Любовь. Счастье отцовства. Он любит детей. Альдона не перестает надеяться. А этот упрямец продолжает выискивать все новые «радости» в своей тусклой жизни:

«Ты называешь меня беднягой. Правда, я не могу сказать, что я доволен и счастлив. Но я гораздо счастливее тех, кто на “воле” ведет бессмысленную жизнь. И если бы мне пришлось выбирать: тюрьма или жизнь на свободе без смысла, я избрал бы первое, иначе и существовать не стоило бы. Тюрьма страшна лишь для тех, кто слаб духом».

Феликс ужасает подобной бравадой свою добропорядочную, обремененную семейными заботами сестру, после смерти пани Хелены заменившую ему мать. Он счастливее тех, кто ведет бессмысленную жизнь на воле — только ли ее он с такой настойчивостью в этом убеждает? А не себя ли в первую очередь? Сохранилось очень много писем Дзержинского, отправленных им из мест заключения. В них предстает другой Феликс — нежный, любящий детей, охотно рассуждающий на темы воспитания, лелеющий воспоминания о ранних годах, проведенных в Дзержинове, мечтающий о светлом будущем, когда в мире исчезнут злоба, насилие и люди смогут обнять друг друга. Он пишет так год за годом...

Кому же, как не любимой сестре, может он поведать то, что

имел возможность хорошо обдумать во время длительного заточения? Через несколько лет Феликс отправит её такие строки из Седлецкой тюрьмы:

«Альдона, ты помнишь, наверно, мое бешеное упрямство, когда я был ребенком? Только благодаря ему, а также благодаря тому, что меня не били, у меня есть сегодня силы бороться со злом, несмотря ни на что. Не бейте своих ребят. Пусть вас удержит от этого ваша любовь к ним, и помните, что хотя с розгой меньше забот при воспитании детей, когда они еще маленькие и беззащитные, но когда они подрастут, вы не дождетесь от них радости, любви, так как телесными наказаниями и чрезмерной строгостью вы искалечите их души. Ни разу нельзя их ударить, ибо ум и сердце ребенка настолько впечатлительны и восприимчивы, что даже всякая мелочь оставляет в них след. А если когда-нибудь случится, что из-за своего нетерпения, которое не сумеешь сдержать, накажешь их, крикнешь на них, ударишь, то непременно извинись потом перед ними, приласкай их, покажи им сейчас же, дай почувствовать их сердечкам твою материнскую любовь к ним, согрей их, дай им сама утешение в их боли и стыде, чтобы стереть все следы твоего раздражения, убийственного для них. Ведь мать воспитывает души своих маленьких детей, а не наоборот; поэтому помни, что они не могут понять тебя, так как они еще дети, — следовательно, никогда нельзя раздражаться при них.

Я помню сам, как меня раз шлепнула мама, будучи страшно измученной лежащей исключительно на ней заботой обо всех нас и занятой по хозяйству; ни тебя, ни Стася, ни Ядвиси не было (кажется, вы тогда были уже в Вильно, хотя точно не помню); я что-то напроказничал, и в минуту раздражения мамы мне за это попало; я давай кричать вовсю и плакать от злости, а когда слез не хватило, я залез в угол под этажерку с цветами и не выходил оттуда, пока не стемнело; я отлично помню, как мама нашла меня там, прижала к себе крепко и так горячо и сердечно расцеловала, что я опять заплакал, но это уже были слезы спокойные, приятные и уже слезы не злости, как раньше, а счастья, радости и успокоения. Мне было тогда так хорошо! Потом я получил свежую булочку, из которых мама сушила сухари, и кусок сахара и был очень счастлив. Не помню уже, сколько лет мне тогда было, может быть, шесть-семь, это было у нас в Дзержинове».

Надо думать, выйдя на волю, Феликс немедленно устремляется в родовое гнездо, чтобы еще раз услышать «клекот аистов»? Вовсе нет. В Дзержинове он побывает после 1892 года только однажды по печальной необходимости, в 1917 году. Он сразу окунается в борьбу. Другие краски жизни как будто

перестают иметь для него значение. Недолгий период пребывания на свободе для Феликса завершается неизбежным возвращением в тюрьму (он же себя не щадит, не прячется за спинами товарищей). И снова заключенный обращается к лирике. Он мечтает побывать в родовом имении. Его воображению рисуются горы, море. Он на многих страницах дает старшей сестре советы, как воспитывать детей, при этом, боже упаси, не подвергая их наказанию. Вновь и вновь старается убедить: не подумайте, он не аскет, не узкий фанатик, он всей душой воспринимает краски жизни! Вопрос только в цене: если условием личного благополучия ставится отказ от убеждений, то Феликс предпочтет гниение в тюремном каземате бесцельному прозябанию на воле.

Не все, что пишет Дзержинский на волю, следует принимать за чистую монету. Жанр такой: тюремная лирика. Род терапии для замурованного в каземате человека. Кроме того, арестованный ведь не может не сознавать, что первыми читателями его посланий станут жандармы. Он обращается в том числе и к ним. Пусть знают, что он сохраняет твердость духа, силы, веру в правоту своего дела. Такого заключенного нет смысла дольше томить в каземате, истязать, надо завершать дело и отправлять его в ссылку. А уж оттуда...

Читая исповедальные письма Дзержинского, замечаешь, что в них он избегает упоминать о событиях, которые, несомненно, его потрясли. Среди них — смерть отца, матери, невесты (у него на руках от туберкулеза в 1904 году), убийство брата в их имении в 1917-м. Обо всем этом — очень лаконично и сдержанно.

Глава восьмая. ПЕРВЫЙ ПОБЕГ

В Нолинске ссыльные собирались в доме, где квартировала Маргарита Федоровна Николаева. Ее, слушательницу Бестужевских курсов в Петербурге, отправили в ссылку за участие в студенческих беспорядках.

Это — первая известная любовь Дзержинского.

Впоследствии уже в Советской России Николаева станет литературоведом, специалистом по творчеству Михаила Лермонтова, в 1940-х — директором дома-музея поэта в Пятигорске. Близкие Маргариты Федоровны знали, что она была знакома со многими видными большевиками, а с Крупской состояла в переписке. Но что знакома настолько хорошо... Николаева уйдет из жизни в 1957 году в возрасте 84 лет. В ее шкатулке обнаружат письма с признаниями в любви — от будущего создателя ВЧК!

Вятский губернатор Клингенберг при первой встрече с Феликсом взялся читать мораль недоучившемуся гимназисту, не предложив тому сесть. Немедленно услышал:

— Прежде всего разрешите взять стул!

Готово неблагоприятное впечатление. Оно очень скоро сыграет свою роль.

— Не смейте мне «тыкать»! — осаживал юноша полицейских исправников.

Устроившись в Нолинске набойщиком на махорочную фабрику, Дзержинский вскоре заработал трахому, тяжелое заболевание глаз. Маргарита Николаева стремится окружить молодого поляка заботой. Ведь погибнет. Ему в Нолинске намного труднее, чем остальным ссыльным. Те коротают время в охоте, застольях, ему же стыдно тратить время на заботы о себе, все мысли — о продолжении борьбы.

Казалось бы, Феликс должен предпринять все возможное, чтобы задержаться в районном центре, сохранить то, что он смог здесь обрести: любимую и любящую женщину, ее опеку, общество немногих близких ему по духу людей — революционеров. Однако он верен себе. Никакие бытовые соображения не отклоняют его от избранного пути. На махорочной фабрике он ведет среди рабочих «агитацию». Фабрикант заявляет в полицию. После разговора со ссыльным полицейский исправник составляет заключение: «Вспыльчивый и раздражительный идеалист, питает враждебность к монархии». Вновь его наказывают не за деяние, а за характер и образ мыслей. Губернатор Клингенберг распоряжается отправить Дзержинского еще на 500 верст севернее, в глухое село

Кайгородское. И вместе с ним — другого провинившегося ссыльного, народника Александра Ивановича Якшина.

Новый, 1899 год Дзержинский и Якшин встречаются уже в Кайгородском, в доме крестьян Лузяни-ных. Феликс сообщает Альдоне, что представляет собой Кай:

«Село довольно большое, пятьдесят лет назад было городом, в нем 100 дворов и около 700 жите-лей-крестьян. Расположено на берегу Камы, на границе Пермской и Вологодской губерний. Кругом леса. Много здесь медведей, оленей, лосей, волков и различных птиц. Летом миллион комаров, невозможно здесь ходить без сетки, а также открывать окна. Хорошо здесь охотиться, можно даже кое-что заработать. Мы заказали себе лыжи. Купили крестьянские тулупы».

Жить можно? Нет, очень скоро Кай станет для Феликса ненавистным местом. Его мучает сознание, что грядущие два с половиной года придется вычеркнуть из жизни. А много ли ему осталось? В апреле Феликс пишет Маргарите письмо, которое ее сильно встревожило. И место его ссылки — берлога, где нельзя не предаваться отчаянию (в тюрьме он отчаянию не предавался). И венчаться им — не время... С товарищем по несчастью Ал. И. (Якшиным) они ругаются по пустякам и затем подолгу не разговаривают...

«Не писал так долго, потому что и денег не имел, и не мог понять, что со мной. Новые сомнения снова овладели мной. Снова выступает вопрос: да разве я лично счастлив быть могу, разве могу дать кому что-либо, кроме одних только огорчений, разве я могу долго при бездействии, когда сам недоволен собой, дружно жить с кем-нибудь? Хотя бы с Ал. И. И я теперь [с ним] почти не разговариваю. Заговорим о выеденном яйце, а смотрим, уже ругаемся — и тон всему этому задаю я. Безделье меня и мучит, и делает каким-то злостным, не могущим воздержаться себя, ни дневная суতোлка, ни чтение не могут меня привести в равновесие. Я сделался живым трупом, от которого уже несет разложением... И что всего хуже — я падаю в своих собственных глазах, я сам вижу, сознаю разложение и не знаю, чем все это кончится. Ты видишь во мне фанатика, а между тем я просто жалкий мальчуган... Я смогу совсем разбить твою жизнь и тем разобью окончательно и свою собственную. Венчаться тоже, по-моему, надо будет избегать всеми силами. Ведь мы никогда не должны быть мужем и женой, зачем же связывать себя, ограничивать свою свободу и самому сознательно усиливать искушение и тем ослаблять свои уже надорванные силы. Я ведь сам первый предложил о венчании. Но теперь, когда я чувствую себя так[им] слабым и бессильным, мысль эта меня пугает...

Дорогая, ведь Кай — это такая берлога, что минутами невозможно устоять не только против тоски, но даже и отчаяния... Мы можем устроить только свидание, пожить друг с другом месяц какой, узнать хорошенько себя, убедиться, что работа обществен[ная] для нас выше всего, что мы годны к ней, что чувства наши сильны, что они не есть плод безделья. Тогда мы только будем иметь право устроить и свою личную жизнь».

Основную часть времени Феликс посвящает охоте и рыбалке. Чем еще заняться в Кае? В июне 1899-го его приезжает проведать Николаева. Эта самоотверженная женщина согласилась бы разделить с Феликсом его участь. Но он ее об этом не просит. Хотя свое чувство к ней продолжает называть любовью. Маргарита возвращается в Нолинск с тяжелым сердцем. Эта встреча не принесла радости ни ему, ни ей.

Дзержинский готовится к побегу. Приучает местного полицейского урядника к своим долгим отлучкам из дома. Изучает окрестности. В укромном месте прячет запас провизии и мешок с одеждой. Свои надежды он возлагает на быстрое течение Камы. За несколько дней беглец сможет добраться до железнодорожной станции. Якшин постарается убедить урядника, что Дзержинский, вероятно, заблудился на охоте. И в последних числах августа, почти за два года до окончания ссылки, Феликс на челноке отправился вниз по Каме.

Губернатору Клингенбергу нет покоя от дерзкого «мальчишки», недоучившегося гимназиста, вознамерившегося потрясти основы строя. Сбежал! В жандармские управления уходят описания беглого ссыльного:

«Приметы: рост 2 аршина, 7 ³/₄ вершка, телосложение худощавое; держит себя развязно; волосы на голове темно-русые; бороды и усов не имеет; прическа всегда в беспорядке; волосы зачесывает вверх; глаза большие, серые, с добрым выражением, дальновзор; лоб высокий, выпуклый; нос средней величины, ноздри несколько открыты; лицо крупное, белое, на левой щеке 3 маленькие бородавки, из них две с волосками; зубы все целы, рот небольшой; подбородок круглый; при разговоре кривит рот, причем левая часть поднимается кверху; голос мягкий, более детский, чем взрослого человека; уши непропорционально расширены в верхней части; походка с подскоком, тело чистое».

Поиски успеха не имели. Дзержинский сумел быстро добраться до Вильно, навестить родственников. Затем, раздобыв фальшивый паспорт, отправился в Варшаву. В столице Королевства Польского нет социал-демократической организации. Ее надо создавать. За это дело и берется Феликс Дзержинский.

Есть ли у него шансы задержаться на свободе после стольких испытаний? Ни единого. Его арест — вопрос нескольких месяцев или даже недель. И теперь он уже беглый, значит, следующее наказание будет еще более суровым. Однако таков Дзержинский: из всех своих ссылок он бежит не для того, чтобы отсидеться в безопасном месте. Он стремится на передовую, к нелегальной работе в Польше. Финал неизбежен: бессрочная каторга, кандалы, погребение заживо. Или — революция.

Пяти месяцев не пробыл Дзержинский на воле. 23 января 1900 года его арестовали в Варшаве во время сходки рабочих на квартире сапожника Ма-лясевича. Он готов к худшему. Больные легкие могут не выдержать каземата. Пишет сестре: «Я жил недолго, но жил».

Революционный фанатик?

Такое впечатление он на многих производит. Но если молодой Дзержинский — фанатик, то как назвать действующих лиц следующей главы?

Глава девятая. ПОДНЯВШИЕ МЕЧ ТЕРРОРА

Первые годы XX столетия. Герой этой книги, молодой революционер, мечтает о времени, когда «зло захлебнется в своей ненависти и погибнет». Он не участвует в вооруженной борьбе с самодержавием. Пока...

Будущий вождь революции Ленин еще только пишет статьи, выдержками из которых впоследствии будут доказывать его изначальную приверженность к террору.

На этом моменте задержимся. Сохраняется некоторая недосказанность. Казалось бы, все ясно: вот одна ленинская цитата, вот другая...

«Начинать нападения, при благоприятных условиях, не только право, но прямая обязанность всякого революционера. Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания, — такие операции уже ведутся везде, где разгорается восстание...»

Ленин, «Задачи отрядов революционных армий», октябрь 1905 года (статья тогда не была опубликована). Автор призывает членов революционных отрядов вооружаться кто чем может, от ружей и бомб до подручных средств — кастетов, тряпок с керосином для поджога, гвоздей против кавалерии, быть готовыми с верхних этажей обливаться правительственные войска кипятком.

Из ленинских призывов к насилию составлялись многостраничные брошюры. Напрашивается вывод: в октябре 1917-го к власти в стране пришел человек, издавна готовивший страну к красному террору.

А теперь попробуем объяснить следующее. В первых числах апреля 1917 года в революционный Петроград из эмиграции приезжает вождь большевиков. Поскольку он отказывается сотрудничать с деятелями Февраля и начинает готовить «свою» революцию, то сразу попадает под шквал обвинений. Он — опасный человек. Демагог. Разжигает низменные чувства толпы. Горстка авантюристов под его руководством, преждевременно взяв власть, загубит все дело социалистической революции. То и се ему предъявляют, вплоть до сотрудничества с немецким Генштабом. Однако в жестокости и приверженности к террору вождя большевиков тогда не обвиняли. Хотя многие знали его по эмиграции прекрасно. Читали его статьи, книги...

Все становится на свои места, если посмотреть, что писали и

говорили в то же время другие политики, даже не очень радикальные. В 1905 году «Искра», издававшаяся интеллигентными социал-демократами, меньшевиками, давала уроки уличных боев. В Москве и Петербурге маячил призрак Парижской коммуны. Это сказалось на тоне революционной печати. Лидер большевиков стремился встроиться в этот процесс — в своей манере, хорошо известной другим социалистам. А вот идеолог эсеров Виктор Чернов погромных статей не писал. Однако его партия вела настоящую войну с правительственными чиновниками, с сотнями жертв.

А кто тогда не призывал к террору?

Керенский, незадолго до Февраля: «Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам превратил закон в орудие издевательства над народом! С нарушителями закона есть только один путь — физическое уничтожение!»

Плеханов: «Успех революции — высший закон, и если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться».

Кадет Маклаков, брат министра внутренних дел, в 1915 году сказал, что для спасения России подошел бы «вариант 1801 года» (имел в виду убийство императора Павла).

Великая княгиня Мария Павловна, вдова Владимира Александровича Романова — дяди Николая II, сказала председателю Думы Родзянко об императрице Александре Федоровне: «Ее необходимо уничтожить».

А уж царствующим Романовым кто только не желал страшных кар! На одном из ранних съездов РСДРП обсуждался вопрос об отношении социал-демократов к смертной казни. Предлагалось требовать ее отмены. Кто-то воскликнул: «Что ж это, и Романова нельзя казнить?!» В зале раздались смешки. Действительно, нелепость: революция без казни царя!

В 1907 году муха всеобщей политизации укусила лирического поэта Бальмонта. Он выпустил сборник «Песни мстителя» и в нем стихотворение о «царе-висельнике», которое начиналось словами: «Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима, / Наш царь — кровавое пятно...», а заканчивалось пророчеством-пожеланием: «Кто начал царствовать — Ходынкой, / Тот кончит — встав на эшафот». Поэту-гражданину пришлось несколько лет отсиживаться за границей. Жалели.

Убийство восемнадцати представителей царской династии в революцию станет во многом коллективным преступлением, в котором исполнители поставили последнюю точку. Не зря же совестливый князь Георгий Львов, первый председатель

Временного правительства, в эмиграции каялся: «Это я — я их убил». Не дали Романовым уехать за границу. Да там их и не ждали.

* * *

В начале XX века в России возшла звезда партии социалистов-революционеров. Эсеры, считавшие себя наследниками традиций «Народной воли», сделают обществу первую прививку бесчувствия к насилию. Без таких инъекций не появились бы на теле России страшные язвы красного, белого, зеленого, черного и всяких прочих терроров.

Руководят боевой организацией партии в пору ее подъема Михаил Гоц, Евно Азеф и Борис Савинков. Соответственно — прикованный к постели калека, полицейский провокатор и авантюрист с наследственной склонностью к суициду.

Савинков еще и талантливый литератор, автор мемуаров и близких к жизни повестей с узнаваемыми персонажами. Товарищи по партии недовольны: о некоторых вещах ему следовало бы помолчать. Но честолюбцу, «сверхчеловеку» Савинкову наплевать. Он не прочь насолить этим чистоплюям и демагогам, решившим приостановить деятельность боевого крыла партии после скандала с разоблачением Азефа. Модный автор принят в литературных салонах, дружбой с ним дорожат Мережковский и Гиппиус. После Октября общественность будет с нетерпением ждать, когда же Савинков убьет Ленина...

Подсчитано, что эсеры совершили больше 260 только крупных терактов, в результате которых погибли два министра, 33 губернатора, семь генералов... Монархист Пуришкевич называл общее число погибших чиновников в стране: 20 тысяч. Огромный плакат со списком жертв он развернул в Думе с помощью думских приставов.

Эсеры — мастера составлять программные документы. Они уверяют, что их боевая организация ставит цель довести силы деспотизма до осознания невозможности их дальнейшего существования. Боевики в одной из своих прокламаций писали:

«Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности

сохранить далее самодержавный строй».

Любопытный пункт содержался в уставе боевой организации. Если партия вдруг решит, что террор нецелесообразен (допустим, правительство примет требования революционеров), то боевики имеют право довести до конца начатые предприятия...

В общем, по уверениям эсеров, идеология первична, а террор — вынужденное средство, спровоцированное самой властью. Но на голову распространителям этих мифов — литератор Савинков. Автор «Воспоминаний террориста» безжалостно свидетельствует:

«В Женеве, по случаю убийства Плеве, царило радостное оживление. Партия сразу выросла в глазах правительства и стала сознавать свою силу. В боевую организацию поступали многочисленные денежные пожертвования, являлись люди с предложением своих услуг». И еще: «В то время боевая организация обладала значительными денежными средствами: пожертвования после убийства Плеве исчислялись многими десятками тысяч рублей. Часть этих денег отдавали партии на общепартийные дела».

Начинали с народовольческой идеологии, пришли к бизнес-предприятию. Боевая организация эсеров — это корпорация убийц. Она кормит партию. Создает ей авторитет. Савинкову и подобным ему льстит ореол великих и ужасных. Виктор Чернов и другие руководители «мирного крыла» организации социалистов-революционеров в курсе дел боевиков. В той мере, в какой того желают.

Готовя покушение на петербургского градоначальника Трепова, боевики устанавливают, что можно без труда убить министра юстиции Муравьева. Но Муравьев вроде «не в плане», репрессиями себя не запятнал. Но ведь как просто убить! Буквально вертится у террористов под носом этот беспечный Муравьев. Трудно, что ли, придумать обоснование? Возникает дискуссия в руководстве. Савинков, конечно, «за»: покушение на Трепова может сорваться, так хоть — министра юстиции. Муравьев чудом уцелел: сначала дрогнули метальщики, а затем он на свое счастье вышел в отставку.

Организацию объединяет дух рыцарства и братства. Савинков умело поддерживает эту атмосферу. Своих соратников он описывает с любовью и восхищением, будто не имеет отношения к тому, как складываются дальше их судьбы. Вот, например, Егор Сазонов, взорвавший министра внутренних дел Плеве, «истинный сын народовольцев, фанатик революции, ничего не видевший и не признававший кроме нее»:

«Сазонов был молод, здоров и силен. От его искрящихся глаз и румяных щек веяло силой молодой жизни. Вспыльчивый и

сердечный, с кротким, любящим сердцем, он своей жизнерадостностью только еще больше оттенял тихую грусть Доры Бриллиант. Для него террор прежде всего был личной жертвой, подвигом. Но он шел на этот подвиг радостно и спокойно, точно не думая о нем, как он не думал о Плеве. Революционер старого, народовольческого, крепкого закала, он не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о “не убий”».

Савинков — Сазонову перед покушением:

— Как вы думаете, что будем мы чувствовать после... после убийства?

Сазонов, не задумываясь:

— Гордость и радость.

— Только?

— Конечно, только.

А потом он писал Савинкову из Сибири: «Наше рыцарство было проникнуто таким духом, что слово “брат” еще недостаточно ярко выражает сущность наших отношений».

Сазонов уцелеет при покушении, но взрывом ему расплющит ногу, оторвет на стопе два пальца. Он покончит с собой на каторге. А «брат» Савинков продолжит свою миссию организатора убийств и соавтателя юных душ.

Еще один типаж — упоминавшаяся Дора Бриллиант:

«Молчаливая, скромная и застенчивая, Дора жила только одним — своей верой в террор. Признавая необходимость убийства Плеве, она вместе с тем боялась этого убийства. Она не могла примириться с кровью, ей легче было умереть, чем убить. И все-таки ее неизменная просьба была — дать ей бомбу и позволить быть одним из метальщиков. Ключ к этой загадке (для Савинкова его «живые бомбы» — материал для наблюдения. — С. К.), по-моему, заключается в том, что она, во-первых, не могла отделить себя от товарищей, взять на свою долю, как ей казалось, наиболее легкое, оставляя им наиболее трудное, и, во-вторых, в том, что она считала своим долгом переступить тот порог, где начинается непосредственное участие в деле. Террор для нее окрашивался прежде всего той жертвой, которую приносит террорист. Эта дисгармония между сознанием и чувством глубоко женственной чертой ложилась на ее характер. Вопросы программы ее не интересовали. Ее дни проходили в молчании, в сосредоточенном переживании той внутренней муки, которой она была полна. Она редко смеялась, и даже при смехе глаза ее оставались строгими и печальными».

И еще персонаж:

«Ивановская прожила свою тяжелую жизнь в тюрьмах и ссылке. На ее бледном, старческом, морщинистом лице светились ясные, добрые материнские глаза. Все члены организации были как бы ее родными детьми. Она любила всех одинаково, ровной и тихой, теплой любовью. Она не говорила ласковых слов, не утешала, не ободряла, не загадывала об успехе или неудаче, но каждый, кто был около нее, чувствовал этот неиссякаемый свет большой и нежной любви. Тихо и незаметно делала она свое конспиративное дело и делала артистически, несмотря на старость своих лет и на свои болезни. Сазонов и Дора Бриллиант были ей одинаково родными и близкими».

И какая-то совсем изломанная натура:

«Мария Бенеvская, знакомая мне еще с детства, происходила из дворянской военной семьи. Румяная, высокая, со светлыми волосами и смеющимися голубыми глазами, она поражала своей жизнерадостностью и весельем. Но за эту беззаботную внешностью скрывалась сосредоточенная и глубоко совестливая натура. Именно ее, более чем кого-либо из нас, тревожил вопрос о моральном оправдании террора. Верующая христианка, не расстававшаяся с Евангелием, она каким-то неведомым и сложным путем пришла к утверждению насилия и к необходимости личного участия в терроре».

У Бенеvской при подготовке покушения на адмирала Дубасова в руках взорвется запал. Она станет инвалидом: лишится кисти левой руки и двух пальцев на правой. Другой террорист, Моисеенко, женится на Бенеvской и последует за ней на каторгу.

Типажи на любой вкус. Наконец, Савинков представляет самого известного персонажа из своей коллекции. Сын околоточного надзирателя из Варшавы Иван Каляев взорвал 4 февраля 1905 года в Москве великого князя Сергея Александровича, дядю царя.

«Каляев любил революцию так глубоко и нежно, как любят ее только те, кто отдает за нее жизнь. Он любил искусство. Когда не было революционных совещаний, он подолгу и с увлечением говорил о литературе. Говорил он с легким польским акцентом, но образно и ярко. Имена Брюсова, Бальмонта, Блока, чуждые тогда революционерам, были для него родными. Для людей, знавших его очень близко, его любовь к искусству и революции освещалась одним и тем же огнем, — несознательным, робким, но глубоким и сильным религиозным чувством. К террору он пришел своим особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную,

быть может, религиозную жертву».

Будущее Каляев представлял как царство террора. Эсер без бомбы — не эсер. Идеальной страной ему представлялась тогдашняя Македония. Но — ничего, и в России когда-нибудь все станут террористами. Будет и у нас своя Македония, разгорится пожар, крестьяне возьмутся за бомбы...

Кличка Каляева — «Поэт».

Он считается примером «благородного» террориста. Каляеву поручили взорвать великого князя Сергея Александровича. Сделал он это со второй попытки. В первый раз, подойдя к карете князя, он увидел в ней детей и не стал бросать бомбу. Такова версия «Поэта». Ее примут на веру.

Как же легко утверждаются в нашем обществе мифы! Откроем «Воспоминания террориста».

Чем виноват перед эсерами великий князь? В бытность Сергея Александровича московским генерал-губернатором случилась трагедия Ходынки — но тому уже десять лет. Сергей Александрович считается слабым администратором и недалеким человеком. Главное же, что он носит фамилию «Романов» и передвигается по городу без охраны. Значит, покушение обещает быть громким и легким по исполнению. О чем еще мечтать боевой организации? Выгодное во всех отношениях предприятие.

2 февраля 1905 года «Поэт» поджидает карету Сергея Александровича у Большого театра. В ней он обнаруживает рядом с жертвой его жену и двоих детей (племянников князя). Каляев отказывается от намерения. Психологически это объяснимо. Террорист идет на смерть. Он все для себя решил. Но какая-то часть его сознания продолжает цепляться за жизнь, ожидать непредвиденных обстоятельств, которые позволили бы ему задержаться на этом свете. В карете дети! Смена сценария. Он уходит с места покушения, направляется к товарищам, чтобы объяснить им свое решение. Но ему уже стыдно...

Так и произошло с Каляевым. Встретившись с Савинковым в Александровском саду, он уверяет, что не мог убить детей. Но если товарищи настаивают... Тогда он тем же вечером повторит попытку, когда князь будет возвращаться из театра. И без колебаний убьет всю семью вместе с детьми. Что скажут товарищи?

«От волнения Каляев не мог продолжать. Он понимал, как много поставил на карту: не только рискнул собой — рискнул всей организацией. Его могли арестовать с бомбой в руках у кареты, и тогда покушение откладывалось бы надолго».

Савинков, несомненно, оценил пропагандистское значение этого эпизода и решил сохранить его для истории. Не стоит

повторять попытку. Ведь убить князя так просто. Действительно, через два дня «Поэт» хладнокровно разорвал на части Сергея Александровича, а также покалечил его кучера Ру-динкина. В одной из московских газет событие 4 февраля 1905 года освещалось так:

«Взрыв бомбы произошел приблизительно в 2 часа 45 минут. Он был слышен в отдаленных частях Москвы. Особенно сильный переполох произошел в здании суда. Заседания шли во многих местах, канцелярии все работали, когда произошел взрыв. Многие подумали, что это землетрясение, другие, что рушится старое здание суда. Все окна по фасаду были выбиты, судьи, канцеляристы попадали со своих мест. Когда через десять минут пришли в себя и догадались, в чем дело, то многие бросились из здания суда к месту взрыва. На месте казни лежала бесформенная куча вышиной вершков в десять, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика, человек тридцать, сбегавшихся первыми, осматривала следы разрушения, некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги. В это время выскочила Елизавета Федоровна в ротонде, но без шляпы, и бросилась к бесформенной куче. Все стояли в шапках. Княгиня это заметила. Она бросалась от одного к другому и кричала: “Как вам не стыдно, что вы здесь смотрите, уходите отсюда”. Лакей обратился к публике с просьбой снять шапки, но ничто на толпу не действовало, никто шапки не снимал и не уходил. Полиция же это время, минут тридцать, бездействовала... Уже очень нескоро появились солдаты и оцепили место происшествия, отодвинув публику».

Голову Сергея Александровича нашли на крыше одного из ближайших домов. В обществе ходила изысканная шутка: недалекому великому князю «наконец-то пришлось пораскинуть мозгами».

Каляев выжил. Ему остается только писать письма и произносить речи — для истории. Поклонник Брюсова, Бальмонта и Блока мгновенно на короткое время стал знаменитее их всех. Возможно, к этому и стремился поэт-графоман, сын околоточного надзирателя. Программа движения для него, как и для других савинковцев, «не имела значения». Он пишет письмо товарищам. Выживший смертник — о своем теракте:

«Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того, как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо,

сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти, хотя было несколько долгих мгновений, когда никого не было вокруг. Я пошел... В это время послышалось сзади: “держи, держи”, — на меня чуть не наехали сыщичьи сани, и чьи-то руки овладели мной. Я не сопротивлялся. Вокруг меня засуетились городской, околоток и сыщик противный... “Смотрите, нет ли револьвера, ах, слава богу, и как это меня не убило, ведь мы были тут же”, — проговорил, дрожа, этот охранник. Я пожалел, что не могу пустить пулю в этого доблестного труса. “Чего вы держите, не убегу, я свое дело сделал”, — сказал я... “Давайте извозчика, давайте карету”. Мы поехали через Кремль на извозчике, и я задумал кричать: “Долой проклятого царя, да здравствует свобода, долой проклятое правительство, да здравствует партия социалистов-революционеров!” Меня привезли в городской участок... Я вошел твердыми шагами. Было страшно противно среди этих жалких трусишек... И я был дерзок, издевался над ними».

В Пугачевской башне Бутырской тюрьмы, где содержался «благородный» террорист, его посетила вдова погибшего — великая княгиня Елизавета Федоровна...

«Мы смотрели друг на друга, не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я — случайно, она — по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать лишнего кровопролития.

И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности, если не мне, то во всяком случае судьбе за то, что она не погибла».

Он ей жизнь даровал. Она пришла его благодарить. Елизавета Федоровна протянула убийце иконку со словами: «Я буду молиться за вас». Каляев в письме товарищам так объяснял ее жест: «Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя».

«Поэт» на сцене, хочет эффектно умереть под аплодисменты зрителей. Внимание общества чрезвычайно ему льстит. Но тут пошло наперекосяк. В прессе его представили кающимся грешником, получившим прощение от Елизаветы Федоровны. Графоман строчит послание несчастной княгине:

«Мне следовало отнестись к вам безучастно и не вступать в разговор. Но я поступил с вами мягче, на время свидания затаив в себе ту ненависть, с какой я отношусь к вам. Вы оказались недостойной моего великодушия. Я не объявлял себя верующим и не выражал какого-либо раскаяния».

На судебном заседании 5 апреля Каляев произнес длинную речь, которой рукоплескала тог-дашняя революционная общественность:

— Я — не подсудимый перед вами, я — ваш пленник. Мы — две воюющие стороны. Вы — представители императорского правительства, наемные слуги капитала и насилия. Я — один из народных мстителей, социалист и революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слез, разлившееся по всей стране...

Тра-та-та...

Истерики, позеры, одержимый манией «красиво» уйти из жизни. Один из тех убийц, для кого «программа не имела значения». А легенда о благородном террористе жива.

Еще одна соратница Савинкова, Татьяна Леонтьева (дочь якутского вице-губернатора, светская барышня), в 1906 году в Швейцарии во время завтрака в отеле вдруг начала палить из пистолета в пожилого француза по фамилии Мюллер, сидевшего за соседним с нею столом. Она ошибочно приняла его за российского министра внутренних дел Дурново. Француз выжил. Швейцарский суд приговорил Леонтьеву к... четырем годам тюремного заключения.

Глава десятая. В СИБИРЬ, НЕНАДОЛГО

Дзержинский после побега из ссылки — опасный политический преступник. Его отправляют сначала в Х павильон Варшавской цитадели, а затем в тюрьму в Седльце. Режим содержания — строгий. Почти полная изоляция. В каменном мешке он проведет два года и назовет этот период «двухлетним погребением». Перед тем как отправиться на этап, напишет сестре:

«Тюремные стены так опротивели мне, что я не могу уже хладнокровно смотреть на них, на своих сторожей, на решетки. Я уверен, что если бы меня теперь совсем освободили и я приехал бы к вам, то вы назвали бы меня бирюком; я не сумел бы сказать вам свободно и несколько фраз; шум жизни мешал бы мне и раздражал бы меня».

Из зеркала на Феликса смотрит угрюмое лицо с огрубевшими чертами и глубокими складками на лбу. И это вчерашний гимназист! — удивляется он сам. Губы сжаты, глаза в минуты волнения делаются страшными, так что многие, кто с ним спорит, отводят взгляд. Подурнел, изнервничался. Такой портрет он сам рисует в письмах родным.

В 1902 году врач Седлецкой тюрьмы ставит заключенному диагноз, к которому тот давно готов: туберкулез легких.

Утешают его в этом каменном мешке воспоминания о еще более страшном месте, откуда он бежал. О... Кае. Вот сущий ад. Но почему? Из письма Альдоне: «Летом в Кайгородском я весь отдался охоте. С утра до поздней ночи, то пешком, то на лодке, я преследовал дичь. Никакие препятствия меня не останавливали. Лесная чаща калечила мое тело. Я часами сидел по пояс в болоте, выслеживая лебедя. Комары и мошки кололи, как иголки, мне лицо и руки, дым разъедал глаза. Холод охватывал все тело, и зуб на зуб не попадал, когда по вечерам, по грудь в воде, мы ловили сетью рыбу или когда под осень я выслеживал в лесу медведя».

Но ведь это свобода. Некоторые по доброй воле ведут такое существование...

Это иллюзия свободы, объясняет Феликс. Пустая трата лет, которые могли быть отданы борьбе. Тоска тогда все больше заполняла его душу: «Я думал, что сойду с ума, начал думать о небытии».

Кайгородское — единственное место на земле, где Дзержинский испытывал настоящее отчаяние. Напротив, погребение в тюрьме давало ему ощущение, что он продолжает борьбу, остается на передовой. Поэтому крепость для него «во сто

крат лучше» ссыльной полусвободы.

Маргарита Николаева узнает, что случилось с ее возлюбленным. Она отправляет ему телеграмму, а затем письмо. Ее чувства к нему остаются неизменны — читает Феликс. Маргарита теперь живет в Самаре. Революционный энтузиазм в ней угас, хотя она по-прежнему готова разделить его судьбу — просто как любящая женщина. Но Феликсу нужна единомышленница. В ноябре 1901 года, узнав о новом своем приговоре, он отправляет Николаевой откровенное письмо, которое через много-много лет найдут в ее шкапулке:

«Я за это время, которое прошло после последней нашей встречи, решительно изменился и теперь не нахожу в себе того, что некогда было во мне, и осталось только воспоминание, которое мучает меня... Получилось со мной то, что почти со всяким случается, но о чем писать при моих условиях несколько неудобно... Я стал жить и живу теперь и личной жизнью, которая никогда хотя не будет полная и удовлетворенная, но все-таки необходима. Мне кажется, Вы поймете меня, и нам, право, лучше вовсе не стоит переписываться, это только будет раздражать Вас и меня. Я теперь на днях тем более еду в Сибирь на 5 лет — и значит, нам не придется встретиться в жизни никогда. Я — бродяга, а с бродягой подружиться — беду нажить... Прошу Вас, не пишите вовсе ко мне, это было бы слишком неприятно и для Вас, и для меня, и я потому прошу об этом, что, как Вы пишете, Ваши отношения ко мне несколько не изменились, а нужно, чтобы они изменились, и только тогда мы могли бы быть друзьями. Теперь же это невозможно.

А затем будьте здоровы, махните рукой на старое и припомните те мои слова о том, что жить можно только настоящим, а прошлое это дым. Еще раз будьте здоровы и прощайте».

Какой представлял себе идеальную женщину Феликс Дзержинский? Высказаться на эту тему его попросят через двадцать лет, уже после революции, на одном из торжественных мероприятий. Очевидец запомнит его слова:

«Он встал и произнес совершенно исключительную по теплоте, искренности и жизнерадостности речь о женщине-товарище, которая в революционной борьбе идет в ногу с нами, мужчинами, которая зажигает нас на великое дело борьбы, которая одобряет и воодушевляет нас в минуты усталости и поражений, которая навещает нас в тюрьме и носит передачи, столь дорогие для узника, когда нас арестуют, которая улыбается на суде, чтобы поддержать нас в момент судебной расправы над нами, и которая бросает нам цветы, когда нас ведут на эшафот».

Такую самоотверженную единомышленницу Феликс Дзержинский нашел. В тюрьме его навещала Юлия Гольдман. Эту девушку он скоро назовет своей невестой.

* * *

Теперь путь Дзержинского лежит в Восточную Сибирь. Точное место ссылки определит на месте иркутский генерал-губернатор. Наверное, Феликсу в воображении рисуется ненавистная Кая, только в снегах и намного-намного дальше. Но он не унывает, поскольку верит: бежать можно отовсюду. Спасибо верной Альдоне, успела передать «неисправимому» валенки и тулуп, хотя он был готов отправиться по этапу в ватном пальто. 28 февраля 1902 года в Александровскую пересыльную тюрьму прибыл с Московского тракта политический ссыльный Дзержинский.

Александровский централ советские авторы называли «зловещим». В действительности это учреждение на всю страну славилось либерализмом, доходящим до экстравагантности. Обитатели пересылки были практически предоставлены сами себе. Им могли даже разрешить отлучиться в Иркутск, расположенный в 70 километрах. Одно время здесь был и тюремный оркестр, которым дирижировал сам начальник «зловещего учреждения» Лятоскевич.

Феликс писал сестре:

«Весь день камеры наши открыты, и мы можем гулять по сравнительно большому двору. Пища больничная: молоко, белый хлеб, котлеты, а к ужину мы варим себе картошку, а чай пьем почти целый день, непрерывно. У нас есть книги, и мы читаем немного, но больше разговариваем и шутим. Я встретил здесь целый ряд земляков, преступников не политических, которые так же тоскуют по родному краю и семье и которые в очень многих случаях попали сюда по произволу царской администрации. Я стараюсь изучить этих людей, узнать, что толкнуло их на преступления, чем живут их души. Представьте себе, есть такие, которые сидят здесь по 10 месяцев, ожидая лишь отправления в то место, где им должны выдать паспорта. Вообще, если о Европейской России можно много говорить и писать, то о Сибири лучше молчать — столько здесь подлости, что не хватит даже времени все перечислить. С постройкой железной дороги всевластие мелких пиявок понемногу уменьшается, но, как обычно, зло исчезает чрезвычайно медленно. А тюрьма меня не очень раздражает, так как стражников я вижу только один раз в день, и весь день я среди товарищей на свежем воздухе».

Можно и дух перевести после двухлетнего «погребения», тяжелого этапа? Нет, это не для Дзержинского. Ему нужно быстрее узнать место ссылки и подготовиться к побегу. Дни идут за днями, а он все еще в пересыльной тюрьме. Далее — слово советским биографам Дзержинского. 6 мая в «зловещем» центре происходит восстание. Политические выгоняют с территории тюрьмы надзирателей, укрепляют ворота бревнами, поднимают над тюрьмой красный флаг. Феликс во главе восставших. Прибывшее из Иркутска начальство испугалось огласки. Требования революционеров удовлетворены, дело завершается миром.

Похоже на правду? Не очень. Молодому ссыльному поляку потом бы не поздоровилось. Сам он в автобиографиях не упоминал об этом эпизоде. Какая-то акция неповиновения имела место, и Феликс не мог остаться в стороне в силу своего характера. Но в число ее зачинщиков он входить не мог. Иркутский историк Александр Иванов по просьбе автора книги обратился в Государственный архив Иркутской области. Там он обнаружил три документа, имеющие отношение к пребыванию Дзержинского в губернии. Первый — сообщение о его прибытии по этапу из Москвы. Второй — малозначащая просьба, которую Феликс, уже продолжив путь к месту ссылки, отправил иркутскому прокурору 24 мая из Верхоленска (видимо, для усылки бдительности охранников). Наконец, третий от 30 июня — донесение жандармского офицера прокурору о том, что политический ссыльный Дзержинский скрылся...

Местом отбытия наказания Феликсу назначили Вилуйск на севере Якутии. В этом городке когда-то томился Чернышевский. Когда открылась навигация, Дзержинского и его товарищей по несчастью отправили в Якутию.

Вдвоем бежать сподручнее. В сообщники Феликс приглашает эсера Сладкопевцева. Первым делом надо под каким-то предлогом отстать от партии. Готово — во время остановки в Верхоленске местный врач выписывает им справки о болезни. В ночь на 12 июня беглецы выбирают из окна дома, где они живут (боятся разбудить хозяев), крадутся к реке, забираются в рыбацью лодку. Их подхватывает быстрое течение Лены. Деревня тает в темноте. «Тогда крик радости вырывается из груди беглецов, измученных более чем двухлетним пребыванием в тюрьме. Хотелось обнять друг друга, хотелось громко, на весь мир прокричать о своей радости...» Обстоятельства этого 17-дневного путешествия Дзержинский опишет в документальном рассказе «Побег», который увидит свет в польской революционной печати. Повествование ведется от третьего лица.

К утру смельчаки наметили проплыть не меньше ста километров. Гребут попеременно, и лодка летит по реке, как птица. Однако радоваться преждевременно. В темноте они слышат грохот приближающегося водопада. Одну преграду миновали, но на второй лодка переворачивается, и Феликс чуть не тонет:

«Беглец, сидевший на веслах, и крикнуть не успел, как погрузился в воду. Инстинктивно схватился он за ветку, торчащую из воды, и выплыл на поверхность, но зимнее ватное пальто, промокшее насквозь, тянуло вниз всей своей тяжестью; тонкая ветка сломалась, он схватился за другую, но и эта не смогла его удержать... но второй успел вовремя прыгнуть на пенёк и помог наконец товарищу выбраться из воды. Неприятные это были минуты: на пустынном острове, потерпевшие крушение, лишившись всего, вблизи места ссылки, они почувствовали себя снова заключёнными. Но нет, беглец не покорится! Взглянули они друг на друга и поняли, что оба думают об одном и том же: смерть или свобода, возврата больше нет, борьба до смерти».

Спас Сладкопевцев будущего «рыцаря революции». Но пока они на острове. Надо как-то переправляться на берег и дальше пробираться пешком и на перекладных, стараясь не попасться на глаза полицейским исправникам и деревенским осведомителям. Беглецы решили выдавать себя за купцов, потерпевших крушение. К счастью, у них имелись при себе деньги. Вскоре к их острову подошла лодка с крестьянами, которые за пять рублей согласились перевезти «купцов» на берег. Вскоре они уже выезжали из деревни на подводе. Не раз приходилось им демонстрировать артистические способности, изображая из себя важных персон, даже покрикивать на деревенских старост. Ямщики брали с них деньги и не задавали лишних вопросов. Вот, наконец, и железнодорожная станция...

Из Польши соратники переправили Дзержинского за границу.

Глава одиннадцатая. НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ...

На этот раз Феликс, совершая свой побег, стремился не только к борьбе, но и к счастью. Он оставил в Вильно девушку, ради которой готов был преодолеть тысячи километров.

С долгой дороги беглец отправился первым делом к двоюродной сестре Станиславе Богущкой. Она вспоминала:

«Вид у него был усталый, одежда порвана, на ногах дырявые сапоги, ноги опухли от долгой ходьбы. Но Феликс был весел и очень доволен своим возвращением. Он сразу стал играть с детьми, которых очень любил. Во время обеда Феликс много рассказывал о ссылке, о том, как он бежал со своим товарищем в лодке. На следующий день он отправился к своим друзьям Гольдманам».

Вполне возможно, за границу поначалу Дзержинский не собирался. На его решение могло повлиять известие о том, что Юлия Гольдман лечится от туберкулеза в швейцарском местечке Лезен.

В середине августа Феликс сообщал Альдоне:

«Теперь я на чужбине — в Швейцарии, высоко над землей, на вершине горы. Сегодня облака на целый день окутали нас своей белой пеленой, и сразу стало мрачно, серо, сыро, идет дождь, и не знаешь, откуда он: сверху или снизу. А обычно здесь так прекрасно и сухо! Кругом — снежные горы, зеленые долины, скалы, обрывы, деревушки. И все это беспрестанно меняет свои краски и свою форму в зависимости от освещения, и кажется, будто все, что можно охватить взглядом, живет и медленно движется. Здесь хорошо, но какая-то тяжесть сдавливает грудь — воздух разрежен, и надо привыкнуть к нему; а взор везде встречает препятствия — здесь нет широкого горизонта, кругом горы, и кажется, что ты отрезан от жизни, отрезан от родины, от братьев, от всего мира. В Вильне я узнал, что здесь в Ле-зене лежит мой самый близкий друг, поэтому-то судьба загнала меня так далеко. Теперь ему значительно лучше, но раньше я опасался за его жизнь».

Очень скоро «самого близкого друга» Феликс начнет называть своей невестой.

Лидеры польско-литовской социал-демократии Роза Люксембург, Лео Тышка и другие живут в Берлине. Социал-демократия в Германии не запрещена. Как странно для нелегала, прибывшего из России! За выпуск марксистской литературы,

политическое просвещение рабочих, даже за призывы к забастовкам в Западной Европе не отправляют на каторгу. А некоторые за это по линии профсоюзов еще и получают зарплату...

Даже тезис о спасительности диктатуры пролетариата в Берлине можно обсудить в кафе за рюмкой ликера!

На Розу и ее товарищей Феликс производит большое впечатление. Вот — практик, который так необходим их СДКПиЛ (партии «Социал-демократии Королевства Польского и Литвы»). Однако прибывший сообщает им неприятные вещи. В Польше их влияние не ощущается. Агитационная литература до масс не доходит. Поэтому роль Дзержинского в партии определяется быстро. На конференции СДКПиЛ, состоявшейся 1—4 августа 1902 года, принимается решение создать газету «Червоны штандар» («Красное знамя»), предназначенную для распространения на местах. Дзержинскому поручено наладить издательство в Кракове, транспорт партийной литературы через границу, связь с организациями в Польше. Его вводят в состав заграничного комитета СДКПиЛ. Он может жить на партийные деньги.

Дзержинский обосновывается в Кракове, польском городе, находящемся на территории Австро-Венгрии, недалеко от границы с Россией. В партии его отныне называют Юзефом.

Впервые в жизни Феликс испытывает надежду на счастье. В соратницы он возьмет выздоравливающую Юлию. Страстную, преданную, красивую. Свою полную единомышленницу.

Но прежде надо привести себя в норму. Кое-что можно доверить только Альдоне:

«Скверная это вещь — носить в себе врага, который преследует тебя по пятам; лишь на мгновение можно забыть о нем, но потом он опять напоминает о себе».

Туберкулез — это то, о чем Дзержинский почти никогда не говорит. Но он висит над ним с юности дамокловым мечом, конечно, многое определяя в его поступках. Вновь почувствовав себя хуже, Феликс обращается к проживающему в Кракове знакомому врачу Кошутскому, социалисту.

«В то время я был ассистентом в санатории “Братской помощи” для студентов в Закопане, — вспоминал Кошутский. — Используя свое положение, я записал Феликса в санаторий как учащегося зубоврачебного училища под именем Юзефа Доманского. Имя Юзеф стало его партийной кличкой. После приезда Феликса в Закопане мы вместе с главным врачом санатория Жухонем подвергли его медицинскому обследованию и установили, что состояние его легких не вызывает опасений за

жизнь».

Обычно такие курсы лечения помогают Феликсу. И на сей раз в декабре 1902-го он сообщает сестре: «Мне стало значительно легче, я прибавил в весе, меньше кашляю, отдохнул».

В Кракове Дзержинский налаживает издание партийной газеты. Он и сам устраивается в типографию корректором, ведь ему приходится навещать в Швейцарии Юлию, а это — его личная статья расходов. Надежд на то, что чахотка пощадит ее, остается все меньше. В июне 1904 года Альдона получает от брата открытку с известием:

«Юля скончалась 4/VI, я не мог отойти от ее постели ни днем ни ночью. Страшно мучилась. Она умирала в течение целой недели, не теряя сознания до последнего мгновения».

Счастье опять разминулось с Феликсом Дзержинским.

И — вновь Альдоне, через несколько дней:

«Жизнь отняла у меня в борьбе одно за другим почти все, что я вынес из дома, из семьи, со школьной скамьи, и осталась во мне лишь одна пружина воли, которая толкает меня с неумолимой силой».

Лишь в конце августа, спустя три месяца после смерти Юлии, Феликс признается сестре: «Острая тоска и боль прошли, и наступила апатия, безразличие. Не все ли равно? Так или иначе, а жить нужно». Пребывание в Кракове теперь его тяготит. Он занимается здесь бесполезным делом. Феликс начинает нелегально приезжать в Варшаву, невзирая на запреты ЦК. Подпольная работа с ее постоянным риском, опасностями возвращает его к жизни.

* * *

Дзержинский — изобретательный конспиратор. Это качество проявилось у него еще в гимназические годы. Тогда, в Вильно, юный Феликс придумал хитроумный способ переписываться с девочкой из другой гимназии. Почтальоном выступал... ксендз, который каждый день по утрам заходил в ту и другую гимназии, оставляя калоши у порога. В его-то калоши под стельки они и клали свои записки. Когда хитрость вскрылась, молодые люди получили взыскание. Эту историю поведала Софья Дзержинская-Мушкат со слов своего мужа.

Чарна (тогдашнее партийное прозвище Софьи Мушкат) считалась в Варшаве лучшей связной организации социалистов. На ее адрес приходили партийные послания, девушка доставляла их адресатам. Впервые она увидела Юзефа в начале февраля 1905

года на конспиративной квартире. Он для нее — представитель высокого партийного руководства, о его мужественном поведении в тюрьме, рискованных побегах начинают складываться легенды. Так вот он какой...

«В залитой солнцем комнате стоял высокий, стройный светлый шатен, с коротко остриженными волосами, с огненным взглядом пронизательных серо-зеленоватых глаз. Это был Феликс Дзержинский, которого я в тот день увидела впервые. Но еще до этой встречи я много слышала о товарище Юзефе от Ванды и других подпольщиков. Настоящего его имени и фамилии я, разумеется, тогда не знала... Юзеф поздоровался со мной крепким рукопожатием. Меня удивило, что он знает обо мне, о выполняемых мною партийных поручениях, мою фамилию. Он посмотрел на меня пристально, и мне показалось, что он насквозь меня видит. Как выяснилось, до своего приезда в Варшаву он несколько раз присылал из Кракова нелегальные партийные письма на мой адрес. Я отдала Юзефу принесенную корреспонденцию и, согласно требованиям конспирации, сразу ушла, взволнованная и обрадованная неожиданной встречей».

Софью дважды арестовывали, после чего ей пришлось перебраться в Краков. Весной 1910 года она вновь встречается с Юзефом. Они уже неплохо знакомы. Согласна ли она помочь революционеру разобраться с партийным архивом? Конечно! Каждое утро девушка приходит в его служебную квартиру, где занимается своим делом, а он — своим. Иногда играет на фортепиано (она по профессии преподаватель музыки). Юзеф внимательно слушает, не прекращая работать. Постепенно ее обязанности расширяются. Она помогает ему готовить материалы для партийных изданий. Пишет письма товарищам в Королевство Польское, а Юзеф между строк вписывает конспиративные тексты. У него не бывает выходных. Лишь изредка девушке удается уговорить его сходить на прогулку в горы или к реке Висле.

Жил Дзержинский, конечно, в спартанских условиях. «Вся обстановка, — вспоминала Софья Сигизмундовна, — состояла из маленького письменного столика, этажерки с книжками, стула и короткого диванчика. На этом диванчике спал Юзеф, без подушки, которой он не имел. Были в этой кухоньке еще табуретка с тазом, кувшин с водой и ведро. На покрытой газетами плите стояли примус и чайник».

Оживляло это хмурое пристанище присутствие детей: «Я часто заставляла в его квартире ребятишек, бегавших, шумевших, делавших из стульев трамваи и поезда. Юзеф собирал со двора детвору бедноты и устраивал для них у себя в квартире нечто

вроде детского сада».

Их отношения развиваются медленно, без потрясений. Наконец Феликс предлагает своей помощнице съездить на неделю в Татры, походить по горным тропам, полюбоваться видом глубоких ущелий, водопадов, зеленых долин. Неделя отдыха, конечно, превратилась в три дня. Но во время этого романтического путешествия они решили стать мужем и женой. В августе 1910 года Феликс и Софья поженились. А уже в ноябре Юзеф отправляет свою супругу с нелегальным заданием в Польшу...

Софья не сказала ему, что ждет ребенка. Но если бы и сказала, что бы это изменило? Партия приняла такое решение еще до их бракосочетания. Разве стал бы Феликс просить побряжек для своей жены?

Предполагалось, что командировка Софьи продлится два-три месяца. Однако в декабре ее арестовали. В тюрьме летом 1911-го у нее родится сын Ян. Его возьмут на воспитание родственники. А Софья отправится на вечное поселение в Восточную Сибирь. Дзержинский сумеет переслать жене (вплетя в обложку книги, он же переплетчик) фальшивый паспорт, с которым она совершит удачный побег. Но тем временем сам Феликс отправится в тюрьму, а затем на каторгу. Встретятся они только в октябре 1918 года, после восьмилетней разлуки.

Глава двенадцатая. ИДЕАЛЬНЫЙ ТОВАРИЩ

Связь с миром «обычных людей» для революционера Дзержинского — его сестра Альдона. В ее семье Феликс испытывает человеческие радости, никак не связанные с борьбой. Если он иногда чувствует желание перед кем-то оправдаться, то — перед ней...

Его сестре самой живется непросто. Она постоянно в поисках работы. Муж тяжело болеет. У них четверо детей, и Феликс вроде пятого, самого трудного.

Альдона знает, каков ее несчастный брат на самом деле, если отбросить его бравладу. Он добр, простосердечен, бескорыстен, мужествен. Он любит природу и обожает детей. Она не понимает... Ладно бы — польский патриот. Но он — «социалист», «интернационалист», собрался, как Дон Кихот, воевать за счастье всего человечества с ветряными мельницами зла. Это какое-то наваждение, род гипноза. Иногда ей кажется, что у нее есть шанс. Ведь Феликс любит жизнь. Он нуждается в любви, говоря: «Моя жизнь была бы слишком тяжелой, если бы не было столько сердец, меня любящих». Но вот как будто бы действие гипноза ослабевает. Ее брат — в швейцарском санатории. В декабре 1902-го он пишет ей, что ему грустно без близких в эти предновогодние дни:

«Я удивлен, что ты не получила открытки с видом Татр, которую я послал тебе уже давно. Очевидно, какой-нибудь почтовый чиновник ее присвоил. У вас скоро наступят праздники, и мне очень грустно, что я не с вами. Меня точит мысль сесты и приехать к вам, но я этого не сделаю. Сколько же лет прошло с тех пор, когда мы устраивали ужины на новый год... 1894 г. был последним годом, когда в Июде, еще будучи ребенком, провел этот день вместе с мамой... Воспоминания унесли меня в Дзержиново. Помнишь, как ты учила меня французскому языку и раз несправедливо хотела поставить меня в угол? Я помню эту сцену, как будто это произошло сегодня: я должен был переводить письменно с русского на французский. Тебе показалось, что я перевернул страничку и списал какое-то слово. Ты меня послала в угол, а я ни за что не хотел туда идти и не пошел. Пришла мама и с помощью своей доброты уговорила меня встать в угол. Я помню летние вечера, когда мы сидели на крыльце, и моя голова лежала на твоих коленях. Мне было так хорошо, помню, как на этом самом крыльце мама учила меня читать по складам. Помню, как по вечерам мы кричали, и эхо нам отвечало. Помню, как однажды Стась выкрикнул неприличное слово, и вы пристыженные

убежали. Кто же не любит своих воспоминаний, своей молодости и детские годы жизни без забот и без мыслей о завтрашнем дне».

После подобных признаний, расчувствовавшись, Альдона вновь и вновь принимается перевоспитывать заблудшего брата. И слышит в ответ, что он никогда не свернет с дороги, что сил у него хватит на тысячу лет, что и в тюрьме он счастлив. Некоторые его отповеди звучат грубо для ее религиозного сердца:

«В своем письме ты опять писала мне об “обращении заблудшего”. Мне не нужно успокаивать свою душу и свою совесть вашей верой. Чем более люди злы, эгоистичны, тем меньше верят своей совести, и больше верят в исповедь, молитвы. Я ксендзов проклинаяю, я ненавижу их. Они окружили весь мир своей сутаной, и распространяют темноту, покорность “судьбе”. Я борюсь с ними не на жизнь, а на смерть, и поэтому никогда не пиши мне о религии, о католицизме, ибо от меня услышишь лишь богохульство».

«Неисправимый» пытается убедить сестру, что в детях надо воспитывать любовь не к Богу, а к людям. В этом и будет заключаться их счастье.

В апреле 1919 года Феликс Дзержинский, будучи уже председателем ВЧК, отправит Альдоне последнее письмо. Ему хотелось, чтобы она его поняла. Но, видимо, понимания не встретил. Нетрудно представить, как поразило Альдону известие, что ее брат в Советской России стал главным проводником красного террора! Мальчик, когда-то любивший сидеть с ней рядом, положив голову ей на колени... Но мы опережаем события.

Так что же, не был революционер Феликс Дзержинский в душе сентиментальным романтиком, каким его помнили родственники, каким он сам нередко хотел казаться? Романтиком он становился поневоле, в тюремных казематах?

Думается, все же он им был. Ключ к своему характеру он сам дает в одном из писем (разумеется, Альдоне), когда говорит, что привык смотреть на себя и на свою тяжелую ношу словно со стороны. Помимо сентиментального романтика, в Феликсе живет второй человек, который с суровостью инквизитора наблюдает за первым: не слишком ли тот разнежился, расчувствовался, не много ли выпадает ему на долю обывательского счастья? Этот инквизитор, его совесть, поистине беспощаден. Результат его работы — то, что люди, не разделяющие революционных убеждений, считают ограниченностью, фанатизмом. Известны случаи, чтобы Дзержинский хотя бы раз поддался слабости.

Опасение быть заподозренным в роскошной жизни доводит Феликса до курьезов. Посещая за рубежом театры, музеи, он принимается размышлять: а всем ли людям доступны эти

радости? Какое уж тут эстетическое удовольствие... В Дрезденской галерее он вдруг почувствовал угрызения совести и ушел оттуда, не завершив осмотра. В Кракове Феликс жил на средства партии. Однажды товарищи уговорили его сходить в кафе. Заказали кофе, пирожные, по рюмке ликера. На другой день Дзержинский (по-видимому, только он из всей компании) внес в партийную кассу потраченные деньги.

Но в рискованных ситуациях по отношению к соратникам в борьбе Феликс безупречен. Здесь он поистине на высоте. Идеальный товарищ.

В Седлецкой тюрьме в 1901 году его содержат в одной камере с двадцатилетним Андреем Росолом, умирающим от чахотки. Каждый день Феликс на себе выносит товарища на прогулку.

Летом 1905 года Дзержинский в лесу под Варшавой проводит нелегальную конференцию социал-демократов. Вдали появляются конные солдаты. Феликс говорит товарищам: «Давайте мне все нелегальное, что у вас есть, мне терять нечего». Возможностью бежать он не пользуется.

Во время разгона рабочих демонстраций Дзержинский помогает пострадавшим, место схватки покидает одним из последних. В апреле 1905-го в Пулавах вместе с двумя соратниками он спасался от казачьего разъезда. Забежали в тупик, впереди забор. Феликс подсадил сначала одного беглеца, затем второго и только потом сам перемахнул через забор.

Осенью 1909 года Дзержинский прибывает на место ссылки в Енисейскую губернию в поселок Тасеево. Он заранее подготовился к своему очередному побегу: заготовил паспорт на чужое имя, деньги. Однако одному из ссыльных, убиравшему бандита, грозит каторга. Вы сомневаетесь, как поступит Дзержинский? Верно: он отдает товарищу по несчастью паспорт, часть денег. Сам бежит неделей позже, без документов, подвергая себя гораздо большему риску.

В Орловской тюрьме в 1914 году начальник пытается обязать заключенных встречать его приветствием: «Здравия желаем, ваше благородие». Зэки в знак протеста объявляют голодовку. Тогда тюремщики заковывают в кандалы одного из зачинщиков, Феликса, пообещав расковать его, если заключенные согласятся с требованием. «Юзеф первый выступил против любых уступок тюремщикам», — пишет мемуарист.

В воспоминаниях о Дзержинском приводится очень много подобных эпизодов. Часть из них, возможно, приукрашена. Но характерно, что их рассказывали именно о нем.

Владимир Орлов, бывший царский контрразведчик, служивший и в армии Деникина, выпустил в эмиграции книгу

воспоминаний — мягко говоря, не во всем достоверных. В данном случае ему как будто нет смысла лгать. Орлов уверяет, что в 1912 году, будучи следователем в Варшаве, несколько раз допрашивал Дзержинского в рамках одного из дел о терроризме. В какой-то момент контрразведчик начал подследственному симпатизировать. Орлов: «В свое время я встречался с сотнями революционеров и большевиков, но с такими людьми, как Дзержинский, всего лишь дважды или трижды».

Феликс на допросах не сотрудничает со следствием. Отказывается отвечать на вопросы, касающиеся его товарищей. Нередко участвует в акциях неповиновения — когда нарушаются права заключенных. Однако на воле он не убивал чиновников и полицейских. У жандармов нет причин его ненавидеть, а некоторые из них испытывают к нему симпатию. Он пытается тюремщиков обмануть, перехитрить, всегда нацелен на побег. Они, со своей стороны, должны этому воспрепятствовать. Честная по-своему борьба. Поэтому Феликс выжил...

В документальной повести «Дневник заключенного» Дзержинский рассказывает о попытках жандармов поговорить с ним «по душам». Он считал это вербовкой. В апреле 1908 года к нему в камеру X павильона Варшавской цитадели зашел полковник Иваненко с вопросом: «Может быть, вы разочаровались?» Дзержинский в ответ поинтересовался, не слышал ли полковник когда-либо голоса совести и не чувствовал ли он хоть когда-нибудь, что защищает дурное дело... Через несколько дней Иваненко зашел с новостями. Расспрашивал, есть ли у заключенного книги, как его кормят. Дзержинский вновь поинтересовался у полковника, не заговорила ли в нем совесть. Иваненко, пишет автор повести, «ответил, что я не в себе».

Пора обратиться к этой весьма интересной повести.

Глава тринадцатая. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Один из уроков, которые преподает тюрьма: предать может любой. Нельзя верить никому. Провокатор — рядом. Этот? Та? Несчастного, запертого в четырех каменных стенах, день за днем преследует одна мысль... Сквозь зарешеченное окно он вглядывается в лица гуляющих в тюремном дворе. А когда догадка превращается в уверенность, кричит: «Товарищ! Рядом с тобой провокатор!»

Слово — самому Дзержинскому. С апреля 1908-го по август 1909 года, находясь в каземате Варшавской цитадели, он вел дневник, который позднее переделал в повесть и опубликовал в «Социал-демократическом обозрении» (издании СДКПиЛ). Ниже приводится фрагмент из «Дневника заключенного» (с сокращениями).

* * *

Уже два дня рядом со мной сидит восемнадцатилетняя работница, арестованная четыре месяца тому назад. Поет. Ей разрешают петь. Молодая, напоминает ребенка. Мучается она страшно. Ей скучно. Стучит мне, чтобы я прислал ей веревку, что она повесится. Она нервно стучит и с таким нетерпением, что почти ничего нельзя понять, и тем не менее она все время зовет меня своим стуком; видно, места себе найти не может. Недавно она мне вновь простучала: «Дайте совет, что делать, чтобы мне не было так тоскливо».

* * *

Два дня тому назад, как мне сообщили, у моей соседки были губернатор, начальник охраны и начальник жандармерии и угрожали, что ее и ее брата ждет виселица и она может спасти себя лишь тем, что выдаст людей и склад оружия; говорили, что другие ее предали и что только предательство может ее спасти.

* * *

Сегодня моя соседка Ганка простучала мне следующее: «Меня посадили вместе с некоей Овчарек. Я просидела с ней две недели.

Она рассказала мне, что к ней приходит на свидание адвокат П. Я доверчиво сообщила ей адрес квартиры моей матери и просила ее, чтобы он зашел к ней и сказал, чтобы она уезжала. Овчарек согласилась — и все выдала шпику».

* * *

Вот уже неделя, как у Ганки ежедневно кровь идет горлом. Сегодня у нее был врач, нашел ее в плохом состоянии, предложил ей перейти в больницу. Она отказалась. А когда я убеждал ее согласиться, указывая, что там ей будет лучше, она ответила, что там ей грозит одиночество, и что потом, когда она вернется, ее место будет занято другим, и что поэтому она не желает идти в больницу. И не пошла.

Весь день лежала Ганка без сил, время от времени стуча легонько в стенку, чтобы убедиться, что я близко; когда я откликнулся, она стучала мне: «Я вас очень люблю». Дорогое дитяtko. Отделенный от тебя мертвой стеной, я чувствую каждое твое движение, каждый шаг, каждый порыв души.

Все здесь полюбили ее и дают ей это понять. Проходя мимо ее камеры, говорят: «Здравствуйте» или «Спокойной ночи».

* * *

Ганке вчера был вручен обвинительный акт. Она обвиняется в восьми покушениях, руководстве боевой дружиной, в покушении на губернатора Ска-лона и т. п. Говорят, что ее ждет виселица. Скалой сказал, что не отменит смертного приговора: «Она и так слишком долго живет».

* * *

Сегодня Ганку вызывали в канцелярию, откуда она вскоре вернулась возбужденная, хохочущая. Начальник предложил ей на выбор: или предать — и тогда ее приговорят только к пожизненной каторге, или быть повешенной. Он говорил ей, что она молода и красива. В ответ она расхохоталась ему в лицо и выбрала виселицу.

* * *

По временам ею овладевает желание иметь при себе близкого человека, видеть его, чувствовать его прикосновение, свободно говорить с ним, тогда она клянет разделяющую нас стену. Вот так мы рядом живем, словно какие-то родные и друзья из непонятной сказки. И я не раз проклиная себя, что не меня ждет смерть.

* * *

Сегодня Ганка опять присмирившая, печальная. Я обратился с просьбой к вахмистру, считающемуся добрым, взять для нее цветы. Он отказал.

Где-то наверху плачет недавно здесь родившийся младенец. Товарищи Ганки по коридору, ожидающие суда и казни, горячо объясняются ей в любви. Она сердится, говорит, что не знает их настолько близко, чтобы они считали себя вправе делать такие признания.

* * *

Я все же ухитрился переслать ей цветы, и она сообщила мне, что она пойдет с ними на виселицу.

* * *

Ганку перевели. Она сидит теперь напротив моей камеры. 18-го, в четверг, слушалось ее дело о покушении на Скалона. В течение двух дней она была уверена, что ее повесят. И все же ей заменили казнь бессрочной каторгой. Теперь, два дня тому назад, зашел к ней защитник и сказал, что Скалой заменил виселицу каторгой только потому, что ему неловко было утверждать смертный приговор, поскольку дело касалось его самого, но что по другому делу приговор он утвердит. За ней числится еще шесть дел.

* * *

Ганка сидит теперь вместе с Овчарек, которую она обвиняла в предательстве. Должно быть, лгала. Я теперь не верю, что не были преувеличены и другие ее рассказы.

Несколько дней тому назад я увидел в окно бесспорно уличенного в провокации на прогулке с вновь прибывшим из провинции. Я крикнул в окно: «Товарищ! Гуляющий с тобой — известный мерзавец, провокатор!» На следующий день они уже гуляли каждый отдельно. Сейчас я опять подозреваю одного человека.

* * *

Сегодня я убедился, что, к сожалению, мои подозрения были обоснованы. Оказывается, Ганка была в Творках (дом для умалишенных) и оттуда была увезена прущковскими социал-демократами, а когда ее после этого арестовали, она выдала тех, которые ее освобождали: сама ездила с жандармами и указывала квартиры освободивших ее товарищей. Здесь она сидит под вымышленной фамилией. Почему она предавала? Кто ее знает: может быть, ее избивали, а возможно, что она действительно сумасшедшая. Сегодня я обо всем этом уведомил других. Я обязан был это сделать. Заслуженный удел ее — позор, самый тяжелый крест, какой может выпасть на долю человека.

* * *

В том же «Дневнике заключенного» Дзержинский пишет: «Столько лет тюрьмы, в большинстве случаев в одиночном заключении, не могли пройти бесследно». Они и не прошли. А еще были годы подпольной работы. И все это окажется только прелюдией к главному испытанию.

Глава четырнадцатая. КАТОРЖАНИН

Шесть арестов, одиннадцать с лишним лет тюрьмы, ссылки, каторги, три побега из ссылок. Таков послужной список революционера Дзержинского. Ему выпала очень тяжелая доля. Хуже — только у тех, кто не сумел выжить.

Царское правительство считает его особо опасным преступником за побеги из ссылок, принадлежность к социал-демократической партии, организацию запрещенных мероприятий, распространение нелегальной литературы. К террору революционер Дзержинский причастен не был.

После 1902 года, став одним из руководителей СДКПиЛ, Феликс занимается главным образом партийным строительством. Эта сторона его деятельности в наши дни большого интереса не представляет. Лидера польско-литовской социал-демократии из него в итоге не получилось. Тяга его соотечественников к воссозданию национального государства оказалась сильнее.

У Дзержинского и нет качеств политического лидера. Он практик, который нуждается в направляющей воле. В тот период он идет за Розой Люксембург, после 1917 года пойдет за Лениным, затем...

В апреле 1906-го Юзеф участвует в работе IV съезда РСДРП в Стокгольме. Там он знакомится с Лениным. На съезде польские социал-демократы объединяются с российскими. В мае следующего года Дзержинского, как представителя польских эсдеков, заочно (он опять арестован) вводят в состав ЦК РСДРП.

Разногласий между Лениным и Люксембург не так много. Одно из самых принципиальных касается национального вопроса. Польские эсдеки в большей степени «русские империалисты», чем сами русские! Роза и ее соратники выступают за социалистическую Польшу в составе социалистической России. Им кажется вредным ленинский лозунг о праве наций на самоопределение. Он наносит им удар в спину. Вождь большевиков отвечает: российские революционеры лишь предоставляют право Польше отделиться, но к этому не призывают. В этом споре Дзержинский, разумеется, поддерживает Розу Люксембург.

...В марте 1910-го Альдона после долгого перерыва получает от брата весточку. Узнает, что он выиграл в казино:

«Давно не писал вам. Бродяжничал по свету — уже прошел целый месяц, как я уехал с Капри; был на Ривьере в Италии и Франции, был в Монте-Карло и даже выиграл 10 франков. Потом в Швейцарии смотрел Альпы, на могучий Юнгфрау и другие

прекрасные краски, пылающие во время заката. Как прекрасно на свете!»

По крайней мере, он теперь в безопасности. Социал-демократы в Германии — респектабельные люди. Но дальше...

«И тем сильнее у меня сжимается сердце, когда я думаю об ужасах людской жизни, и я опять вынужден спуститься с вершин в долины, в норы. Через несколько дней я буду в Кракове, где поселюсь на постоянно. Оттуда пришлю адрес».

Значит, скоро опять провожать его в Сибирь...

Сосредоточиться на революционной работе Феликсу все же пока не удастся — мешает «враг». На личные нужды ему стыдно просить деньги у партии; он вынужден обращаться за финансовой помощью... к жене, ожидающей суда в тюрьме. Дзержинский успел «посетить мамочку» — нелегально побывать в Варшаве. Из его письма Софье Сигиз-мундовне 31 марта 1911-го:

«Здоровье мое с каждым днем все ухудшается. Я должен ехать на юг, в Италию. Пришли поэтому мне те 25 рублей, сам тебя уже об этом прошу. Адрес мой для денег: Австрия, Краков, ул. Тополиная, Анне Тржеминской.

Сомневаюсь, что теперь уже увижу вас когда-нибудь.

Предполагалось, что я поеду на постоянную работу в Берлин... Однако дела складываются так, что сегодня я еду в Берлин лишь на несколько дней, а потом вернусь сюда и, вероятно, поселюсь здесь опять на продолжительное время. За мое неожиданное посещение мамочки мне досталось здорово, и я должен буду отказаться от такого рода экскурсии.

Ты, однако, Зося, не сердись за эту поездку, не правда ли? Сидеть здесь тяжело, хотя я признаю, что необходимо. Я <...> хотел бы вырваться из серой краковской жизни».

Денег (на личные нужды) нет, болезнь легких обострилась, жена в тюрьме, только что родившегося сына неизвестно куда определить... Кому об этом рассказать? Альдоне (15 ноября 1911-го из Кракова): «Это было тяжелое время для меня. Моя жена Зося пошла по моим следам — и попалась. Теперь уже год прошел, как она в тюрьме. В июне она родила там дитя — Ясика. Трудно описать, что она там должна была перенести. Теперь был суд, и ей дали ссылку на вечное поселение в Сибири. Ее вышлют через пару месяцев, а может быть и раньше. До сих пор ребенок был с ней, так как кормила сама, но взять его с собой не сможет, ибо малыш не выдержал бы такого пути. Вот и не знаем, как быть с Ясиком. Я страшно хотел бы, чтобы он был со мной, но боюсь, что не сумею обеспечить ему должного ухода, так как не имею об этом понятия. Родители Зоей не смогут его взять к себе, так как есть только больной отец и мачеха. Наверное, было бы лучше

всего отправить его на несколько месяцев в деревню в чьи-нибудь надежные и опытные руки. Альдонусь моя, не можешь ли ты мне что-либо хорошее посоветовать? Я мог бы платить в месяц по 15 рублей... Я еще не знаю Ясика, даже по фотографиям, однако так его люблю и так он мне дорог. А Зося — такая сильная и устоит во всех трудностях».

* * *

Годы пребывания Дзержинского за границей, несмотря на выпадавшие ему невзгоды, могут показаться самыми счастливыми в его жизни. Партия его финансирует, при необходимости отправляет в санатории, доверяет ему значительные средства для нелегальной работы.

В начале 1910 года, в третий раз бежав из ссылки (он был определен на вечное поселение в село Тасеево Енисейской губернии), Дзержинский больше месяца лечился в Италии, на Капри, где каждый день встречался с Горьким. После очередного «погребения» в каземате Варшавской цитадели, этапа в Енисейск, тягот рискованного побега — солнечная Италия и разговоры со знаменитым писателем! Чего еще желать? Но надсмотрщик — совесть — в Дзержинском не дремлет. Ему стыдно чувствовать себя почти счастливым. При первой возможности, обуздав «врага», засевшего в легких, он устремляется в Краков. И там узнает самое для себя неприятное: связь с низовыми организациями СДКПиЛ опять прервалась. В русской Польше — аресты, провалы, вызванные несоблюдением правил конспирации или работой провокаторов. Варшавская организация грозит разорвать отношения с заграничным бюро. Он должен, должен перебраться на нелегальную работу в Варшаву.

Но ведь сейчас, после третьего побега, для Феликса «засыпаться» — смерти подобно. Ему грозит уже не ссылка на вечное поселение, а каторга с кандалами на ногах, без шансов ускользнуть. Финал. Вожди партии опасаются лишиться Дзержинского. Правда, желающих сменить Берлин на Варшаву, а затем на Сибирь, помимо него, не отыскивается. Он пишет Тышке:

«Если же я все-таки буду арестован, тогда мой пример даст вам право требовать поездки на подпольную работу от других».

Наконец согласие от правления получено. В рядах польско-литовских эсдеков в России назревает бунт: они угрожают отсоединиться от заграничного бюро. В январе 1912 года Юзеф с паспортом на имя Леопольда Белецкого отправляется в польскую столицу, кишашую шпиками, каждый из которых знает его

приметы и характерную походку «с подскоком». Юзеф ездит по городам Польши, участвует в партийных конференциях. Возвращается ненадолго в Краков, Берлин, чтобы доложить правлению о положении на местах. В апреле он прочно обосновывается в Варшаве. Пять месяцев удается Дзержинскому ускользать от слежки. Но неизбежное произошло: 1 сентября царские полицейские арестовывают его в последний, шестой раз. Верный себе, Феликс заявляет в момент задержания, что вся нелегальная литература, найденная полицейскими при обыске, принадлежит ему, а не хозяину квартиры. Заглянем напоследок в список изъятого: гектограф, партийные газеты, прокламации... Административное правонарушение, по довоенным европейским меркам...

* * *

Последующие четыре с половиной года — самые мрачные в жизни Дзержинского. Почти все это время он в кандалах — то в одиночках, то в переполненных камерах, среди умирающих от тифа и туберкулеза. Через полтора года после ареста, в конце апреля 1914-го, суд приговаривает его к трем годам каторжных работ за побег с поселения. При этом продолжается расследование его антиправительственной деятельности в 1910—1912 годах. И там тоже светит каторга. А затем вечное поселение.

Из рук вон плохо обстоят дела и на воле. В условиях мировой войны передвижения революционеров из страны в страну прекратились. И законодательство стало строже. Заграничные лидеры СДКПиЛ в немецких тюрьмах или концлагерях. Социал-демократы перегрызлись между собой из-за отношения к войне. Большинство из них поддержали свои правительства, проголосовали в парламентах за предоставление военных кредитов. Царская охранка не может поверить своему счастью. Еще недавно власти не знали, что противопоставить террору и социалистам. И вдруг все «сдулись». О некогда страшных эсерах вообще не слышно (их подкосило и предательство руководителя боевой организации Азефа: оказалось, самые большие в стране мерзавцы и провокаторы — среди лидеров этой партии). Только большевики иногда напоминают о себе антивоенной пропагандой, но их можно не принимать всерьез, ведь они не ведут агитации в окопах. Горстка демагогов...

Феликс в своих письмах близким, как обычно, выражает надежду на скорую встречу, вновь и вновь заверяет, что сомнения в правильности избранного пути ему не ведомы. Он стремится

быть верным себе. И тут же признается, что теперь частое для него состояние — апатия, жизнь в состоянии «какого-то оцепенения», «душевной неподвижности», «жизнь без жизни». «Порой кажется, что я уже весь превратился в само терпение без всяких желаний и мыслей и завидую тем, кто страдает и обладает живыми чувствами, хотя бы самыми мучительными» — вот это ближе к истине, и опять — Альдоне.

В 1914 году политических заключенных отправляют из Варшавы подальше от линии фронта, в Орел. Связь с родственниками у Феликса теперь очень затруднена. О происходящем в мире он узнает из «Правительственного вестника» — единственной разрешенной в тюрьме газеты.

Документальной повести о своем последнем заключении Феликс Дзержинский не написал, но можно попробовать сделать это вместо него, взяв фрагменты из его посланий родным. Из Орла он писал сестре Альдоне, жене Софье и тестю Сигизмунду Генриховичу Мушкату. Время действия — 1914—1916 годы.

* * *

Теперь здесь свирепствует брюшной тиф, говорят, что уже умерло много политических заключенных. Условия для лечения прямо-таки ужасные. Врача Рыхлинского называют палачом, ибо каждый больной — это его личный враг. Увидеть его может лишь умирающий, к заразным больным он совсем не ходит. Никаких лекарств, кроме порошков, больным не дают. Трудно даже увидеть или вызвать фельдшера: больных с высокой температурой оставляют по 5 дней в камере без всякой врачебной помощи.

У нас образовалась сплоченная группа из товарищей, с которыми я живу. Я помогаю другим учиться, и время очень быстро проходит.

* * *

Ежедневно кого-нибудь вывозят отсюда в гробу. Из нашей категории (политических) умерло уже в течение 6 последних недель пять человек, все от чахотки. Троим из них давно уже назначили место поселения, но их не вывозили, так как в течение семи месяцев не успели привести в порядок «бумаги».

Здесь условия убийственны: в последнее время многие заболели брюшным и сыпным тифом. Видеть врача может только

умирающий, и то не от заразной болезни. Это некий г. Рыхлинский, поляк, который передразнивает польскую речь поляков-«пенсионеров», не умеющих говорить по-русски, и который ругает их последними словами. Только что я узнал о смерти одного заключенного, который две недели тому назад заболел у нас в камере; после 4 дней болезни, когда от сильного жара он не мог уже ходить, его взяли от нас.

* * *

Пища отвратительная, вечно безвкусная капуста — 5 раз в неделю и нечто вроде горохового супа — два раза; дают также 1—2 ложки каши ежедневно, но без масла, а что может дать такое количество? Единственное питание для тех, кто не имеет помощи из дому, — это полтора фунта черного хлеба (чаще всего с песком) или один фунт белого. Долго выдержать на такой пище нельзя. Все бледные, зеленые или желтые, анемичные. От паразитов избавиться невозможно, ибо в камерах тесно. Я, например, сижу в камере вместе с 60 другими (пару недель тому назад нас был 71 человек) в камере на 37 человек. А мы, каторжане, еще в привилегированном положении, ибо в таких же камерах пересыльные и военнообязанные сидели по 150 человек. Неудивительно, что среди них раньше всего появился тиф и больше всего уносит жертв.

* * *

В камере имеются разные, совершенно чуждые нам люди и наши враги — те, кто попал сюда за предательство, за деньги, за шпионство. Отвратительные это люди. Ничто в такой степени, как эта совместная жизнь, не открывает души человека. Познаешь ее, и тоска по другим условиям, по другой жизни становится еще сильнее, однако она исцеляет и предохраняет от пессимизма и разочарования. И если бы я мог писать о том, чем живу, то не писал бы ни о тифе, ни о капусте, ни о вшах, а о нашей мечте, представляющей сегодня для нас отвлеченную идею, но являющейся на деле нашим насущным хлебом...

Когда я думаю о том, что теперь творится — о повсеместном якобы крушении всяких надежд, я прихожу к твердому для себя убеждению, что жизнь зацветет тем скорее и сильнее, чем сильнее сейчас это крушение.

Измотались нервы. Да и состарился порядочно, через год, по всей вероятности, и без волос совсем останусь. А по ночам постоянно сны — настолько выразительные, как будто явь...

У меня это в натуре: перебрасываться из крайности в крайность в своих настроениях, особенно в тюрьме, то я на горе высокой молюсь и пою гимн радости бытия, то в темной беспросветной преисподней мучаюсь и в промежутках мертвая зыбь апатии.

...Чуть полегче оказалось в орловской каторжной тюрьме, куда ненадолго перевели Дзержинского. Он даже получает возможность «убивать время чтением повестей Дюма и Диккенса». Луч света — карточки сына Ясика, которые присылает жена из Швейцарии. Но и этой отрады его лишили.

Самая известная фотография заключенного Дзержинского сделана в Орле в 1914 году. Изможденное лицо, глаза — две запекшиеся раны. А на ногах уже язвы от кандалов. Заключение тюремных медиков, что он нуждается в снятии ножных оков, положения не меняют. Летом 1916 года в московской Таганской тюрьме Феликса отправят в больницу с подозрением на гангрену ноги. Через месяц — он опять в кандалах.

Московская судебная палата в мае 1916 года приговаривает Дзержинского к шести годам каторги. С учетом трех лет, отбывтых им по первому приговору, срок этого наказания истекает у него в мае 1919 года.

С весны Феликс содержится в московских тюрьмах — Таганской, затем в Бутырской. Летом он начинает работать подручным портного. Учитя сам шить на машинке. Работа в мастерской по пять-шесть часов в день отвлекает его от мрачных мыслей, кроме того, приносит девять рублей в месяц — можно отказаться от помощи родных. В конце декабря 1916-го с Феликса снимают кандалы. К нему постепенно возвращается оптимизм. Он пишет жене: «Что даст нам 17-й год, мы не знаем, но знаем, что душевные силы наши сохранятся, а ведь это самое важное».

И вдруг! Днем 1 марта 1917 года у Бутырки собирается толпа. Еще утром разнесся слух, что тюрьму будут «освободить». Приходят демонстранты, родственники заключенных. Подкатывает грузовик с вооруженными солдатами.

Около 17 часов ворота Бутырки распахиваются, из них выходят люди в арестантских халатах. Некоторых встречающие подхватывают на руки. Феликс Дзержинский, в то время уже «знаменитость» (за его судьбой следила революционная печать), оказывается в числе тех, кого на грузовике везут на заседание Московского совета в здание городской думы. По пути машина останавливается, и ее пассажиры произносят зажигательные речи.

Так в митингах и прошел для Феликса остаток дня. Вечером в том же арестантском одеянии он пришел на квартиру к своей сестре Ядвиге в Замоскворечье. Она перебралась в Москву из Варшавы, оккупированной немцами.

Одиннадцатилетняя эпопея тюремных страданий Феликса Дзержинского завершилась курьезом. В сентябре 1917 года московская тюремная инспекция вдруг строго запросила Бутырскую тюрьму, содержится ли там Феликс Эдмундов Руфинов Дзержинский, а если освобожден, то по чьему распоряжению. Ответ гласил (посмотреть бы на лицо того, кто его составлял): таковой «1 марта с. г. толпой народа освобожден из-под стражи». «Какие приняты меры к розыску?» — не унимался чин тюремной инспекции. Администрация Бутырки в середине октября запросила разъяснений у прокурора окружного суда: разыскивать Дзержинского или официально его освободить? А через неделю грянула другая революция, Октябрьская.

Глава пятнадцатая. ЧТО ДАЛЬШЕ?

После освобождения из тюрьмы Дзержинский далеко не сразу находит себя в новой исторической обстановке.

Общероссийскими делами Феликс Эдмундович прежде не занимался. Все его планы связаны с возвращением в Польшу. Он хочет, чтобы именно туда из Швейцарии перебрались Софья Сигизмундовна и Ясик. Пока в Варшаве немцы. Но ведь повсеместно идут разговоры о мире. Надо готовиться к продолжению борьбы в новых условиях, вместе с русскими товарищами.

В Москве и Петрограде много его соотечественников: беженцы, солдаты, бывшие заключенные, эвакуированные железнодорожные рабочие. Дзержинский ведет среди них агитацию в пользу СДКПиЛ. От предложения войти в ЦК партии большевиков, поступившее в апреле, он отказывается, объясняя свое решение болезнью и тем, что не успел еще во всем разобраться. Решительность Ленина ему импонирует. Но разве большевики — серьезная сила в апреле 1917-го? Горстка максималистов в океане революционных масс, находящихся в эйфории Февраля.

Арестантское одеяние Феликс Эдмундович меняет на гимнастерку и шинель. Он ведь ведет агитацию в воинских частях. Это облачение кажется ему удобным. И с тех пор становится частью его образа. «Железный Феликс» — непременно в шинели.

Но он действительно очень плох. В мае организация помощи освободившимся заключенным определяет Дзержинского в лазарет в Сокольниках. Затем уже московский комитет большевиков отправляет его в санаторий под Оренбург проходить курс кумысолечения. Как обычно, отдых помогает ему несколько восстановить силы. А в июле приходит трагическое известие: в Держинове убит его брат Станислав. Феликс Эдмундович отправляется в свое родовое поместье, где не был 25 лет. В одном из писем он сообщает о том, что ему удалось узнать:

«Бедный Стась пал жертвой трусости других. Ему давали на сохранение деньги. Грабители об этом знали, знали также, что у него есть оружие и собака и что он отбил бы всякое открытое нападение. Но они обманули его. Они попросились, чтобы он предоставил им ужин и ночлег, и убили его. Им не удалось ничего украсть, так как служанка выскочила в окно, и ее брат Годел — арендатор булочной пришел на помощь. Дом, однако, разграбили».

В августе в Петрограде полулегально проходит VI съезд РСДРП(б). Дзержинского избирают в центральный орган ленинской партии. Он сделал окончательный выбор. Его начинают включать во все военные структуры большевиков. 25 августа генерал Корнилов направляет с фронта на революционный Петроград конный корпус под командованием генерала Крымова. Но корпус до столицы добраться не сумел. Дожили: по стране не имеет права передвигаться ее собственная армия! Большевики во время подавления Корниловского мятежа захватили политическую инициативу. В рабочие отряды с военных складов по настоянию революционных комитетов передается оружие. На одном из таких распоряжений стоит подпись Дзержинского: на Путиловский завод из Новочеркасских казарм доставлено два грузовика винтовок.

В сентябре Ленин из подполья начинает атаковать ЦК требованиями: большевики должны взять власть. Да, но от какого «юридического лица» сметать правительство Керенского — не от партии же? Кто признает такую власть в огромной России? Пришлось поломать голову и над этим. К тому моменту при Петроградском совете, контролируемом большевиками, был создан Военно-революционный комитет. От имени ВРК и действовали восставшие. А внутри комитета образовали еще и чисто большевистский Военно-революционный центр. В него вошли Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин и Урицкий. Мы обнаруживаем Феликса Дзержинского среди самых энергичных участников подготовки к восстанию. Но конкретно о его деятельности известно мало.

10 октября на квартире меньшевика Суханова проходит историческое заседание ЦК РСДРП(б) с участием Ленина, на котором принимается решение о вооруженном восстании. Десять цекистов, включая Дзержинского, «за», двое — Зиновьев и Каменев — «против». В последние дни перед захватом Зимнего Феликс Эдмундович постоянно находится в Смольном (он назначен комендантом штаба революции, отвечает за его охрану), на третьем этаже, в помещении ВРК.

В ночь на 25 октября Дзержинский руководит отрядом, захватившим Центральный телеграф, а потом отвечает за связь Смольного с отрядами восставших.

А после победы восстания — в Таврический дворец, на II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Делегаты с восторгом принимают декреты о мире и земле, одобряют состав Совнаркома и структуру власти, предложенную большевиками, — «до решения Учредительного собрания». Как здорово придумал Ленин: сначала штурм, потом съезд! А были предложения

поставить телегу впереди лошади. Так и заболтали бы революцию.

Глава шестнадцатая. ЛЕНИН КАК НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Весь 1917 год миллионы в окопах, деревнях, на заводах ловили вести из Петрограда, желая услышать от политиков два слова: земля и мир. Землю — крестьянам, мир — народам. Все просто. Не высшая математика.

И все это понимали. Почему же не прозвучало заветных слов вплоть до большевистского Октября?

Февральская революция — буржуазно-демократическая. Социалисты брать власть не хотят. Оказалось, не готовы условия. Десять лет назад так себя вели, будто готовы, взорвали сотни чиновников, а вон как вышло. Страна должна еще пожить при капитализме, иначе идея социализма будет опорочена. Ну, раз так... Отечественная буржуазия в революцию ведет себя в точности по Марксу: преследует свой «интерес».

Землю — крестьянам? Так она же — частная собственность. Даже фактически захваченная крестьянами земля зачастую заложена в банках, а те в большинстве своем — иностранные. С иностранцами вообще шутки плохи. Помещичье-финансовое лобби ни в какую не согласно с безвозмездной передачей земли крестьянам. Полный тупик. Власть и зависит от капитала, и силы не имеет, чтобы обеспечить его права.

Россия не в состоянии продолжать войну? Это видят все. Но союзникам туго. Россия продолжает оттягивать на себя около половины войск центральных держав. Из Лондона и Парижа на все доводы Временного правительства слышится: «Нет». Способов воздействия на русскую буржуазию у англичан и французов более чем достаточно. Россия по уши в долгах и продолжает занимать. Ее государственный долг (внешний и внутренний) к осени 1917-го достигает 50 миллиардов рублей.

В июне Временное правительство пытается обложить повышенным налогом сверхприбыли буржуазии. Принятый закон так и не вступает в силу. Опять помешали «некие силы».

Летом население почти перестает платить налоги. Откуда же брать деньги правительству? Оно их печатает: за год покупательная способность рубля падает в четыре раза. И — опять с протянутой рукой к союзникам, заверяя о готовности сражаться до конца.

В июне в Соединенные Штаты отправляется делегация во главе с профессором Бахметьевым, помощником министра торговли и промышленности. В делегации — торговые

посредники, технические и финансовые специалисты, военные. Бахметьева принимает президент Вильсон. Стороны делают общее заявление для прессы: Россия верна союзническому долгу. Аплодисменты. Коммерсанты из делегации тем временем заключают торговые сделки. Полмиллиарда долларов одолжили Штаты России. Около половины этих средств русская буржуазия к Октябрю успеет освоить. Кстати, Бахметьев, оставшийся в Штатах послом, после Октября переведет несколько десятков миллионов долларов на свой счет. После окончания Гражданской он станет финансировать эмигрантские офицерские организации. Что-то подсказывает: не только по доброй воле. Наверное, бывшему послу решительные офицеры сделали предложение, от которого тот не смог отказаться...

Чтобы не тратить слов, перенесемся на некоторое время вперед. Осень 1919-го. Армия Деникина наползает на Москву. Белые идеологи обдумывают лозунги, которыми можно привлечь симпатии крестьянства. Несомненно, передел земли надо признать свершившимся, и тогда мужики, хватившие лиха при комиссарах, примут белых как освободителей. Два года лишений позади, пора поумнеть. Но землевладельцы неисправимы! Они протащили «закон о третьем снопе», обязывающий крестьян отдавать треть урожая бывшим помещикам в качестве компенсации за «передел». Деникин впоследствии писал, что этот закон его и сгубил. После бесплодных споров белые освободители решают вопросы земельной реформы обсудить после победы, то есть идут на Москву фактически вообще без программы. Но впереди их армии мчатся слухи: помещики с отрядами казаков наезжают в свои бывшие деревни, порют крестьян, взыскивают с них побольше «третьего снопа». Неудивительно, что до Москвы освободители не дошли.

Середина декабря. Армия Деникина не просто отступает — она бежит, как бежал Наполеон в 1812 году. У нее земля горит под ногами. Через два месяца армии не будет. Руководители движения вновь сели обсуждать земельный вопрос. Ну, теперь-то хоть поумнели? Нет, земельно-финансовое лобби стоит на своем. Сейчас армия окопается на Дону, а на следующий год повторит поход на Москву.

Они были обречены...

Белые военные поражаются эгоизму тех, в чьих интересах они проливают кровь. Честный солдат, но слабый администратор и политик, Деникин ищет премьера для своего гражданского правительства — Особого совещания. Кажется, нашел, едет...

«Долго ждали мы прибытия видного сановника — одного из немногих, вынесших с пожарища старой бюрократии репутацию

передового человека. Прибыв в Екатеринодар, он представил мне петицию крупной буржуазии о предоставлении ей, под обеспечение захваченных советской властью капиталов, фабрик и латифундий, широкого государственного кредита. Это значило принять на государственное содержание класс крупной буржуазии, в то время как нищая казна наша не могла обеспечить инвалидов, вдов, семьи воинов и чиновников».

Удивительно, насколько похожей становится лексика у Деникина и Ленина, когда речь заходит о тогдашней буржуазии!

На Особом совещании профессор Соколов (умница, ведал у белых агитацией и пропагандой) высказал идею, что власть должна опереться на «консервативные круги, при условии признания ими факта земельной революции». На это главнокомандующий обреченно заметил:

— Нет таких кругов... Буржуи даже «третий сноп» считали уступкой домогательствам черни...

Русско-Азиатский банк в начале Гражданской предоставил Добровольческой армии кредит на 350 тысяч рублей. Стороны поджентльменски договорились, что кредит не возвратный. После поражения банкиры выставили командованию счет. На этом требовании Деникин оставил резолюцию: «Я глубоко возмущен наглостью поганых буржуев Русско-Азиате кого банка, забывших все». «Поганые буржуи». По-революционному!

Не было у населения страны шанса получить из рук буржуазно-демократического правительства землю и мир. Даже в 1919 году землю крестьянам не давали, а что о 1917-м говорить?

II. НА ПЕРЕДОВОЙ

Глава семнадцатая. СЛОВО ТОВАРИЩУ МАУЗЕРУ

Балтийский матрос Павел Мальков за два октябрьских дня, предшествовавших падению Временного правительства, пошит, что жизнь устроена куда проще, чем он думал раньше.

Товарищи из Центробалта поручили Малькову пригнать в Гельсингфорс бывшую царскую яхту «Штандарт». Она стояла на Неве. На яхте радиостанция, вещь нужная. И вообще, такая штукавина не помешает матросам Балтики. Но требовалось получить разрешение от Центрофлота. Несколько дней Мальков бесплодно обивал пороги в канцеляриях. В кронштадтской ячейке большевиков парня подбодрили:

— Действуйте, товарищ, решительнее, по-революционному.

Сунул матрос под бушлат пистолет системы «кольт» и отправился за яхтой. По пути встретил своего приятеля, будущую знаменитость Анатолия Железнякова. Два решительных матроса на одну яхту — даже много. Железняков вообще не большевик, он анархист, но какая разница? Узнав, что нужно, весело сказал: «Пошли!»

На «Штандарте» с командой договорились быстро. Но требовались буксиры. Через некоторое время Мальков с Железняковым пригнали их целых пять. Во всех случаях разговор с капитанами был короткий.

— Мне нужен документ, — говорил капитан.

— Вот тебе документ, — отвечали матросы, вынимая оружие.

Стоило слоняться по канцеляриям! Суток не прошло, как царская яхта прибыла по назначению, то есть к тем, кто был на тот момент сильнее.

Разохотился Мальков. Чем бы еще помочь революции? Для начала следовало добыть машину, а где? Ага, вон стоит, дожидается начальника порта, персональная. Сунул шоферу под нос кольт — поехали. Прихватил решительных товарищей, отправился на Невский ловить юнкеров, которые, по слухам, намеревались развести мосты на Неве, чтобы помешать восстанию. Ловили, разоружали, отвозили в Петропавловскую крепость. Так прошла ночь на 25 октября. Утром увидели мальчишек-га-зетчиков. С осуждением рассматривал матрос ассортимент: «Новая жизнь», «Речь», «Дело народа» — еще куда ни шло. Большевистский «Рабочий путь» — хорошо. А это что такое? Паршивая буржуйская газетенка «Биржевые ведомости», клеветущая на моряков? Ее Центробалт давно требует закрыть.

Баста, кончилось время канцелярий! Отняли матросы у мальчишек «Биржевку», сами отправились в редакцию. «Именем Центробалта!» — «На каком основании?» — «Вот вам основание!» По соседству располагался журнал «Огонек». Решили заодно закрыть и его. Вредное издание, лживое, обливает грязью рабочих и большевиков. Охрану поставили. Довольные собой матросы отправились в Смольный. По дороге зашли в магазин. Не было у них продуктовых карточек, но вышли, как нетрудно догадаться, с продуктами. Что за чудесное время наступило!

Угостили и шофера хлебом. Заслужил. Отпустили, когда привез их в штаб революции.

Есть в воспоминаниях Павла Малькова и такой эпизод. Когда он находился на «Авроре», к крейсеру подкатил броневик с юнкерами. Вездесущего революционера с чудо-документом хотели арестовать по приказу Керенского. Башню с пулеметом стали разворачивать — выдавайте бунтовщика, не то сейчас полоснем! Что? А этот документ видели? Матросы навели на них свои орудия. Броневик как ветром сдуло.

Если ты при оружии, то можно не то что персональную машину, а трамвай остановить и использовать как буксир. Бывало и такое. Громыхал трамвай и тащил за собой пушку к месту назначения.

Позже матрос Мальков стал комендантом сначала Смольного, потом Кремля, фактически отвечал за охрану Ленина и других руководителей партии большевиков. 3 сентября 1918-го он лично расстрелял покушавшуюся на вождя революции Фанни Каплан. В 1920 году его за что-то отодвинули от руководства. А знаменитый Анатолий Железняков, «матрос Железняк», подался к батьке Махно на Украину и там сложил буйную голову.

Осенью 1917-го трудно было представить, что в стране восстановится какая-либо иная власть, кроме власти товарища маузера.

В ноябре один лихой кавалерист, четырежды георгиевский кавалер, добирался из Минска до родной донской станицы. Позже он вспоминал, как работало тогда железнодорожное сообщение в прифронтовой полосе. К станции подходили редкие составы, на них набрасывались толпы людей в шинелях, лезли на крыши, висли на подножках. Случалось, что паровозные бригады убегали. Солдаты принимались сами формировать эшелоны. Одни разыскивали вагоны, другие — паровозы и машинистов, третьи добывали топливо и воду, затем все принимались размахивать перед железнодорожниками револьверами и винтовками, требуя отправки. Так и добрался до дому наш кавалерист — впоследствии командир Первой конной, а еще позже — советский

маршал Семен Михайлович Буденный.

Глава восемнадцатая. ДНИ, ПОТЯСАШИЕ МИР

Хроникерами Октябрьской революции выступили два американца: Джон Рид и Альберт Рис Вильямс. Голоса отечественных репортеров до нас из того времени не дошли.

Вдвоем или порознь, Рид и Вильямс, не знавшие русского языка, ухитрились стать очевидцами едва ли не всех наиболее значимых событий, происходивших в Петрограде за полгода, начиная с сентября 1917-го. Они встречались с руководителями российских партий, дипломатами, военными. Бывали в штабах подготовки восстания и противодействия восстанию. Слушали и записывали то, о чем спорили петроградцы на митингах. Ездили на фронт. Находились в Зимнем дворце до и во время штурма, затем оказались среди делегатов II съезда Советов. Когда двинулись на Петроград Керенский и Краснов, американцы отправились на передовую. После Октября штабом антибольшевистских сил какое-то время являлась Петроградская дума. Что там обсуждали? Ни у кого не найдем, кроме как у американцев. Вильямс описал и единственное заседание Учредительного собрания.

Колоритные детали из книги Рида «Десять дней, которые потрясли мир»:

«...Из проходной Путиловского завода после смены выходят сорок тысяч уставших рабочих. Куда они направляются? Слушать ораторов. Митинги стихийно возникают в поездах, трамваях — повсюду.

...Линия фронта 12-й армии, за Ригой. В окопах — босые, истощенные люди, страдающие от голода и болезней. Американцы потрясены, их встречают вопросом: «Привезли ли что-нибудь почитать?»

...На заседании Петроградского совета один из солдат начинает выступление так: «Товарищи! Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами!»».

Для русского помещика Шульгина те же люди — взбунтовавшаяся чернь, которую он желал бы полоснуть из пулемета. Шульгин в те дни думал: если удастся остановить революцию ценой 50 тысяч жертв, то это будет задешево купленное спасение России.

В Зимнем дворце в ночь штурма Рид наблюдает и факты грабежа, и попытки борьбы с ними:

«...В одной из комнат солдаты срывают с кресел тисненую кожу — себе на сапоги.

...Красногвардейцы и солдаты разбивают ящики прикладами, вытаскивают из них ковры, белье, фарфоровую посуду. Кто-то кричит: “Товарищи! Ничего не трогайте! Это народное достояние!” Крик поддерживают не меньше двадцати голосов. Находятся борцы с расхитителями. На выходе из дворца красногвардейцы с револьверами заставляют выходящих выворачивать карманы.

...Защитницы Зимнего прячутся в задних комнатах. Восставшие не знают, как с ними поступить. В конце концов женщин отвозят на Финляндский вокзал и на поезде отправляют к месту расположения их части.

Газеты возмущены убийством князя Туманова, чей труп выловлен в Мойке. Родственники опровергают: князь жив, хотя и арестован. Тогда утонувшим считают генерала Денисова. Но и Денисов обнаружился. В итоге оказалось, что трупа вовсе не было.

В Петроградской думе в пику Съезду Советов объявлено бессрочное заседание. Создан Комитет спасения. Приходят радостные для аудитории сообщения: профсоюз железнодорожников Викжель отказывается признать власть большевиков. Телеграфисты изгнали направленного к ним комиссара, отключены все телефоны Смольного. Небольшевистские газеты декретов советской власти не публикуют. Комиссар Урицкий явился в Министерство иностранных дел требовать тайные договоры, и знаете, что ему ответили? Попросили удалиться. Ура!

Комитет спасения сразу включился в работу: отправил своих представителей в банки, правительственные учреждения, позаботиться, чтобы там не выполняли поручений Совнаркома. Думцы решили создавать подобные комитеты в провинции. Что еще? Снарядили комиссию для переговоров с Керенским. И все пребывают в приподнятом настроении: “Большевики хотят диктовать волю интеллигенции?.. Ну, мы им покажем!..”».

В этой каше иностранцам непросто сразу разобраться. Но они (только что со съезда Советов) обращают внимание на внешний вид двух аудиторий. Контраст разительный. В Смольном — огромные массы обносившихся солдат, измазанных рабочих и крестьян — «все бедняки, согнутые и измученные жестокой борьбой за существование». В думе — меньшевистские и эсеровские вожди, «Авксентьевы, Даны, Либеры, бывшие министры-социалисты Скобелевы и Черновы, а рядом с ними кадеты вроде елейного Шацкого и гладенького Винавера». Тут же

— журналисты, студенты, интеллигенты всех сортов. Пролетариев Рид насчитал не более трех.

Из этого сопоставления видно: впереди большая беда.

Интеллигент-кадет отвел американцев в сторону и стал рассказывать подробности о взятии Зимнего дворца.

— Большевиков вели германские и австрийские офицеры!

— Так ли это? Откуда вы знаете?

— Там был один из моих друзей.

— Как же он разобрал, что это были германские офицеры?

— Да они были в немецкой форме!

«Повсюду говорилось и печаталось, — читаем в «Десяти днях», — будто бы красногвардейцы не только разграбили дочиста весь Зимний дворец, но перебили обезоруженных юнкеров и хладнокровно зарезали нескольких министров. Что до женщин-солдат, то большинство из них было изнасиловано и даже покончило самоубийством, не стерпя мучений... Думская толпа с готовностью проглатывала подобные рассказы... Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших, и в результате Думу с самого вечера осаждала толпа обезумевших от горя и ужаса граждан...»

Слухи, слухи... Вот еще один будоражит общественность: в Петропавловской крепости большевистская стража раздела донага и подвергла пыткам 14 юнкеров. Один из них сошел с ума. Готовится расправа над арестованными министрами.

Петроградская дума снаряжает в Петропавловку комиссию. С нею отправляются и американцы, иначе бы мы так и не узнали, чем закончилась эта проверка. Сведения о пытках не подтверждаются. Городской голова вынужден согласиться: с заключенными обращаются как нельзя лучше. Вильямс в книге «Путешествие в революцию» напишет: «Вид юнкеров, жевавших конфеты из коробок, присланных им друзьями и родственниками, убедил нас в том, что они не страдали от страшных тягот, которые виделись думским господам. И нам показалось, что все даже слишком хорошо, когда мы вошли в камеру Терещенко и увидели его, красивого и дерзкого, как всегда, сидевшего скрестив ноги на койке и куrivшего сигарету».

Глава девятнадцатая. СОВНАРКОМ СТАНОВИТСЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ

7 декабря 1917 года Феликс Эдмундович Дзержинский вышел на главную сцену революции.

В этот день постановлением Совнаркома была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Дзержинский — ее председатель.

Все происходило очень быстро. 6-го Ленин получает очередное тревожное сообщение о положении в Петрограде. В тот же день Совнарком дает поручение Дзержинскому: «Составить особую комиссию». Утром 7-го Ленин направляет Феликсу Эдмундовичу записку, в которой предлагает меры по борьбе с саботажниками, организаторами голода и пьяных погромов. В конце дня в кабинете председателя ВЦИКа Свердлова проходит организационное совещание кандидатов в члены коллегии ВЧК. А вечером Дзержинский приходит на заседание Совнаркома. Его вопрос — девятый. Он считается маловажным, поэтому после обсуждения восьмого заседание покидают Ленин, Троцкий, Свердлов и другие видные большевики. Из тяжеловесов в зале остаются Сталин, Петровский (нарком внутренних дел, Дзержинский — его заместитель). Положение о ВЧК утверждено.

Похоже, мало кто тогда осознавал, что рождается главная спецслужба страны. Создавалась «еще одна» чрезвычайная комиссия. От Дзержинского и его соратников зависело, какой она станет.

Город не сразу заметил великую революцию. 26 октября, в четверг, открыты магазины, рестораны, театры, художественные выставки, исправно ходят трамваи...

Утром 26-го Ленин покидает квартиру Бонч-Бруевича, где он ночью написал проекты первых декретов, и направляется в Смольный — на трамвае. Вглядывается в лица прохожих. Вождь большевиков удовлетворен: жизнь в Петрограде пока течет прежним руслом. Многие годы партия готовилась к жестоким классовым битвам. Но вот — свершилось! Власть, вопреки ожиданиям, вопреки кровавому опыту Парижской коммуны и революции 1905 года, досталась победителям относительно легко, в последние дни она «лежала на улице», как тогда выражались. Сейчас Ленин придерживается теории, что подавление меньшинства эксплуататоров большинством трудящихся может протекать мирно.

Но постепенно наваливаются докучные проблемы, о которых

раньше не задумывались. Приходится возиться с хулиганьем, алкоголиками, спекулянтами, саботажниками. Революция рискует утонуть в мелочах. Одна за другой создаются чрезвычайные комиссии.

Первая из них появляется еще до переворота. Правительство Керенского уже не способно справиться даже с уголовниками. За это берется Военнореволюционный комитет. По призыву ревкома солдаты и матросы тащат в Смольный уголовников, спекулянтов, а нередко и просто тех, кто им не понравился. Следственная комиссия под руководством Мечислава Козловского наскоро решает, как поступить с доставленными: отправить в Петропавловку или отпустить. Эта чрезвычайка (по сути два-три человека) ютится в комнатке на третьем этаже, работает круглосуточно. Впоследствии она станет заниматься более серьезными вещами: закрывать старые судебные учреждения, разбирать архивы, штрафовать спекулянтов, конфисковывать собственность представителей буржуазии, провинившихся в чем-то перед новой властью. Разрывалась на части.

Сразу после Октября при Петросовете появляется комитет по борьбе с погромами. Повторяются события начала года: толпы громят винные склады.

В Зимнем дворце в подвале обнаружены огромные запасы вина — тысячи бутылок, сотни бочек. Хорошо, что об этом не знали участники штурма, опозорили бы революцию. Тайна открылась. В царские закрома пробили лаз с улицы. И начался второй штурм Зимнего — с ведрами и бидонами. Власть посылает на защиту дворца от выпивох свой пролетарский авангард с заданием уничтожить все запасы зелья. В конце концов вино, растекшееся по полу в погребе, вместе с битым стеклом выкачивают с помощью пожарных машин в Неву. Больше месяца длился винный шабаш в Питере.

Затем город захлестывают грабежи. «Трещат» не только винные, но и вообще все магазины, склады. Ревком не успевает посылать отряды на сигналы о налетах. Доходило до того, что в Петрограде из-за погромов объявляли осадное положение. В ночь на 4 декабря, вспоминает Бонч-Бруевич, в столице было зарегистрировано 69 погромов и 611 различных уголовных преступлений.

И все же проблема проблем для народных комиссаров в те дни — саботаж.

Взять власть мирно — чего лучше! Но возникают затруднения особого рода. Старые учреждения ведь не заняты революционными отрядами с налета. Они продолжают работать. Что с ними делать? Как поступить с мятежной Петроградской

думой, вокруг которой объединяются враги революции? Ее выбрали демократическим путем три месяца назад, среди гласных думы есть и большевики. Это учреждение худо-бедно занимается городским хозяйством. И собирается заниматься впредь. Петроградская дума этого состава продержалась до середины ноября, пока не была распущена. Во многих городах республики думы еще долго продолжали работать, так же как и различные революционные комитеты, созданные еще в феврале.

Положение у народных комиссаров катастрофическое. Запасов хлеба в столице — меньше дневной нормы. Работники Петроградского продовольственного присутствия новую власть не признают. Бастуют служащие банков, почт, телеграфов, железнодорожники по распоряжению своего профсоюза... Власть около двух суток почти полностью была отрезана от мира и провинции: листовки с декретами доставлялись на фронт самолетами, а по стране — на поездах курьерами, наперегонки с посланцами от думского Комитета спасения. Это квалифицировалось грозным словом: саботаж. Хотя чиновников тоже можно понять. Кто такие народные комиссары? Надолго ли они пришли? Почему служащий банка должен выдавать деньги по записке «председателя Совнаркома»? Человека всю жизнь учили сверять цифирки в реквизитах. И вдруг в банк заявляется матрос, увешанный пулеметными лентами, и сует рукописное «распоряжение»: выдать такому-то сумму денег. Лучше переждать этот период умопомрачения, уйти в отпуск на месяц-другой. Руководство учреждения не возражает, выплачивает жалованье вперед. И так рассуждали многие чиновники в те смутные дни.

Теперь посмотрим на дело глазами народных комиссаров. Они же не чувствуют себя самозванцами. Их власть узаконена II съездом Советов. У них больше легитимности, чем у министров Временного правительства, которое вообще непонятно кто назначил. Надвигается голод, рабочие не получают зарплату. Надо срочно покончить с саботажем.

23 октября у кассира завода «Эриксон» на улице отняли 450 тысяч рублей. К счастью для заводчан, через два дня совершилась пролетарская революция. Уже 26 октября их посланец нашел в Смольном Ленина. Вождь вручил ходоку записку: «Немедленно выдать т. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалования рабочим завода “Эриксон”. Ленин».

Окрыленный кассир, скорее всего, сразу устремился в банк. Только едва ли тогда рабочие эти деньги получили.

Взять Государственный банк России оказалось потруднее, чем Зимний дворец.

В первые дни после Октября Наркомат финансов возглавлял Вячеслав Менжинский. Он когда-то изучал финансовое право в Петербургском университете — подготовлен. Ему и поручает Ленин раздобыть средства для вновь созданных органов республики.

Первую попытку добраться до хранилищ Госбанка описал польский революционер Станислав Пестковский, который в те октябрьские дни пришел в Смольный, чтобы предложить свои услуги новому правительству. С его слов предстает такая картина.

...В одной из комнат Смольного на диване с надписью «Комиссариат финансов» лежит утомленный Менжинский. Пестковский ему начинает рассказывать, что учился в Лондонском университете...

— Пойдите, — обрывает нарком, — а вы изучали финансы? Да?

Следует радостное восклицание:

— Мы вас сделаем управляющим Государственным банком! Нам до зарезу нужны деньги. Единственный способ легально их получить — сменить голову банка.

Через мгновение не ожидавший такого развития событий Пестковский держит в руках удостоверение, подписанное Лениным. Времени терять нельзя. Нарком и новый управляющий, захватив отряд матросов, устремляются в банк. Однако сталкиваются там с неожиданным сопротивлением. Почтенные старики из совета учреждения заявляют, что готовы уйти в отставку, но денег не дадут, ибо правительство Ленина... не юридическое лицо.

Сказать такое революционным матросам! Они не понимают, в чем трудность. Отнять ключи от хранилищ да взять деньги. Но лидеры большевиков в те дни стараются соблюдать формальности. Они же мирно пришли к власти. Начинать строительство пролетарского государства с гоп-стопа им не хочется.

Совнарком заходит с другого бока. 30 октября правительство издает предписание об открытии на свое имя текущего счета. Отказ! Газеты поднимают крик, что большевики собираются ограбить Госбанк. 4 ноября в Смольный доставляют управляющего Госбанка Шипова и пятерых руководителей бывшего Минфина. Менжинский требует от них выдать Совнаркому на экстраординарные расходы 10 миллионов рублей. Слышит ответ, что закон этого не позволяет и что такие операции

надо оформлять через Главное казначейство. Вот зловередные старики! Не боятся арестов, отправки в действующую армию. А взламывать сейфы большевикам никак не хочется.

8 ноября ВЦИК под председательством Якова Свердлова обвиняет финансистов в преступном саботаже, который может губительно сказаться на обеспечении продовольствием фронта, миллионов солдат, крестьян и рабочих. В ход пошел даже аргумент, что под угрозой подготовка Учредительного собрания. При этом ВЦИК смиренно обещает установить строгий контроль за расходованием средств, отчитаться за них.

Менжинский приглашает к себе в заместители Аксельрода, профессионального финансиста. Вдвоем они устраивают митинги в Госбанке, угрозами и посулами убеждая сотрудников прекратить саботаж (на эти митинги приходят гласные городской думы, поддерживающие саботажников). Пестковского на должности управляющего сменяет решительный левак Осинский. В Смольном начинает трудиться следственная комиссия, выясняющая связи саботажников с контрреволюционными центрами...

Нет худа без добра. Выборы в Учредительное собрание по стране завершились в целом неудачно для большевиков. Но в столице они уверенно победили, что дало Совнаркому моральное право выпустить 16 ноября 1917 года декрет «О роспуске Петроградской Городской Думы». Этот важный документ стоит привести, поскольку не все историки удостоаивают его вниманием:

«Ввиду того, что избранная 20-го августа, до дней корниловщины, Центральная Городская Дума явно и окончательно утратила право на представительство петроградского населения, придя в полное противоречие с его настроениями и желаниями, как это обнаружилось в революции 25-го Октября и на выборах в Учредительное Собрание, — ввиду того, что наличный состав думского большинства, утратившего всякое политическое доверие, продолжает пользоваться своими формальными правами для контрреволюционного противодействия воле рабочих, солдат и крестьян, для саботажа и срыва планомерной общественной работы, — Совет Народных Комиссаров считает необходимым призвать население столицы вынести свое решение по поводу политики городского самоуправления. С этой целью Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Петроградскую Городскую Думу распустить; днем роспуска считать 17 ноября 1917 года.

2. Всем должностным лицам, избранным Думой настоящего состава, оставаться на своих местах и исполнять все лежащие на

них обязанности впредь до вступления в отправлении этих обязанностей должностных лиц, избранных Думой нового состава.

3. Всем служащим Петроградского Городского Самоуправления оставаться при исполнении своих прямых обязанностей; самовольно оставивших службу считать немедленно уволенными.

4. Новые выборы в Петроградскую Думу произвести 26 ноября 1917 года, на основании одновременно с этим издаваемого “Положения о выборах гласных Петроградской Городской Думы 26 ноября 1917 года”.

5. Петроградской Городской Думе нового состава собраться 28 ноября 1917 года в 8 часов вечера.

6. Виновные в неподчинении настоящему декрету, а также в умышленной порче или уничтожении городского имущества, подвергаются немедленному аресту для предания их Военно-Революционному суду.

Именем Российской Республики,

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Народный Комиссар Юстиции П. Стучка

Управляющий Делами Совета В. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета Н. Горбунов».

* * *

В середине ноября Менжинский и Осинский, раздобыв ключи от хранилищ, проводят в них ревизию средств. Деньги можно брать. Но... контрреволюционные бухгалтеры отказываются оформлять эту акцию документально! Большевики же упорно хотят соблюсти формальности. Помогают им вновь набранные «красные» финансисты. И вот 17 ноября в Смольный доставляют первые мешки с наличностью из Госбанка — пять миллионов рублей в счет 25-миллионного аванса. Комиссия под руководством Бонч-Бруевича составляет акт о получении этих средств, который вместе с актом о приемке ключей в Госбанке публикуется в «Правде» за 19 ноября 1917 года.

Ай да банкиры! Заставили себя уважать.

Безоружный Госбанк сопротивлялся натиску пролетарской диктатуры на три недели дольше, чем правительство Керенского.

* * *

Ленин — Дзержинскому, записка от 7 декабря. Вождь предлагает «двинуть» декрет о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками, в котором, по его мнению, должна быть отражена мысль:

«Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковских чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей. Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками...»

Из записки понятно: комиссия Дзержинского создавалась для борьбы прежде всего с саботажем и другими формами «скрытой» контрреволюции. Согласно решению Совнаркома от 7 декабря на виновных налагалось лишь административное взыскание: «конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. д.». Это не меры Фукье-Тенвиля.

Важно отметить, что ВЧК задумывалась только как орган розыска, пресечения и предупреждения преступлений. После проведения дознания чекистам предписывалось дело либо прекратить, либо передать в следственную комиссию при революционном трибунале.

Глава двадцатая. ЕЩЕ ОДНА КОМИССИЯ?

8 декабря Всероссийская чрезвычайная комиссия приступает к работе в Петрограде, в здании бывшего градоначальства по адресу: Гороховая, 2. В комиссии около тридцати сотрудников, считая технический персонал. Финансы ВЧК хранятся в портфеле начальника орготдела Якова Петерса.

Позднее Дзержинский вспоминал:

«Это было время, когда мы заняли места во всевозможных министерствах и нашли там только пустые ящики и шкафы без ключей. Все чиновничество главных ведомств (продовольственного, транспортного и т. д.) не хотело признать Советскую власть. В наши учреждения бросилась масса авантюристов, желающих нажиться и обтяпывать свои делишки. Именно с такими лицами в первую очередь велась беспощадная борьба. Нам приходилось разоружать части демобилизуемой армии. Чуждые нам идейно лица пытались распродать военное имущество вплоть до пулеметов и оружия. И в то же время в Петрограде и других городах создавались контрреволюционные организации...»

ВЧК только ищет свое место в структуре власти. Очень серьезных дел чекистам пока не поручают. В 75-м кабинете Смольного продолжает трудиться важная следственная комиссия. Сюда, в «75-ю комнату», доставляют видных саботажников, оппозиционных политиков и контрреволюционных генералов, чтобы решить, как быть с ними дальше. Главным здесь неутомимый Бонч-Бруевич. Он буквально нарасхват: и по хозяйству, и доложить обстановку, и доставить артиллерию на место боевых действий. (Когда Краснов и Керенский повели казаков на Питер, у большевиков не оказалось транспорта, чтобы отправить на позиции пушки и снаряды. Пришлось нанимать ломовых извозчиков. Первую красную артиллерию на фронт везли на «ломовиках»!) А чаще всего специальные операции рождаются так. Свердлов, Бонч-Бруевич, Подвойский или иной видный большевик, встретив в Смольном вооруженного матроса, говорят ему: «Товарищ, вы наш? Очень хорошо! Берите людей potvrjе и отправляйтесь туда-то пресекать погром винного склада».

ВЧК до основной спецслужбы республики еще очень, очень далеко.

Занимаются первые чекисты сущими пустяками по сравнению с тем, чем они будут заниматься позже. Вот одно из типичных распоряжений Дзержинского тех дней:

«Проверить информацию о том, что в квартире по адресу: Б. Козихинский переулок, 12 часто собираются спекулянты и играют в азартные игры».

Крупным и трудоемким по тем временам стало дело о расхищении денег, оставшихся в кассе бывшего градоначальства. Изучением его обстоятельств занимался сам председатель ВЧК. Об одном из обвиняемых, комиссаре Петроградского военного округа Фаермане, Феликс Эдмундович писал в заключение: «Что это человек, способный на кражу народного имущества, доказывает тот факт, что в его вещах, запакованных уже для отъезда, обнаружено много письменных принадлежностей, взятых из Градоначальства, и других вещей, как план морского канала, снаряд 40-мм, библиотечные книжки, австрийский штык». Проведя дознание, чекисты направляли дела в следственную комиссию революционного трибунала.

Передавали бы чекисты и впоследствии дела в судебные инстанции. Насколько чище были бы у них руки...

* * *

Великодушные молодой революции.

Схвачена группа заговорщиков во главе с Владимиром Пуришкевичем. Кто же в России не слышал имени этого монархиста и черносотенца?! Для революционеров нет человека одиознее. Изъято его письмо донскому атаману Каледину со словами: «Организация, в коей я состою, работает, не покладая рук, над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением... Мы ждем Вас сюда, генерал, и к моменту Вашего прихода выступим всеми наличными силами». Суд над Пуришкевичем и его сообщниками завершается 3 января 1918 года. Обвинитель Григорий Евдокимов говорит, обращаясь к судьям:

— В своем приговоре вы будете иметь в виду не старую боль и обиды, а новую светлую жизнь. Их, людей темного царства, надо изолировать. А когда наша революция укрепитя, мы их на все четыре стороны отпустим.

Пуришкевича приговаривают к четырем годам принудительных работ при тюрьме. Помещают в «Кресты», дают возможность встречаться с родными и получать передачи. В апреле его отпускают на неделю домой, чтобы ухаживать за заболевшим сыном, — под честное слово, что не убежит. В начале мая все осужденные по монархическому заговору выйдут на свободу по амнистии. Пуришкевич отправится на юг, где

включится в борьбу с большевиками.

Петроградский трибунал щадит даже агента царской охраны Деконского. Первый приговор: пять лет заключения. Вскоре у Деконского обнаружилась болезнь легких. Его освобождают, взяв обязательство, что не будет участвовать в общественно-политической работе.

Милосерден и Дзержинский. Из его обращения к комиссару пересыльной тюрьмы: «В случае если арестованный чиновник Гос. Банка Алексей Александрович Писарский действительно болен нервным расстройством и вообще болезнен, то прошу его немедленно освободить под его расписку, что обязуется из Петрограда не уезжать и по первому требованию явиться на суд и следствие».

Глава двадцать первая. МУЗЫКА РЕВОЛЮЦИИ

Мы хотим понять этих людей?

Пафос первых месяцев революции... Теперь так не пишут.

Обращаясь в штаб Красной гвардии в январе

1918-го, Дзержинский просит направить на работу в банковский отдел ВЧК «5—10 тов. красногвардейцев, сознающих великую свою миссию революционеров, недоступных ни подкупу, ни развращающему влиянию золота».

Это служебное письмо или апостольское послание?

Не случайно же философу Федору Степуну в первых декретах Совнаркома слышится библейское: «Да будет так».

Да будут бедняки хозяевами жизни!

Да будут рабочие контролерами производства!

Да будут народы России хозяевами своей судьбы!

Да будут солдаты дипломатами и да заключат они перемирие с неприятелем!

По своему темпераменту эти люди к первым христианам ближе, чем к нам, живущим сто лет спустя. Слово «брат» — одно из самых популярных в годы революции. Облегченная форма: «братцы». У «братьев» одна высокая миссия, делающая их родственниками: защита революции, которую они называют «нашей». Они чувствуют огромную ответственность перед историей.

Дзержинский в апреле 1918-го обращается к руководителям ВЦИКа за «братской поддержкой»: да, вам трудно, но перенапрягите силы, направьте в ВЧК самых идейных товарищей для защиты «нашей рабочей революции».

Из воззвания большевистского правительства в ноябре 1917-го: «Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и дуговых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти».

Слова в документе — угли из костра: «Империалисты, помещики, банкиры и их союзники — казацкие генералы — предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира <...> и заставить солдат и матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов <...>. Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам <...>, чтобы вместе с ними задушить народ».

Петроградский совет в декабре 1917-го обращается к населению:

«Не прикасайтесь к вину: это яд для нашей свободы! Не допускайте разгромов и эксцессов: это смерть для русской революции!»

1 января 1918 года неизвестные обстреляли машину, в которой ехали с митинга Ленин и швейцарский социалист Платтен. «Правда» через два дня сообщает (физически ощущаешь, что не мимо цели бьют слова):

«Среди буржуазии сейчас колоссальная ненависть, бешеная злоба против Советской власти. Еще бы! Земля отобрана у помещиков — разве это не ужас для благородного дворянства? Банки отобраны у банкиров и переданы народу — разве это не гибель для банкиров? Фабрики и заводы скоро тоже перейдут к народу — разве это не безумие для заводчиков и фабрикантов?»

Профессиональный литератор таких строк не напишет. Публицистами становились так же неожиданно, как и красными командирами, наркомками, главными банкирами. Идет по коридору бывший рабочий, подпольщик, а ныне член президиума ВЧК Иван Ксенофонов. Ну-ка, брат, бери карандаш, пиши воззвание! Поплевав на руки, тот обрушивается на империализм, поднявший на международный пролетариат «окровавленный, бронированный кулак», буржуазию, льющую «ушаты грязи и подлости» на русскую революцию. Молодчина, Иван! То, что надо. Это его первый литературный опыт.

Революция — возвращение человечества отчасти к варварству, но отчасти и к базовым представлениям о добре и зле. Отсюда и язык этих посланий. На работу в банковский отдел Дзержинский приглашает сотрудников, «недоступных развращающему влиянию золота». Разве с золотом они будут иметь дело? По-видимому, все же с банкнотами. Но эти сотрудники должны соперничать в нестяжательстве с первыми христианами. Отсюда в официальных документах тех лет — «хлеб» как обозначение всей вообще пищи, отсюда «золото»; «братья» не просто борются с врагом, они «истекают кровью». «Революция» звучит как имя ребенка, нуждающегося в защите. Разве родители не вправе защищать своего ребенка любыми способами? Спасти революцию даже через преступление — это не грех, а доблесть.

«Братья» истекают кровью на передовой, а в тылу — крестьянское восстание. Надо его подавить. Чувство, что восставшие по-своему правы, надо загнать поглубже. Разбираться будем потом. Поэтому любое восстание в тылу, даже «справедливое», воспринимается как предательство, подлый удар

в спину. И мы видим убежденных людей с обеих сторон...

* * *

А как же сочеталась романтическая музыка революции с ужасами бессудных расстрелов?

Расстрелы врагов неизбежны — на них кровь «братьев». А ужасы творят «примазавшиеся» к партии. Вожди большевиков уверяли, что сдерживают стихию насилия, даже в период официально объявленного красного террора. Возмущаться насилием попусту — удел мещан. Получен сигнал о злоупотреблениях — надо поправить. Зарвавшегося товарища — осадить, проворовавшегося или сводящего личные счеты — хоть расстрелять, как предавшего заповеди братства. Разве в тюрьмах республики не содержатся тысячи комиссаров, чиновников, следователей, совершивших должностные преступления? Но других кадров у нас, товарищи, нет, царизм и февральские деятели их не оставили. Работать приходится с теми, кто есть. Не оставишь ведь революцию беззащитной?

Глава двадцать вторая. ЗА ПОЛГОДА ДО КРАСНОГО ТЕРРОРА

Республика еще не ощущает себя в кольце врагов. Явная контрреволюция терпит неудачу за неудачей. Генералы и офицеры бегут на Дон к Каледину — страшат революционные газеты. К концу января подсчитали: набралось в добровольное войско меньше трех тысяч человек. Генерал на генерале: Алексеев! Корнилов! Деникин! Марков! Подтянулись и некоторые харизматические старшие офицеры. Блеск имен привлек несколько сотен мальчишек-романтиков — юнкеров, студентов, гимназистов.

И только-то?! А где же солдаты, матросы и унтер-офицеры — «нижние чины»? Нет их. Точнее, они на другой стороне. Даже донцы-молодцы отшатнулись от своего атамана Каледина. Они надеются, что столичная власть признает их права на землю и самоуправление. Гордый атаман, сумев привлечь на свою сторону лишь полторы сотни казаков, застрелился.

Вытесняемые с Дона добровольцы отправляются в Ледяной поход на Кубань. Но и там их не ждут. Поэтому идут они — в никуда. Тяжело ступает по снегу окровавленными ногами грузный Деникин. Сапоги порвались, других нет. Не сумев взять Ека-теринополь и потеряв командующего, добровольцы поворачивают обратно. С февраля по май непрерывные бои. С кем? С «большевиками» — так они называют врагов. Только большевиков на юге еще почти нет. Есть фронтовики, вернувшиеся домой. Они заправляют в местных Советах. И теперь насмерть бьются с генералами, которые три с половиной года гнали их на германские пулеметы. С обеих сторон проявляются редкий героизм и невиданное ожесточение.

Перед походом генерал Корнилов обращается с речью к своему воинству:

— Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать! Ответственность за этот приказ перед Богом и русским народом я беру на себя!

Мальчишки-романтики потрясены. Офицеры-фронтовики прячут глаза. «Пленных не брать»? Это русских-то людей? Но то ли будет через несколько дней, когда приказ придется воплощать в жизнь!

Очевидец Роман Гуль в документальной повести «Ледяной поход» описывает, как это происходило:

«Из-за хат ведут человек 50—60 пестро одетых людей, многие в защитном, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены.

Пленные.

Их обгоняет подполк. Нежинцев скачет к нам, остановился — под ним танцует мышинного цвета кобыла.

“Желающие на расправу!” — кричит он.

“Что такое? — думаю я. — Расстрел? Неужели?”

...Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

Прошла минута.

Долетело: пли!.. Сухой треск выстрелов, крики, стоны...

...Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, веселые и радостные чему-то, — это не “война”... Вот она, подлинная гражданская война...»

Обратим внимание и на цифру: 50—60 расстрелянных после одного боя. Это к вопросу о подсчете будущих жертв террора.

Корнилов не садист. Он исходит из жестокой необходимости. С ним всего лишь две с половиной тысячи бойцов. Да двести раненных в предыдущих боях. Да тысяча с лишним штатских в обозе. Почти без орудий, боеприпасов. А впереди — железнодорожные ветки, где их наверняка будут ждать красные бронепоезда, обладающие страшной артиллерийской мощностью. Многие недели боев. Куда им еще — пленные? Кому их охранять, чем их кормить? Террору всегда находятся оправдания. Красный террор не станет исключением.

* * *

Впоследствии одни историки будут писать, что братоубийство началось сразу после Октября, а другие — что до лета было все спокойно. Те и другие по-своему правы. Такая разная страна: в столицах пока тишь, а на юге полыхает.

На красный Ростов надвигаются немцы и белоказаки. 1 мая руководители Донской советской республики Подтелков и Кривошлыков с отрядом отправляются в мобилизационную экспедицию в верховья Дона. Здесь, у хутора Пономарева, местные казаки их окружили и разоружили. 11 мая состоялась казнь. Документальное описание расправы над отрядом дает Михаил Шолохов в «Тихом Доне»:

«Это безмерно жуткое, потрясающее зрелище разогнало людей. Остались лишь фронтовики, вдоволь видевшие смерть, да старики из наиболее остервенелых.

Приводили новые партии босых и раздетых

красногвардейцев, менялись охотники, брызгали залпы, сухо потрескивали одиночные выстрелы. Раненых добивали. Первый настил трупов в перерыве спеша засыпали землей. Подтелков и Кривошлыков подходили к тем, кто дожидался очереди, пытались ободрить...

Яму набили доверху. Присыпали землей. Притоптали ногами. Двое офицеров в черных масках взяли Подтелкова и Кривошлыкова, подвели к виселице...»

Подтелков с петлей на шее крикнул:

— Одно скажу вам: к старому не возвращайтесь, казаки!

Подтелков не большевик. Не состоя в партиях, он, по его словам, «ставил своей целью справедливость и борьбу с угнетателями народных масс». Убежденный, мужественный человек. Но и на нем много крови! Подтелков лично зарубил казачьего есаула Чернецова, со смертью которого, как писал Деникин, «ушла душа от всего дела обороны Дона». Посмотрим и на Чернецова. Этого человека прозвали «донским Ренненкампом» после подавления волнений шахтеров на Ясиновском руднике: свыше сотни трупов. Где остановиться?

Гражданская при ближайшем рассмотрении оказывается не одной войной, а десятками и сотнями больших и малых гражданских войн разной степени жесточечности. Уровень насилия определяется чаще всего местными условиями. Там, где наблюдаются картины особой жестокости, почти наверняка можно сказать, что перед нами не первый акт драмы, а пятый, десятый...

* * *

На Кривошлыкове, наркоме Донской республики по управлению, крови, по-видимому, вовсе не было. Его в петлю — за «должность». Биография Михаила выдает в нем интеллигента из казаков. Уроженец хутора Ушакова станицы Еленской, он оканчивает с отличием Донское сельскохозяйственное училище, где редактирует студенческий журнал. Пишет стихи. Успел поработать агрономом, собирается учиться дальше. Планы ломает германская война. Избирают его наркомом на I съезде Советов Дона.

В прощальном послании близким Михаил писал: «Папаша, мама, дедушка, бабуна, Наташа и Ваня и все родные. Я пошел бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и убивают обезоруженных. Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют, а наши страдания искупятся

кровью... Прощайте навсегда. Любящий вас Миша.

Папаша. Когда все утишится, то напишите письмо моей невесте: село Волки, Полтавской губернии, Степаниде Степановне Самойленко. Напишите, что я не мог выполнить обещание встретиться с ней».

Было Кривошлыкову на момент гибели 24 года.

Глава двадцать третья. МОСКОВСКИЙ ПОЕЗД

В декабре 1917-го в советское правительство вошли представители партии левых эсеров. Один из них, Исаак Штейнберг, возглавил Наркомат юстиции, получив возможность контролировать работу ВЧК. Между ним и Дзержинским сразу стали возникать конфликты, которые не раз разбирались на заседаниях Совнаркома. Штейнберг следит, чтобы комиссия не присваивала себе карательных функций. В этом смысле он стоит на букве тогдашнего закона.

Правда, кое-что и в деятельности либерального наркома вызывает смущение. Доктор Иван Ману-хин, в ту пору представитель Политического Красного Креста, вытащивший из советской тюрьмы два десятка человек, в эмиграции написал воспоминания. Процедура освобождения, с его слов, выглядела так. Выпуская очередного заключенного на поруки, Штейнберг от лица правительства требовал «известную сумму» в залог. Размер залога он определял сам, исходя из платежеспособности освобождаемого. Разрешалось поторговаться. За министра Временного правительства Кишкина уплачено три тысячи рублей. Максимальный размер «выкупа», известный Манухину, составил 100 тысяч рублей. Больше ни у кого из «буржуев» просто не оказалось, банки же были национализированы. А старый революционер Бурцев (разоблачитель Азефа) с возмущением отказался платить за свое освобождение. Выпустили даром во избежание скандала.

В январе в руководящие органы ВЧК ввели нескольких левых эсеров. Один из них, Петр Александрович, стал заместителем Дзержинского. До поры до времени это не создавало комиссии проблем.

* * *

9 марта комендант Смольного Мальков получает секретное распоряжение от управделами Совнаркома Бонч-Бруевича:

«Завтра к 10 утра вы должны прибыть по адресу: станция “Цветочная площадка” за Московскими воротами. Пройдя ворота, надо свернуть налево по Заставской улице и, дойдя до забора, охраняющего полотно железной дороги, свернуть направо по дороге. И тут вблизи будет железнодорожная платформа. Здесь

стоит поезд, в котором поедет Совет Народных Комиссаров. С этим поездом поедет 100 человек латышей, которые должны будут нести охрану поезда во время движения. Озаботьтесь, чтобы всем латышам было отпущено надлежащее довольствие».

В ночь на 11 марта поезд под охраной «100 человек латышей», ошестинившийся пулеметами и винтовками, отправился в Москву. Питерские революционные матросы и солдаты могли и задержать вождей. Этот переезд в условиях сохраняющейся военной опасности напоминал бегство. Сразу родил-с я слух, что город готовят к сдаче немцам. Уезжая, вожди обещали вернуться... ну, вот совсем скоро.

И эту секретную операцию, отметим, поручают не Дзержинскому. Еще раньше, 1 января, неизвестные обстреляли машину Ленина, легко ранив швейцарского социалиста Платтена. Покушение расследовала «75-я комната». ВЧК по-прежнему — всего лишь одна из чрезвычайных комиссий...

В новой столице ВЧК разместились сначала в особняке на Поварской улице, а 30 марта переехала в здание бывшего страхового общества «Якорь» по адресу: Большая Лубянка, 11. Вождей временно поселили в гостинице «Националь». Феликс Эдмундович здесь появлялся редко, поскольку ночевал в своем кабинете или на квартире у сестры. Только весной следующего года, когда из-за границы приедут Софья Сигизмундовна и Ясик, Дзержинские займут квартиру в Кремле.

В Москве питерские большевики почувствовали, будто вернулись в дни Февраля. Местный Совет мирится с двоевластием. В нем сильны позиции анархистов. Они выпускают две газеты — «Анархия» и «Голос труда», имеют легальные вооруженные отряды, большие запасы пулеметов, бомб и даже легких орудий, которые получают с советских военных складов. Идейные последователи князя Кропоткина считаются истинными революционерами, их представители входят во ВЦИК. Но к «идейным», объясняют большевики, примазывается разный уголовный сброд. Отряды анархистов-уголовников от лица власти проводят самочинные аресты, обыски, на их счет относят убийства и ограбления, которые каждый день совершаются в столице. К тому времени они заняли в Москве 26 особняков. Годом раньше большевики так же бесцеремонно обосновались в особняке Кшесинской в Петрограде. Балерина выигрывала суды, но это ей не помогало. Но только Ленин — не Керенский...

В ночь на 12 апреля чекисты вместе с латышскими стрелками приступили к ликвидации баз «черной гвардии». Ожесточенный бой разгорелся за здание бывшего купеческого клуба (ныне театр Ленком на Малой Дмитровке). В ходе операции погибло 12

чекистов. 66 анархистов были арестованы, некоторые впоследствии осуждены за грабежи. Дзержинский сообщил, что преступность в городе сразу снизилась на 80 процентов.

13 апреля в московских газетах появилось обращение председателя ВЧК к жителям столицы: «Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Совете Народных Комиссаров приглашает всех граждан, пострадавших от вооруженных ограблений, явиться в уголовно-розыскную милицию (3-й Знаменский переулок) для опознания грабителей, задержанных при разоружении анархистских групп, в течение 3 дней от 12 ч. до 2 ч., считая первым днем 13 апреля».

Один артельщик, явившийся по этому приглашению в милицию, опознал преступника, ограбившего его на 300 тысяч рублей.

А перед идейными анархистами, чье влияние оставалось значительным, власти по-своему извинились. В интервью «Известиям» 16 апреля Дзержинский говорил:

«Идейных анархистов среди лиц, задержанных нами в ночь на 12 апреля, очень мало, среди сотен — единицы. Мы их освобождаем, и если, быть может, некоторые из них будут привлечены к ответственности, то только за прикрытие преступлений, совершенных уголовными элементами. Мы ни в коем случае не имели в виду вести борьбу с идейными анархистами».

Через некоторое время последователи князя Кропоткина нанесли Феликсу Эдмундовичу коварный удар. Они распространили сведения, что он во время своего пребывания в тюрьмах и на каторге якобы не был таким уж «железным», сотрудничал с тюремщиками. Сильнее Дзержинского уязвить было трудно. Все, кто его знал, понимали, что такого быть не могло. Председатель ВЧК 6 июня обратился в ЦК партии и ВЦИК с требованием привлечь к ответственности клеветников:

«В номере 62 газеты “Анархия” от 18 мая появилась статья под заглавием “Будем готовы”, в которой автор ее, некий “Андрей”, между прочим пишет обо мне: “Он каторжник, отбывал каторгу в Александровском центральном. Но... можно быть на каторге и пользоваться большими, недопустимыми для искреннего революционера привилегиями; это было и с Дзержинским. Он находился на особом счету у администрации. Фактически он содержался на положении “скрывающегося” и обретался больше всего в одиночке. (“Скрывающиеся” на тюремном языке — это доносчики и провокаторы, нетерпимы в общих камерах.) Он при проверке заключенных ходил сбоку начальства и записывал

просьбы и заявления арестантов и позволял иногда подавать свои реплики отрицательного свойства в то время, когда начальство удовлетворяло их. И за эту “законность” имел свидание с родственниками вне очереди, выписывал кофе, какао и другие деликатесы. Арестанты ненавидели его, и если бы его встретили, то ему бы несдобровать. Чечевичная похлебка не довела бы его до добра. Вот с тех-то пор он имеет зуб на анархистов, и его “анархоедство” имеет вполне определенную окраску и подкладку”. Конечно, все это вымысел от начала до конца. Клеветники желают таким путем очернить учреждение, председателем которого я являюсь. Поэтому я прошу вас, товарищи, возбудить следствие и привлечь их к ответственности».

Продолжение истории неизвестно. Думается, комментировать тут нечего.

* * *

Первое решение о расстреле особая комиссия ВЧК вынесла 24 февраля 1918 года. К высшей мере были приговорены дерзкий налетчик, называвший себя «князем Эболи», а также его жена и сообщница Бритти. «Князь» совершал нападения на квартиры, учреждения, похитил картину и драгоценности из Зимнего дворца.

В особую комиссию входили три человека, в том числе обязательно один левый эсер. Решения принимались только единогласно. До конца июня по решениям ВЧК были расстреляны около 50 человек. Кто они? Например, некто Раковский и двое его сообщников промышляли грабежами, финансовыми махинациями, распространяли фальшивые деньги; при задержании ранили чекиста. Смотрим дальше. Налетчики... Убийцы... Один из бандитов, анархист, во время нападения скальпировал свою жертву, выпытывая, где спрятаны деньги. А два брата Череп-Спиридовичи и их поделщик Бейлин-сон попались на крупной афере. По условиям Брестского договора республика выкупала у Германии представляемые ею ценные российские бумаги. Мошенники пытались задним числом продать немцам акции рудников.

Все — уголовные и наказаны как будто за дело. Но эти расстрелы незаконны! В России ведь отменена смертная казнь... Вновь ввел эту меру декрет Совнаркома «Социалистическое Отечество в опасности!», принятый 21 февраля после возобновления немецкого наступления на Петроград. Заглянем и в этот исторический документ:

«Чтобы спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира. Наши парламентарии 20 (7) февраля вечером выехали из Режи-цы в Двинск, и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой “порядок” в Петрограде и в Киеве. Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности». Смертную казнь восстанавливал 8-й пункт декрета-воззвания, гласивший: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления».

Строго говоря, Совнарком не имел полномочий отменять решение II съезда Советов. Однако после заключения мира в Брест-Литовске 3 марта и этот сомнительный пункт утрачивал силу. Кроме того, в документе не указывалось, какой орган вправе применять кару. Об этом ВЧК напомним в свое время.

Так укоренялась привычка вольно трактовать даже собственные — советские — законы.

* * *

В марте ВЧК начинает создавать чрезвычайные комиссии на местах. К концу лета эти органы уже действуют в основных губерниях и десятках крупных уездов. Но ЧК пока существуют фактически на правах отделов в местных исполкомах. И зависят они главным образом от местных властей.

22 марта 1918 года на заседании Курского исполкома его председатель зачитал телеграмму из Москвы, подписанную Дзержинским. Из зала спросили: «Кто это такой?» Председатель ответил: «Не знаю, в Совнаркоме такого комиссара нет». На пятом месяце существования ВЧК руководители губернии, расположенной не так уж далеко от Москвы, еще не слышали фамилии Дзержинского.

Глава двадцать четвертая. ПЕРМСКИЙ ИЛЬИЧ

Все приготовления сделаны. Ближайшей ночью Ганька срубит голову контрреволюции. А пока самое лучшее — пойти искупаться. Ганька бросается в холодную еще Каму (начало июня), согревается быстрыми движениями, переворачивается на спину, смотрит на родной завод. Чумазый гигант стоит на берегу реки, зажатый с трех сторон горами. Грохочет 50-тонный молот, шипит металлическая лава, на частоколе труб лежит черное облако на фоне ясного неба; сквозь рев металла слышится свист ремней, дребезжание шестеренок... Далеко разносится гудок завода-великана, на 15—20 километров. В неурочный час он вызывает ужас у жителей Перми: опять какая-то заваруха в рабочей слободе.

Мотовилиха — пушечный завод в четырех километрах от Перми. 25 тысяч рабочих. И чуть не каждый готов взять в руки оружие, если кто-то посягнет на их самоуправление. Здесь свои законы, своя власть. В городе обыватель боится выйти на улицу, а в рабочей слободе по-прежнему не запирают дверей и окон. От уральских казаков Мотовилиха отбилась. Мятежные белочехи проезжали на восток — их разоружили, как миленьких, только револьверы оставили офицерам. А главный в этой твердыне уральской революции — Гавриил Ильич Мясников, председатель исполкома местного Совета. Ганька — для своих.

В 1905 году шестнадцатилетний Ганька участвовал в захватах оружия, боях с полицейскими и казаками. Попал в руки карателей — его превратили в сплошной кровавый синяк, но — выжил. И дальше вплоть до 1917-го — аресты, побеги, вновь аресты, каторга. Впоследствии Ганька будет именовать себя большевиком с 1906 года, а Мотовилиху примерно с того же времени — «большевистской крепостью на Урале». Знал ли молодой Ленин, что есть у него такая крепость и такой преданный последователь? Откуда было взяться такому количеству «большевиков» в российской глубинке до революции? «Большевики» и «меньшевики» обитали за границей (а размежевались окончательно только перед мировой войной). В провинции действовали члены РСДРП без «б» и «м», оттенков в социал-демократии, как правило, не различавшие. А с началом войны связь между российскими и заграничными социалистами вовсе надолго прерывается.

В общем, никакой Ганька не большевик. А кто же? Авторитет

для него — Александр Лбов, организатор восстания на Мотовилихе в пятом году, впоследствии — «уральский Робин Гуд», скрывавшийся в лесах, погромщик, экспроприатор денежных сумм. Лбов именовал себя «коммунистом-анархис-том». Изловили и пристрелили его в 1908-м. Вот и Ганька — разновидность анархо-коммуниста. Мандаты, подписанные Лениным и Свердловым, он рвет, если прибывающий в Мотовилиху уполномоченный из Центра ему не по нраву. Хорош большевик!

В Петрограде еще Февраль, а в рабочей слободе под Пермью даже не Октябрь, а сентябрь 1918-го, красный террор. Был такой Митька Бажин — провокатор, из-за которого не один революционер сложил голову. После Февраля извлекли его из Белогорского подворья, где он скрывался под видом смиренного инока Петра. Пермь настояла, чтобы отправили его в губернскую тюрьму. Как скажете... До тюрьмы Митька не дошел. Приезжал в Мотовилиху следователь разбираться, кто конвоировал, что да как, но быстро понял, что лучше глубоко не копать.

Сердобольный пермский Совет намеревался забрать из рук рабочих красногвардейцев еще одну драгоценную особу — бывшего помощника пристава Бурова, истязавшего в тюрьме революционеров. Пермьки на этот раз конвой свой прислали. Будь по-вашему. Когда арестованного проводили мимо проходной завода, раздался выстрел — точно в голову. Следствия не назначали, помнили случай с Митькой Бажиным.

Совет в Мотовилихе при Мясникове после Октября сам знает, что ему делать, в директивах не нуждается. Он экспроприирует магазины, дома, переселяет буржуазию, уплотняет инженеров, добывает продовольствие, топливо, сырье, товары, выносит приговоры провокаторам, шпикам, жандармам и приводит их в исполнение. В этой повседневности пермский Ильич несколько замельтешил. Чуть не упустил главного — угрозы революции.

Ганька потрясен... Только в мае он узнает, что в Перми вот уже больше месяца живет со своей свитой великий князь Михаил Романов. В королевских номерах гостиницы! Этот без пяти минут царь, так и не взявший «шапку» от брата в марте 1917-го, ходит в театр, ездит по городу на личном «роллс-ройсе», привезенном из Петрограда. Телеграммы из Москвы за подписью руководителей Совнаркома удостоверяют, что Михаила не следует считать контрреволюционером. Его-то? Кого тогда считать?

Михаил — опаснейший из Романовых, рассуждает рабочий мыслитель. (Он так себя называет — склонен к философствованию. Любит прикинуть, как на его месте поступили бы Толстой или Достоевский, — в тюрьмах занимался самообразованием.) Бывший царь — отыгранная карта. А Михаил

— совсем иное. Его как знамя контрреволюции примут и монархисты, и кадеты с буржуазией, ведь этот Романов, строго говоря, от скипетра не отказался, он доверил решать вопрос о форме правления в России Учредительному собранию — оказал услугу демократии.

Обескураженный Ганька прощупывает настроение пермских товарищей. Совсем нух потеряли, братцы? Забыли, где стоят белые банды? Челябинск пал. Что там выделявали с комиссарами — напомнить? Это вам не наш рабочий террор — шлеп, шлеп. Это белоказаки и озверевшее офицерье. Лютая смерть тем, кто не успел покончить с собой. Ремни на спинах, деревянные шпильки под ногти. Спасшиеся рассказывают: комиссарам выпускали кишки, приколачивали их к дереву и заставляли, подгоняя раскаленным железом, бегать вокруг дерева, выматывая кишки из себя. Живых в землю закапывают. И у этой контрреволюционной сволочи завтра появится знамя — Михаил II Романов.

Эх, ротозеи московские... Куда смотрит Михалыч, хорошо известный пермякам по 1906 году Яков Свердлов? Пора действовать. Удобнее всего — от имени Губчека. Кадры в чрезвычайку подбирает местная власть. Сдав дела в исполкоме, Мясников по направлению своего Совета уже через три дня вступает в должность, которую себе облюбовал: начальника отдела по борьбе с контрреволюцией. Сразу собирает Чека и объясняет — начальству своему — как надо работать. Не мешкая, вызывает на разговор Михаила Романова. Больше из любопытства. Так и есть: заурядная личность, несуразная, узкоплечая, с трудом, картавя, говорящая по-русски. Вошь тифозная, а не человек. Ненависти к выбранной жертве пермский Ильич не чувствует. Но тифозную вошь, разносящую заразу, убить необходимо. Что бы возразил на это Лев Толстой (в сумбурную голову рабочего мыслителя постоянно лезут вопросы такого рода)? Тоже бы придавил тифозную вошь, не думая! Какие тут сомнения.

Перед Толстым Ганька оправдался, а как все-таки быть с московскими большевиками? Ленина и Свердлова придется поставить перед фактом. И куда им деваться? Одобрят! Это ведь воля всех рабочих Урала, включая эсеров и меньшевиков. Убийство Романова лучше всего обставить как бегство, организованное его сообщниками. Тогда паники больше, и — сигнал уральцам в Екатеринбурге, Ала-паевске — расправиться с другими Романовыми, пока те тоже не сбежали.

А если после исчезновения великого князя у белых появится самозванец Михаил II? Что ж, тогда придется вырыть труп Романова и положить его на площади перед королевскими

номерами. Рабочий мыслитель чрезвычайно горд, что он не упустил ни одной детали.

Срубить голову контрреволюции пермский Ильич намечает в ночь на 13 июня.

Накануне вечером он собирает четверых своих помощников в кинобудке. Исполнители — на поленьях, организатор — на стуле выше всех. Обрисовывает замысел (впервые слышат, но заранее согласны на всё). Впоследствии Мясников даст выразительные характеристики своим соучастникам.

Жужгов — видел все прелести царского режима, семь лет «работал в каторге». Весь пропитан злобой, но не кипящей, а холодной, расчетливой; этот будет казнить «не волнуясь, словно браунинг пристреливает». Если Жужгову предложить надеть динамитные пояса и взорваться, унося с собой кучу офицеров из штаба Колчака, он не задумываясь сделает это. Народный мститель, на всю жизнь заряженный ненавистью к эксплуататорам.

Иванченко — тоже каторжанин, осужденный на 15 лет за убийство двух казаков. Два каторжника уже есть. И остальные двое, Марков и Колпаши-ков, «изведали все прелести царского режима» — горят огнем мести. Все согласны с планом Ганьки. Шансов на спасение или сострадание у Михаила нет.

В ночь на 13-е народные мстители (Ганька на улице) вошли в номера к Михаилу, показали бумагу с печатью Губчека — предписание перевезти его в другое место. С Романовым на свою беду настоял поехать его секретарь Джонсон, английский подданный. Мясников остался ждать вестей в исполкоме Мотовилихи. Приговоренных повезли в двух повозках по направлению к железнодорожной станции якобы для того, чтобы посадить на поезд и отправить в Могилев. Ехали, разговаривали...

— Скажите, пожалуйста, вы имеете приказ правительства, чтоб везти нас из Перми? — интересовался у Жужгова Михаил.

— А как же без приказа? У нас бумаги все в порядке.

— Это хорошо. Я состою в распоряжении правительства, и меня без приказа нельзя беспокоить.

— Да, мы знаем. У нас ведь строго: маленький промах — и к стенке.

— А то как же! Вы не можете назвать город, куда меня везут?

— Могилев.

— Это далеко отсюда на запад, а почему мы едем в обратную сторону?

— Мы хотим вас посадить в поезд не на людной станции, а на переезде. Да вы не беспокойтесь, мы все сделаем, как нужно.

— А вы знаете, что телеграфные приказы от Ленина и

Свердлова запрещают меня считать контрреволюционером?

— Знаем все приказы.

В середине этого разговора Жужгов, проезжая мимо помещения милиции, остановил лошадей, чтобы захватить лопату и кирку.

В другой повозке Иванченко вез Джонсона. Секретарь великого князя, предчувствуя недоброе, в основном молчал. В глухом месте народные мстители предложили Михаилу и Джонсону выйти из повозок — и пристрелили их из пистолетов. Ганьке Жужгов привез забрызганную кровью одежду несчастного великого князя в доказательство того, что задуманное совершено. Сжигали.

Председатель Губчека Малков еще поздно вечером 12-го догадался, что задумал Мясников, но счел за лучшее не вступать. Москва с Дзержинским далеко, а Мотовилиха с Ганькой рядом. Малков ждал в кабинете звонка из гостиницы — известия о «бегстве» Михаила Романова. Потом изображал поиски.

В Москве о том, что в действительности произошло в Перми, узнали только три недели спустя. Оповещать Михалыча пермяки не спешили. В начале июля все равно кому-то надо ехать в столицу на V съезд Советов. Отправился туда старый знакомый председателя ВЦИКа Туркин. Он и рассказал Свердлову, а затем и Ленину, что не Михаил бежал, а его «бежали». Вожди, по свидетельству Туркина (в передаче Мясникова), выглядели удовлетворенными, что Романов не ушел к белым. Много времени на выяснение подробностей у них не было. 6—7 июля их самих едва не «бежали» левые эсеры. Завершился же съезд принятием первой Конституции РСФСР. Забот хватало, не до пермяков.

О судьбе великого князя Михаила не было широко известно и в 1919 году. Некоторые монархические движения продолжали на него рассчитывать.

Жизнь Ганьки и дальше выдалась многотрудной, авантюрной — с такой-то кашей в голове. В 1922-м его исключают из партии как лидера «рабочей оппозиции». После множества приключений он оказывается за границей, во Франции, где работает слесарем и пишет документальную повесть под названием «Философия убийства», в которой подробно рассказывает о расправе над Михаилом

Романовым. Рукопись свою за границей «рабочий мыслитель» издать не смог. Он выслал ее Сталину; впоследствии к ней получили доступ исследователи. В январе 1945 года Мясников получает разрешение вернуться в СССР. По прибытии — немедленный арест, следствие. В показаниях своих пермский Ильич не выказывает робости, не кается, часто задирается. Пишет

письмо наркому иностранных дел Молотову, требуя вернуть его во Францию с возмещением ущерба (из расчета две тысячи франков за каждый месяц ареста — ну не нахал?). Военная коллегия Верховного суда приговорила Мясникова Гавриила Ильича к высшей мере наказания за измену Родине. 16 ноября 1945 года приговор был приведен в исполнение.

Глава двадцать пятая. «ВЛАСТЬ СОВЕТОВ КРЕПКА, ПРОДОВОЛЬСТВИЯ НЕТ»

Если судить по внешним признакам, то весна и лето 1918 года — период поступательного развития Советского государства.

3 марта в Брест-Литовске заключен хоть и тяжелейший по условиям, но все же мир с Германией и ее союзниками. В июле принимается первая Советская конституция. Начато строительство регулярной Красной армии. Укрепляется и ВЧК: появляются чрезвычайные комиссии в губерниях и крупных уездах...

Но это на поверхности.

Начинка куда горше: почва уходит из-под ног большевиков. Москва в кольце постоянно вспыхивающих крестьянских восстаний — записывает свои ощущения лета 1918-го историк Мельгунов. Немецкий дипломат фон Ботмер 13 июня заносит в дневник фразу, услышанную от Троцкого: «Мы уже фактически покойники, дело за гробовщиком». Даже мужественный и обычно бодрящийся в письмах близким Дзержинский пишет жене, что он находится, может быть, в последнем бою.

Антипомещичьи и антибуржуазные настроения в низах по-прежнему сильны. Но кто теперь ими управляет? Проверка пройдет в начале июля в дни мятежа левых эсеров. Для широких слоев населения это событие — разборка внутри революционного движения. Безоговорочно большевиков поддержит меньше тысячи человек, только их «преторианская гвардия» — латышские стрелки.

В начале 1918 года появляется барометр настроений, отличающийся достаточно высокой точностью. Это сводки местных органов НКВД и ВЧК. Они поступают в центр и после обработки в ограниченном количестве экземпляров (от 5 до 40) ложатся на столы руководителей республики. (Известно, что одно время Ленин и Сталин получали одну сводку на двоих.) Эти документы изданы. Мы можем судить по ним, как менялось отношение прежде всего крестьянства к Советской власти в интересующие нас периоды.

* * *

С января примерно по март реляции с мест для официальной Москвы — бальзам на душу. В села возвращаются фронтовики,

благодарные большевикам за окончание войны. И решительно берутся за дело, не церемонятся. Впрочем, везде по-разному, страна большая.

«Вологда. После того, как в деревнях стали появляться солдаты с фронта, крестьяне заметно стали леветь.

Кубань. По всем станицам наблюдается брожение, связанное с прибытием казаков с фронта. Одна за другой станицы организуют Советы рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. В степи еще бродят малочисленные остатки корниловских банд. Казаки поголовно на стороне Советской власти. Контрреволюционеры расстреливаются. Ощущается нужда в агитаторах.

Новгород. В уездах и волостях земство упраздняется и создаются Советы. На купцов наложен налог в 300 тыс. руб. В городах и волостях духовенство и монахи ведут сильную агитацию против Советской власти, в храмах устраивают митинги.

Белозерск. Имения взяты на учет земельным комитетом. Продовольственный вопрос обстоит остро. Торговля и промышленность всего уезда находятся под контролем Советской власти.

Тула. Елифанский уездный съезд Советов крестьянских, солдатских и рабочих депутатов в своем заседании постановил упразднить уездное и волостное земство и передать полноту власти Советам. Выражено полное доверие Совету Народных Комиссаров и приветствие т. Ленину и Троцкому как стойким и неуклонным борцам за освобождение трудящихся.

Кострома. Ввиду того, что после перехода земли в руки народа по всей губернии участились случаи загадочных пожаров помещичьих усадеб, Костромской Совет рабочих и крестьянских депутатов постановил предложить страховым обществам выплату страховых премий помещикам сгоревших усадеб прекратить».

* * *

Передел земли и собственности мирным быть не может. Воздух тогдашней деревни пропитан враждой между крестьянами и бывшими помещиками. Между беднотой и середняками. Между соседними селами — за спорные леса и луга. Между «стариками» и фронтовиками (это больше у казаков). Между национальными общинами. Ликвидируются столыпинские хутора и отруба. Все склонны решать вопрос силой. Ведь возвращаются с фронта мальковы и железняковы, а кое-где и гань-ки мясниковы.

«Гжатск. Поводом к выступлению буржуазии и духовенства послужило распоряжение земельного отдела о предоставлении бедноте сенокоса из монастырской дачи. Видное участие в этом выступлении принимал настоятель монастыря. Им удалось прогнать бедноту и распределить луг между собой и населением соседней деревни. Когда прибыл отряд из Гжатска арестовывать подстрекателей и настоятеля, монахи ударили в набат, со стороны монастыря раздались выстрелы. При обыске в кельях были найдены: браунинг, револьвер, ружье, пачка патронов, самогонка и 30 фунтов сала и обнаружен пролом стены для выходов монахов после закрытия ворот. После мирных объяснений с собравшимся населением отряд покинул монастырь».

...Но уже начиная с апреля...

«Новгород. В Крестцах был бунт на почве голода, спровоцированный против Совета. Из Новгорода был выслан отряд. Сейчас все спокойно. Власть Советов крепка, продовольствия нет. Население голодает. На этой почве возможны эксцессы.

Рязань. В Сапожковском уезде на почве недостатка продовольствия убит председатель продовольственной управы. При аресте преступников двое оказали сопротивление и были убиты. Прием в Красную Армию продолжается, но в голодных уездах желающих вступить в ее ряды мало».

...А вот в Орловской губернии боятся, что их присоединят к Украине, поэтому там другое настроение.

«Орел. 420 сходов сел и деревень выразили категорический протест против присоединения к Украине. Почти все, за ничтожным исключением, согласны защищать Советскую власть с оружием в руках, не считаясь с годами. Только 2 процента всех резолюций и постановлений настаивает на созыве Учредительного собрания.

Архангельск. На почве отсутствия кос и серпов происходит контрреволюционная агитация. В городе крестьянами разграблен склад серпов, в одной волости при аресте священника избит комиссар народного хозяйства, в двух волостях произошли бунты и были избиты толпой должностные лица, прогнан революционный отряд и приостановлена работа землемеров».

...Крестьянам нужны косы и серпы! А также — подковы для лошадей, керосин, соль, спички, одежда... Через органы кооперации в деревню поступает от силы десятая часть необходимого. Промышленность развалена войной, появлением таможен, потерей источников сырья, разрушением транспорта. Городу нечем рассчитываться с селом за продовольствие. НЕЧЕМ.

Вот в чем нерв тогдашних отношений между крестьянством, с одной стороны, и городским населением — с другой. А Центр еще проводит мобилизацию в армию, забирает лошадей, подводы. Это усугубляет обстановку.

«Тула. В Одоевском уезде на почве реквизиции излишков хлеба сильнейшее выступление кулаков.

Семь членов Одоевского уездного Совета изранены и избиты, двое по упорным слухам живыми зарыты в землю. Против Советов идет выступление организованных кулаками банд, которые имеют винтовки, бомбы, пулеметы и даже, по слухам, два легких орудия. Чувствуется опытная рука. Положение Совдепов весьма серьезное.

Тамбов. Вследствие продовольственного кризиса и мобилизации лошадей настроение населения к Советской власти враждебное. В Черетинской волости крестьяне отказались допустить произвести перепись лошадей.

Архангельск. Мобилизуемые в армию требуют объяснить им, на какой срок они призываются и какая цель призыва. Если мобилизация вызвана потребностью защищать трудящихся, то они согласны идти, но при условии обеспечения их семей, вооружения мобилизуемых на местах, обеспечения довольствием, запасом оружия и снарядов, а также удовлетворения деньгами по аттестатам за старую службу и вместе с тем не производить у них реквизиций.

Воронеж. В связи с разгаром сельскохозяйственных работ вербовка в Красную Армию идет плохо. Население уездов возмущается действиями фронтовых отрядов.

Рязань. С наступлением полевых работ вербовка в Красную Армию ведется медленно».

...А у завербованных настроение: бери шинель — пошли домой!

«Борисоглебск. Арестован командир 2-го полка, который самовольно распустил полк на полевые работы, что заставило другие полки вынести на общем собрании постановление тоже разойтись».

...Совдепы после Октября — главная исполнительная и законодательная власть на местах. Никто им не указ. Не захотят — не дадут центру ни продовольствия «по твердым ценам», ни лошадей, ни рекрутов. Тупик. Большевики принимают за создавать в деревне вертикальные структуры, параллельные Советам — комитеты бедноты. Комбеды распределяют среди сельских жителей земли помещиков, сельхозорудия, предметы первой необходимости, проводят продразверстку, мобилизацию в Красную Армию. Они добавляют жару. Попытки решения

кризисов порождают новые кризисы. Сводки сообщают уже о настоящих сражениях.

«Ярославль. В Варнавинском уезде на почве учета хлеба контрреволюционные элементы вызвали в волостях вооруженный мятеж трехтысячной толпы. Присланная рота во избежание больших потерь вынуждена была вернуться. Толпа гналась за ней 17 верст. С обеих сторон есть убитые и раненые. В распоряжение Варнавинского революционного штаба отправлены из Кинешмы, Галича и Костромы отряды с пулеметами.

Пермь. Поводом для выступления послужила опись хлебных запасов. Банда из кулацких элементов обходила деревни, била в набат и подстрекала против красноармейцев и Советов. Собралась толпа человек в 700 и убила 8 красноармейцев и советских работников. Из Оханска был выслан отряд, при появлении его контрреволюционеры-кулаки разбежались. Участники убийства, которых удалось задержать, упорно молчали и не хотели указать соучастников. Для установления личности убитых руководитель отряда приказал вырыть убитых товарищей. Трупы раздеты до белья, зверски изрублены, с растерзанными головами и отрубленными пальцами. Контрреволюционеры избили также жену и детей одного крестьянина, ушедшего на службу в Красную Армию. Карательный отряд после выяснения таких потрясающих картин стал беспощадно наказывать преступников, расстреляны 30 человек.

Вятка. Дружина в деревне Шахайки была принята радушно, но ночью местные кулаки из окрестных деревень под предводительством бывших офицеров напали на нее и многих перебили. Убит начальник дружины Кропивинов, у него похищено 20 тыс. руб., убиты еще семь человек и 80 ранены, остальные спаслись. Высланный отряд арестовал много участников нападения и отправил их в Ярославскую тюрьму. По делу ведется следствие.

Смоленск. Вельским совдепом были командированы девять человек красноармейцев во главе с двумя представителями совдепа для реквизиции скота у спекулянтов в селе Холме, где в то время был базар. Провокаторами был пущен слух, что красноармейцы приехали косить рожь. Красноармейцев разоружили, избили и арестовали. Вельский совдеп решил послать вооруженный отряд около 75 человек при двух пулеметах и двух автомобилях на выручку арестованных товарищей. В это время кулаки собрали волостные сходы и призывали к вооруженному восстанию против совдепа. Во главе движения стал бывший полковник Карабатов и бывшие офицеры Кожуков, Велин и еще четыре офицера. Они мобилизовали всех

контрреволюционеров — до 4 тыс. человек при 5—7 пулеметах. Эта банда напала на отряд Вельского совдепа. Во время перестрелки были убиты девять красноармейцев, сестра милосердия и несколько человек ранены, остальные разоружены и взяты в плен. Повстанцы зверски избивали пленных, прикалывали их вилами и всячески издевались над ними. Для подавления мятежа были затребованы силы из других городов. Обманутые крестьяне скоро отпали от контрреволюционеров и пошли на свои полевые работы. Вожаки, оставшись одни, пустились в постыдное бегство. Из волости наложена контрибуция в 200 тыс. руб., имущество контрреволюционеров конфискуется и передается в ведение комитетов бедноты. Происходят перевыборы волостных Советов».

...Эти сводки читали Ленин и другие руководители страны.

Почему уже тогда крестьянские бунты не опрокинули власть большевиков? В конце почти каждого из сообщений читаем: на подавление выдвинулся вооруженный отряд. Эти отряды откуда-то всегда берутся. Они рядом. И они тоже из местных. Из кого? Из рабочих, бедняков, крестьян, разорившихся в Столыпинскую реформу. Парадокс: экономику на бедняке не построишь, но в условиях войны его поддержка может оказаться решающей. Крепкий крестьянин далеко от своей деревни не уйдет. Казаку тоже от родного Дона или от родной Кубани удаляться неохота. Иное дело — голытьба, пополнявшая ряды красноармейцев. Она дойдет хоть до Ганга.

В продовольственной политике большевиков того периода не так уж много «марксизма», больше решений военных, часто грубых, жестоких, неумных, но чрезвычайно энергичных, а иногда... единственных. Комитеты бедноты дали центру хоть какую-то вертикаль в деревне. Однако они рассорили большевиков с крестьянами-тружениками. Последние устали от такой власти. Пора ее менять. Деревня начинает ждать освободителей...

Глава двадцать шестая. А КАК НАДО БЫЛО?

Как не надо хозяйствовать — понятно. Не надо создавать комитеты бедноты, продовольственные отряды, грабить крестьян разверсткой, чрезвычайными налогами, сажать людей за мелкую спекуляцию и мешочничество.

А как надо?

Приезжают в деревню добытчики продовольствия из города: «Братцы! Помираем». Крестьяне — им: а есть у вас косы с серпами, мануфактура, соль, спички, керосин? Нет? Разворачивайте оглобли.

Но деваться городу некуда. В следующий раз в деревню приезжает вооруженный отряд. А в другом селе его уже ждут. Первые жертвы подобных отношений между городом и деревней — убитые прод-отрядовцы, в большинстве своем — обычные рабочие, красногвардейцы. Не отомщенными они не остаются. Вскоре уже и тактика отработана. Приезжая в село, надо первым делом бежать к церкви, «обезвреживать» набатный колокол. После того — по сараям искать оружие. И лишь затем — в амбары за хлебом. Ту и другую стороны как не понять. Что-то сломалось на самом верху.

В Гражданскую на территории бывшей Российской империи действовало больше двадцати разных правительств. О каком способе управления можно пожалеть как об упущенной альтернативе?

Возьмем белый Юг России. По состоянию на сентябрь 1919-го: население свыше 40 миллионов человек, выход к Черному морю, уголь, нефть, житницы Дона и Кубани, помощь могущественных держав — победительниц в мировой войне. Положим, красную столицу с налету взять сложно. Но можно закрепиться на занятых землях, показать, как надо хозяйствовать. Через год голодная Москва сама откроет ворота. Почти то же у Колчака: территория больше, чем Советская Россия, железнодорожная магистраль, выход к океану, население, не знавшее крепостного права, богатый край, наконец, золотой запас России. Однако и белый Юг, и Колчакия не состоялись прежде всего как административные образования. Военные поражения стали следствием.

Возьмем для примера что-нибудь поближе и попроще. Вот как происходило в Поволжье.

В июне 1918-го на штыках восставшего чехословацкого

корпуса в Самаре берет власть так называемый Комуч — Комитет членов Учредительного собрания. Около шестидесяти учредиловцев-эсеров собираются в городе на Волге. История Учредительного собрания продолжается.

Комуч старается все сделать по уму. Законодательство — на загляденье. Земля с ее недрами, лесами и водами поступает в народное достояние. Помещичье землевладение ликвидировано (на бумаге). В этой части не хуже, чем в большевистской Москве. Но плюс к тому самое важное: отменены твердые цены на хлеб, крестьяне вправе реализовывать свой товар на рынке. Восстановлены все имущественные права церкви, активные боготорцы привлечены к ответственности. Эсеры, несомненно, рассчитывали на благодарность населения. Они показали насильникам, засевшим в Кремле, как надо руководить!

Жизнь оказалась намного хуже такого законодательства.

Сразу начинается почти война между мужиками и бывшими помещиками, которых поддерживают военные. Основу армии у Комуча (она называется Народной) составляют офицеры. Землевладельцы с вооруженными отрядами тут же устремляются в свои бывшие вотчины. Наиболее отличившихся в «черном переделе» крестьян порют, а то и убивают. Взыскивают штрафы за понесенные убытки. Самарское правительство пытается протестовать, но на него плюют. Выясняется также, что часть помещичьих земель была заблаговременно продана иностранным компаниям! Объявляются собственники. Французский банк заявляет свои права на огромное имение графа Орлова-Денисова площадью 68 тысяч десятин. Прислан карательный отряд возвращать имущество владельцу.

Свободные цены на хлеб? Чего лучше! Мужики несут свой товар на базар, где ломают за него впятеро, вдесятеро. Мука подскочила до 60 руб. за пуд, ужасается местная пресса. И это притом что закрома в тот год ломаются от запасов хлеба. Сахар в июле продавался по 1 рублю 40 копеек за фунт, в сентябре у спекулянтов его покупают за 30—35 рублей за фунт. На улицах городов появляются толпы попрошайек. По всей губернии закрываются приюты для инвалидов, стариков и нетрудоспособных, детские столовые. Будущего у этого правительства нет.

А как хорошо встречали...

«Урал. В прифронтовой полосе население страшно запугано грабительскими наклонностями некоторых красноармейских частей. В то же время население относится весьма сочувственно, даже восторженно к чехословакам».

...Терпение, дайте им поуправлять. Через три недели (дело в

июле было):

«Урал. В Бирске население отказывается исполнять приказания чехов о реквизиции лошадей, рытье окопов и вступают в отряды Советской власти.

Белогвардейцами мобилизуются только представители командного состава старой армии. Крестьяне и рабочие в народную армию не идут.

Самара. Объявились партизанские отряды рабочих и крестьян, которые делают налеты на проезжающих белогвардейцев и чехов и убивают их».

...В августе Комуч выбрасывает белый флаг: курс на свободную продажу хлеба признан гибельным. И что появляется? Правильно — продотряды, только иначе называемые, которые выколачивают из крестьян хлеб и другое продовольствие. Лидер эсеров Чернов готовил свой торжественный приезд в Самару в сентябре. Только однопартийны здесь его уже не ждут. Человек не вышел из образа «председателя Учредительного собрания», сейчас начнется партийная трескотня. И точно, обратился к населению с такой проповедью:

— Встаньте сами на защиту своей свободы, своей чести, достоинства. Скажите «больше я не полезу ни под чье ярмо. Если будет выбор — ярмо или смерть, я выберу смерть, а не ярмо, потому что я не раб». Создавайте свою Народную армию, которая и по составу и по духу должна быть мужицкой.

О чем это он? Добровольно в Народную армию вступили шесть тысяч человек, в основном офицеры и студенты. Еще 23 тысячи мобилизованы насильно. Военные подвергают порке уклоняющихся от призыва вместе с их родителями. Пушки заговорили! Большевики еще до такого недодумались. В сводках Самарского правительства за август сообщается о селах, сметенных артиллерией с лица земли, и массовых экзекуциях. На губернском крестьянском съезде в сентябре один из делегатов рассказал о том, как проходила мобилизация в Ключевской волости. Отряд казаков окружил село, арестовал 18 человек (вот и заложники). Часть новобранцев скрылась. Казаки выпороли их отцов и матерей. Затем на площади подвергли экзекуции заложников, а двоих из них расстреляли.

Продержался Комуч до своего полного разложения четыре месяца.

«Куда бедному крестьянину податься?» — бессмертная фраза из советского фильма.

Где корни этого террора? Уместно вспомнить и Столыпинскую аграрную реформу. Около половины крестьян Самарской губернии, переселившихся перед войной за Урал,

разорившись, вернулись обратно к пустым очагам. Они пополнили социальную базу большевиков. Через год после описываемых событий Самарская губерния даст Красной армии (по мобилизации, верно, но все-таки) 140 тысяч бойцов.

Хозяйствовать в стране пытаются по-разному, но всюду съезжают на одни рельсы.

В декабре 1919-го в белом Ростове спекулянтов наравне с дезертирами и грабителями вешали на улицах...

Как же надо было?

Глава двадцать седьмая. «В НЕМ БЫЛО ЧУВСТВО ЧЕЛОВЕЧЬЕ»

Для спасения представителей царского дома Романовых их зарубежные родственники не сделали почти ничего. Остереглись общественного мнения в своих странах? Непонятно.

Как ни относиться к революционерам склада Дзержинского, но невозможно представить, чтобы они бросили «братьев» в беде.

Однако несколько Романовых, оказавшихся после Февраля в Крыму, уцелели. Заграница тут ни при чем. Спас их... большевик. История поистине удивительная.

...Февральская революция застала Александра Михайловича (внука Николая I, женатого на сестре Николая II — Ксении) в Киеве. Вскоре под конвоем матросов семью великого князя отправляют в Крым, в их усадьбу Ай-Тодор. Александр Михайлович описывает свой быт того времени:

«Охраняющие нас вооруженные моряки имели право входить в наши комнаты в любое время дня и ночи. Без разрешения комиссара мы не могли ни получать, ни отправлять письма и телеграммы. Комиссар присутствовал при всех наших трапезах; рядом с ним находился его переводчик — на тот случай, если мы перейдем в разговоре на иностранные языки. Всех, кто хотел нас видеть, обыскивали и при входе, и на выходе».

В доме отчего-то толкуются до полусотни вооруженных матросов. Они могут Романовых среди ночи разбудить, куда-то потащить, осыпая оскорблениями. На лужайке под их окнами постоянно стоит грузовик с солдатами. Дело близится к развязке, чувствует великий князь. Романовы во власти Севастопольского совета. А тот состоит из вольных людей непонятной политической ориентации — причислим их тоже к анархо-коммунистам. Свои права на кровопийц Романовых предъявляет также Ялтинский совет, ничем не лучше.

Тем временем до Крыма доходят известия об октябрьском перевороте. Пленники ждут появления комиссара от большевиков. И тот пожаловал со словами: «Я получил приказ Советского правительства взять в свои руки управление всем этим районом».

Новый комиссар — матрос двухметрового роста, увешанный оружием. Гигант по фамилии Задорожный сообщает Александру Михайловичу последние революционные новости:

— Севастопольский совет велел мне защищать вас до получения особого приказа от товарища Ленина. А ялтинские

товарищи настаивают на вашем немедленном расстреле. Они попробуют захватить вас силой.

Всем Романовым, проживающим в Крыму, предложили собраться в одном из их поместий — Дюльбере, окруженном стенами, где легче обороняться от ялтинцев. Мера предосторожности оказалась своевременной. Каждую вторую неделю Александр Михайлович наблюдает такую картину. У стен Дюльбера останавливаются подводы, нагруженные солдатами и пулеметами. Прибывшие вызывают главного охранника. Пленники слышат:

— Задорожный! Ялтинский совет предъявляет свои права на Романовых, которых ваш совет держит за собою незаконно.

— К черту Ялтинский совет! Убирайтесь, а не то дам отведать севастопольского свинцу!

— Сколько вам заплатили эти аристократишки, товарищ Задорожный?

— Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

Задорожный объясняет Александру Михайловичу, что власть в Ялте захватили налетчики, называющие себя коммунистами.

И вдруг в Дюльбер приезжает немецкий генерал. Романовы, не имевшие связи с внешним миром, узнают, что немцы после заключения мира в Брест-Литовске заняли Ялту. Кайзер распорядился взять своих дальних родственников под защиту. Романовы, посоветовавшись, просят оставить их под охраной... революционных матросов! Немецкий генерал думает, что он ослышался. Нет, именно так. Александр Михайлович дает расписку, что это их собственное решение. Посланец кайзера удаляется, бормоча что-то о «фантастических русских».

Вскоре Крым занимают союзники. Романовых вывозят из России англичане в марте 1919-го. Среди спасшихся, помимо Александра Михайловича и его супруги, — императрица-мать Мария Федоровна, дядя последнего царя Николай Николаевич (станет в эмиграции главой дома Романовых), князь Феликс Юсупов (убийца Распутина)... Получилось, что их уберег от расправы большевик Задорожный. Он так и не получил из Москвы приказа расстрелять пленников.

Встречались в Гражданскую войну островки человечности. Осенью 1917-го в Севастополе матросы сводили счеты с офицерами — больше ста жертв. А в Феодосии спокойно. Городской Совет возглавил большевик Кристи (в 1930-е — директор Третьяковской галереи в Москве). Отряды самообороны Феодосии в город севастопольцев не пустили, сказав: со своими буржуями мы сами разберемся.

О дальнейшей судьбе Задорожного едва ли можно что-то

узнать. Скорее всего, погиб в Гражданскую. О таких, как он, Максимилиан Волошин написал стихотворение «Большевик». Оно посвящено памяти Михаила Барсова, первого советского коменданта Феодосии, расстрелянного белыми в марте 1919-го.

Зверем зверь.
С кручёнкой во рту.
За поясом два пистолета.
Был председателем Совета,
А раньше — грузчиком в порту.
Когда матросы предлагали
Устроить к завтрашнему дню
Буржуев общую резню
И в город пушки направляли, —
Всем обращавшимся к нему
Он объявлял спокойно волю:
«Буржуй здесь мой, и никому
Чужим их резать не позволю».
Гроза прошла на этот раз:
В нем было чувство человечье —
Как стадо он буржуев пас:
Хранил, но стриг руно овечье.
Когда же вражеская рать
Сдавила юг в германских кольцах,
Он убежал. Потом опять
Вернулся в Крым при добровольцах.
Был арестован. Целый год
Сидел в тюрьме без обвиненья
И наскоро «внесен в расход»
За два часа до отступления.

Глава двадцать восьмая. ПРОИЗВОЛ БЕЗ ВЛАСТИ

Ситуация в деревне понятна.

В Москве в апреле—мае 1918-го от «центров» и «союзов» по спасению России рябит в глазах. Савинков сколачивает военно-террористическую организацию. Составляют заговоры офицеры, которые особенно остро воспринимают позор Брестского мира. Эсеры продолжают ставить на битую карту Учредительного собрания. Кадеты давно, еще со времен Корниловского мятежа, поддерживают идею белой военной диктатуры; они налаживают связи с добровольческим движением. Все пытаются урвать денег у иностранцев, при этом обвиняют большевиков в том, что они продались кайзеру. Вся эта россыпь антибольшевистских сил действует почти свободно, не опасаясь слабой еще ВЧК.

Огромная масса левых революционеров мечтает любой ценой сорвать Брестский мир. Их не останавливает, что немцы в таком случае гарантированно возьмут Петроград, а вполне возможно и Москву. Зато — мировой пожар! Для них большевики — предатели идеи мировой революции, «лакействующие перед Мирбахом», немецким послом.

К исходу весны оформляются две основные заговорщицкие организации: Союз возрождения и Национальный центр (название утвердится чуть позже, поначалу — Правый центр). Первый работает на «контрреволюцию», наступающую с востока, второй — с юга. Наиболее сильную в военном отношении организацию создает Савинков. Его «Союз защиты Родины и свободы», имеющий ячейки также в Ярославле, Казани, Муроме, насчитывает не менее трех тысяч человек, в основном офицеров. Силы же сторонников правительства Ленина в Москве террорист оценивает в 600 человек. Опытный организатор и конспиратор, политик без «интеллигентских предрассудков» (что особенно нравится части интеллигенции), он мог бы стать объединяющей фигурой для всех заговорщиков. Однако авантюриста Савинкова на дух не воспринимают белые генералы и большинство партийных лидеров. Некому возглавить «контрреволюцию». А какой момент!

Деятель Союза возрождения Мельгунов оценивает положение дел в республике весной 1918-го: произвола много, власти в центре почти нет. И далее, не без сгущения красок:

— Красная гвардия совершенно разложилась. Банды солдат и матросов в значительной степени расплылись. Реально

защищать Совнарком могут латыши, наемные китайцы да интернациональные группы из военнопленных. Сами большевики в узком кругу признают, что держатся на волоске.

На руку правительству Ленина полный разброд антибольшевистских сил. «Союзы» и «центры» не способны договориться. Одни остаются под влиянием социалистов, другие, излечившись от иллюзий Февраля, уповают на военную диктатуру. Одни клонятся к немцам, другие к англичанам и французам. И западные дипломаты (а как выступать, с ними не согласовав?) еще не определились, на какую силу поставить. Для немцев большевики предпочтительнее, поскольку не хотят воевать, не мешают грабить Украину. Политику англичан и француз в России определяет нужда открыть в Поволжье фронт против немцев. Какой «союз» или «центр» сможет это обеспечить? Пока не видно. Или попробовать все-таки договориться с Лениным? Военные миссии союзников в Москве финансируют всех понемногу, а кое-кого и помногу: Союз возрождения, Национальный центр, эсеров, Савинкова, представителей Доброармии. Суммы вспомоществований порой исчисляются миллионами рублей — еще деньги тогда.

Работа подпольщиков не сказать, чтобы слишком опасная. Вновь слово Мельгунову:

— Для столицы не наступила еще пора террора, который развивался на местах. Сыск был очень плохо поставлен. Наша военная комиссия собиралась почти открыто. Приходили люди, подчас мало знакомые, и ни одного провала. Выехать из Москвы с фальшивым паспортом не представляло никакого затруднения. И особенно легко — на юг через территорию немцев, пользуясь украинскими паспортами, которые доставать было нетрудно. Сама

ЧК имела примитивный характер. Хорошо помню, при аресте Сыроечковского сношения с волей были чрезвычайно просты. Мы могли открыто объявить об этом аресте на митинге в университете.

Еще в апреле на улицах Москвы можно было увидеть спокойно прогуливающегося Савинкова в черном френче и желтых сапогах. «Не боитесь, Борис Викторович?» — «Что вы, любой большевистский чекист, увидев меня, постарается скрыться», — отвечал. Отважен до сумасбродства.

* * *

Дзержинский в эти предгрозовые дни занят обычной работой.

Он все еще в большей степени революционный романтик, нежели «карающий меч революции». Феликс Эдмундович озабочен возможным превышением полномочий со стороны чекистов — составляет проект инструкции о производстве обысков и арестов:

«...Пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать его в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое ложится на эту власть...

1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность. 2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое вежливое, никакие нравоучения и окрики недопустимы. 3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда. 4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы.

Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из Комиссии и высылке из Москвы».

Автор этих инструкций, несомненно, мысленно еще с теми, кого обыскивают и арестовывают.

К сотрудникам, бросающим тень на ВЧК, Феликс Эдмундович беспощаден. Заведующему отделом по борьбе со спекуляцией он поручает:

«Пузыревский третьего дня и вчера напился до того, что проделал ряд безобразий, компрометирующих нашу комиссию. Стрелял в гостинице, а затем болтал всевозможные глупости, свидетельствующие о том, что этот человек с нами ничего общего не имеет. Кроме того, вчера напился при исполнении обязанностей, захватил автомобиль председателя больничных касс, сказав ему, что он член нашей комиссии, и т. д. Прошу его немедленно уволить, отобрав у него все удостоверения, и уведомить меня».

...27 мая Дзержинский отправляет в Цюрих письмо жене — первое после Октябрьской революции.

Из предыдущих его посланий, отправленных еще в прошлом году, Софья Сигизмундовна не могла понять, хочет он или нет, чтобы они с сыном приехали в Россию. В августе 1917-го пришла от него открытка: «В настоящее время условия настолько трудные, что, может быть, и хорошо, что вы не приехали. Нужно ждать конца войны». Почти следом — другая: «И снова не знаю, советовать ли тебе приехать с Ясиком... Мы переживаем тяжелые

времена, но у меня столько веры в будущее, что я не пессимист. Только сам я потерял много сил, постарел, и это меня мучает. Молодость прошла». В то время Дзержинский как член ЦИКа получал зарплату, он нашел возможность переслать семье 300 рублей. А перед самой революцией Феликс Эдмундович отправил в Цюрих письмо, в котором сообщил, что взялся за работу, превышающую его силы...

Через полгода Софья Сигизмундовна узнает, ее муж в Москве, на передовой, польские дела отошли для него на второй план:

«Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и о себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие...

Кольцо врагов сжимает нас все сильнее и сильнее, приближаясь к сердцу... Каждый день заставляет нас прибегать ко все более решительным мерам. Сейчас предстал перед нами величайший наш враг — настоящий голод. Для того чтобы получить хлеб, надо его отнять у тех, у кого он имеется, и передать тем, у которых его нет. Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля — бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным...

Физически я устал, но держусь нервами, и чуждо мне уныние. Почти совсем не выхожу из моего кабинета — здесь работаю, тут же в углу, за ширмой, стоит моя кровать. В Москве я нахожусь уже несколько месяцев. Адрес мой: Б. Лубянка, 11».

Глава двадцать девятая. ВОССТАНИЕ АВАНТЮРИСТОВ

6 июля левые социалисты-революционеры Яков Блюмкин и Николай Андреев убили германского посланника графа Мирбаха. В Москве вспыхнул мятеж левых эсеров.

В те же дни на Верхней Волге подняли восстание заговорщики Савинкова. В Муроме и Рыбинске выступления быстро провалились. А в Ярославле полковник Перхуров с силами примерно в тысячу человек удерживал центр города две недели. Стреляла артиллерия, пострадало много памятников старины. Сотни жертв с обеих сторон.

10 июля в Симбирске заявил о неподчинении Совнаркому командующий Восточным фронтом Муравьев. Он провозгласил Поволжскую республику с правительством из эсеров и анархистов, призвал «вместе с братьями чехословаками» вести войну с Германией. На другой день в суматохе Муравьев был застрелен.

Все перечисленные мятежники — отчаянные авантюристы.

Савинков впоследствии уверял, что на преждевременное выступление его толкнули союзники, пообещав в те же дни высадить войска в Архангельске и идти на соединение. Но от Архангельска до Ярославля — 800 километров! После краха на Верхней Волге, пишет военный историк генерал Головин, офицерство еще больше возненавидело эсеров, которые стали символом предательства и провокации.

Михаил Артемьевич Муравьев, подполковник, в свое время первым из царских офицеров встал на сторону революции. Он отражал наступление казаков Краснова и Керенского на Петроград. Командовал армией, воевавшей с украинской Радой, и тогда был в фаворе, поскольку слал в Москву донесения такого рода (середина февраля 1918-го):

«Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в Киеве восстановлен <...>. Как население, так и учреждения, все охотно идут к нам навстречу, о саботаже нет и речи. Это еще больше облегчает нам революционную работу. Вообще настроены чрезвычайно доброжелательно и, пожалуй, восторженно по отношению к успехам завоевания революции, конечно, тут сыграла роль моя тяжелая артиллерия <...>. Относительно Киева скажу, что мы действуем решительно, но вполне организовано, всячески помогая Советской власти скорее наладить и закрепить государственный аппарат. У Киевской

буржуазии я взял 10 миллионов контрибуции, которая пойдет вся на организацию работ для безработных рабочих и для оказания помощи семьям убитых и раненых рабочих <...>. Из части контрибуции даю вознаграждение войскам; все конфискованные деньги, золото и вещи сдаю в Государственный банк на имя Советов Украины. Всячески поддерживаю престиж новой власти».

Была у Михаила Артемьевича черта — заранее сообщать о своих победах. В феврале в Центр ушла реляция: «Самый сильный оплот контрреволюции — Киев пал под ударами революционных советских войск. Другие гнезда врагов народа — Новочеркасск, Ростов — скоро падут. Российская революция зажгла пожаром все народы мира, всюду труд восстал на капитал, мы в авангарде мировой революции, и наш священный долг — подать руку помощи нашим братьям...» Бывший царский подполковник мог до бесконечности восхвалять мировую революцию. Но только в тот момент к штурму Киева еще не приступали.

Наконец Муравьев за свои художества был снят с поста, а в апреле арестован за злоупотребления. Дзержинский, инициатор ареста, 5 мая в Наркомате юстиции рассказывал, как Михаил Артемьевич поддерживал престиж власти:

«Худший враг наш не мог бы нам столько вреда принести, сколько он принес своими кошмарными расправами, расстрелами, самодурством, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это он проделывал от имени нашей Советской власти, восстанавливая против нас все население. Грабежи и насилия — это была его сознательная военная тактика, которая, давая нам мимолетный успех, несла в результате поражение и позор. И я считал, что если Советская власть не накажет его со всей революционной строгостью, то весь позор и вся ответственность за эту тактику падет на Советскую власть».

Тем не менее Муравьева в июне освободили из-под ареста под поручительство видных военных. Он был назначен командующим Восточным фронтом, состоявшим тогда из полупартизанских частей. В июле фронт разваливался. Муравьев почувствовал себя накануне второго краха. И решил перейти на сторону «братьев чехословаков». Такова, по-видимому, подоплека этого мятежа.

С левыми эсерами — намного сложнее. Их авантюра имела глубокие последствия для хода революции.

...Деятнадцатилетний Яков Блюмкин узнал о том, что ему предстоит убить графа Мирбаха, за два дня до покушения. Он — сотрудник ВЧК по квоте левых эсеров. Правда, на тот момент без должности, поскольку отдел по шпионажу, который он недолго возглавлял, расформировали.

6 июля Блюмкин с Андреевым в 14 часов с минутами заходят в посольство в Денежном переулке, якобы имея поручение от Дзержинского переговорить с Мирбахом. Показывают удостоверение, подписанное руководителями ВЧК (за председателя подписался его заместитель Александрович, он же поставил печать). Немецкие дипломаты настороже, они знают, что против них готовятся провокации. Но Блюмкин настойчив. Наконец Мирбах их принимает. Примерно в 15 часов в здании посольства раздается пальба, затем взрыв, от которого вылетают оконные рамы. Из окна выпрыгивают двое. Второй, с трудом перебравшись через ограду (одна нога сломана, в другой — пуля), доползает до машины, которая с заведенным мотором ждет террористов.

А в Большом театре проходит заседание V съезда Советов. Примерно треть делегатов — левые эсеры.

Через полчаса после происшествия в Денежном переулке Ленин по прямому проводу сообщает об этом Дзержинскому. Председатель ВЧК с сотрудниками устремляется в посольство проводить следствие. Террористы оставили портфели с документами и запасной бомбой. Тут Феликс Эдмундович и узнает, что убийство совершил чекист, предъявив фальшивое удостоверение. Дзержинскому докладывают: Блюмкин скрылся на базе отряда ВЧК в Трехсвятительском переулке. Хуже того, этот отряд численностью 600 человек, которым руководит левый эсер Дмитрий Попов, тоже взбунтовался. Последние сомнения отпали: убийство Мирбаха — часть крупного заговора, причем готовившегося в недрах самой Чрезвычайной комиссии!

В шестом часу Ленин и Свердлов появляются в посольстве, чтобы принести немецкой стороне соболезнования от имени советского правительства. Выслушав сообщение Дзержинского, Ленин предлагает послать в штаб Попова вооруженный отряд. Однако председатель ВЧК полон желания реабилитироваться. Он ведет себя мужественно, но слишком опрометчиво. По-видимому, Феликс Эдмундович просто кипел от ярости. Тяжелейший удар по революции — из его ведомства?!

Из показаний Дзержинского Особой следственной комиссии после подавления мятежа:

«Приехав в отряд, я спросил Попова, где Блюмкин, тот ответил, что уехал больной на извозчике. Я потребовал от Попова честного слова революционера. Тот ответил: “Даю слово, что не знаю, здесь ли он” (шапка Блюмкина лежала на столе). Я стал осматривать помещение с товарищами Тре-паловым и Беленьким. Тогда подходят ко мне Про-шьян и Карелин и заявляют, что граф Мирбах убит по постановлению ЦК их партии. Тогда я заявил им,

что объявляю их арестованными, и что если Попов откажется их выдать мне, я его убью как предателя».

Попову ничего не оставалось, как обезоружить и объявить арестованным самого Дзержинского.

Этот мятеж, как и многие тогда, готовился почти открыто. Решение сорвать Брестский мир левозсеровский ЦК принял еще две недели назад. В Москву из разных городов стягивались боевые отряды партии. Представители левых эсеров во ВЦИКе затребовали с военных складов стрелковое оружие, боеприпасы, артиллерийские орудия, санитарные средства. Съезд партии, состоявшийся 1—3 июля, одобрил курс ЦК на вооруженное выступление! Да уж, «неожиданность»...

Поныне продолжаются споры: а было ли произошедшее вообще мятежом? Левые эсеры, по их уверениям, не собирались отстранять от власти большевиков. Всего-то: убили немецкого посла, разослали на места телеграммы с сообщением, что отныне депеши Ленина и Троцкого считаются «вредными»... Вскоре убьют и немецкого командующего Эйхгорна на Украине... Баловство.

Чего добивались организаторы этого выступления?

Вынудить Германию разорвать договоренности в Бресте. А если не удастся? Так и получилось. Эту возможность левые эсеры не успели обдумать. Надо обращаться к «народу России», а обращаться-то не с чем. Не хочет русский мужик воевать с немцем! Остается обвинять большевиков в том, что они лакействуют перед Мирбахом. Так что мятеж — настоящий, но он — одноходовка. Партия выступила как коллективный авантюрист.

Таким выдалось лето 1918-го.

Описанную выше сцену в отряде Попова, по-видимому, можно понять так. Поначалу левые эсеры действительно не ставили цели арестовывать лидеров большевиков. Поведение взбешенного (и чувствующего свою вину) Дзержинского ускорило развитие кризиса. Заговорщикам пришлось пускаться во все тяжкие. На узлы связи (левый эсер Прошьян — нарком почт и телеграфов) поступает распоряжение: «Всякие депеши за подписью Ленина, Троцкого и Свердлова... задерживать, признавая их вредными для Советской власти вообще и правящей в настоящее время партии левых с-р в частности». В штаб Попова доставляют новых арестованных — председателя Моссовета Смидовича, одного из руководителей ВЧК Лациса, нескольких военных. Здание комиссии на Большой Лубянке берут под охрану верные Попову люди. Александрович передает заговорщикам кассу ВЧК. Но лидеры партии, как уже отмечалось, не знали, что делать дальше.

Совнарком, располагая скромными силами, напротив, действует решительно и хитро. На съезде Советов заседание

отменяется, предложено перейти к работе во фракциях. Большевики потихоньку покидают Большой театр. Оставшиеся там левые эсеры вместе с их лидером Марией Спиридоновой оказываются заложниками, под охраной латышских стрелков. Это для начала.

Основная надежда правительства — на Латышскую стрелковую дивизию численностью 720 штыков, 72 конных разведчика, 40 пулеметчиков при 12 орудиях и четырех броневиках. Командует дивизией Вацетис. Утром 7 июля в условиях густого тумана (ночью шел грозовой дождь) латыши занимают почтамт, телеграф. Противник отвечает ружейным и пулеметным огнем. Тогда заговорила артиллерия (туман позволил подтащить орудия к штабу Попова на 200 шагов). Желающих сражаться до последнего патрона у восставших нет. Они бегут из особняка на Трехсвятительском. Дзержинский кричит им вслед из подвала: «Мерзавцы!»

Из главарей мятежа по горячим следам удалось задержать только Александровича. Вечером того же дня по решению коллегии ВЧК он был расстрелян. Еще 13 рядовых сотрудников комиссии приговорили к высшей мере за участие в убийствах и мародерстве. С организаторами этого странного мятежа обошлись мягко: ревтрибунал 27 ноября 1918 года назначил им незначительные сроки тюремного заключения. Попов бежал к анархистам, в конце Гражданской войны он был пойман и расстрелян.

Еще одна партия в России покончила самоубийством.

А кто такие левые эсеры? — спросим на прощание. Стоит ли сожалеть о их поражении?

Сожаление вызывает сам факт, что правительство лишилось «сдержек и противовесов». Однако по своим взглядам на будущее России сторонники Камкова, Спиридоновой, Карелина, Прошьяна — сущие безумцы. Упаси бог любое государство от такой «альтернативы». Достаточно посмотреть, как левые эсеры представляли себе войну с Германией после разрыва Брестского мира.

Республика будет раздавлена. Это они понимают. Но левые эсеры возлагают надежды не на победу в войне, а на... «восстание». В захваченной и ограбленной стране народ возьмется за вилы. На съезде своей партии накануне мятежа Мария Спиридонова говорила:

— После разрыва мирного договора германские империалисты пришлют карательные экспедиции — это наше спасение. На Украине они создали восстание. Никакими лозунгами, никакими митингами мы не в состоянии поднять

крестьянство, сейчас скашивающее хлеб, на отпор. Когда же карательными экспедициями будет покрыта вся Россия, народ станет сопротивляться.

Ничего себе программа! Отдать страну на разграбление, а мужиков загнать в партизаны. Эта партия считалась «защитницей интересов крестьянства».

* * *

8 июля, на другой день после подавления левозсеровского мятежа, Феликс Эдмундович подает в Совнарком заявление об отставке:

«Ввиду того, что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться больше во Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и пр. в качестве ее председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в комиссии. Я прошу Совет Народных Комиссаров освободить меня от работы в комиссии».

Прошение Феликса Эдмундовича удовлетворено. Он дает многостраничные свидетельские показания по делу о восстании. Но через некоторое время, обретя душевное равновесие, возвращается в свой кабинет. Бумаги подписывает, не указывая должности. Исполняет обязанности председателя комиссии пока Яков Петерс. С 22 августа Дзержинский вновь — глава ВЧК.

Глава тридцатая. НАКАНУНЕ

Некоторые исследователи (прежде всего следует назвать Сергея Кара-Мурзу) рассматривают Гражданскую войну как противостояние Октября с Февралем.

Присутствие деятелей Февраля в белых рядах в самом деле очень заметно. Идеологами здесь кадеты и правые эсеры. Почти весь белый генералитет выдвинут на первые роли Временным правительством. Офицеры по большей части — разночинцы (кадровых поглотила «черная дыра» нашей истории — германская война). Деникин — потомок крепостного крестьянина. Царских чиновников белые лидеры встречают неласково, бывших жандармов — враждебно. В программах антибольшевистских движений есть пункт, гласящий, что будущее устройство России решит Учредительное собрание или иной подобный орган. На Кубани продолжает действовать почти социалистическая Рада, на всех углах порочащая белое воинство.

И все же там, где идет настоящая борьба, где удача клонится то на одну, то на другую сторону, большевикам противостоит не Февраль, а военная диктатура корниловского толка. Да и большевики уже — не совсем Октябрь...

К 1919 году ситуация приняла ясные очертания. На полях Гражданской сражаются две диктатуры: красная и белая (пролетарская и буржуазно-помещичья, подругой терминологии). Февраль — третья мешающая сила. «Они болтаются между нашими окопами и окопами противника, а здесь их задевает и наша, и деникинская пуля... Своими действиями они приносят порой больше зла, чем открытые контрреволюционеры», — писал о меньшевиках чекист Лацис.

Красная диктатура с деятелями Февраля не церемонится. Белой сложнее, ведь она зависит от общественного мнения Запада. Колчак этим мнением пренебрег, разогнав Директорию и позволив расстрелять нескольких учредилковцев. А вот Деникин так и мучился с кубанской Радой почти до самого своего краха.

Итог борьбы за демократию в России предыдущих почти двух десятилетий: на поле сражения остались две диктатуры. Победитель получает все. Единую, умытую кровью страну.

* * *

Условия для красного террора в Петрограде созрели раньше, чем в Москве.

Петроградские большевики подозревают московских в том, что те по какому-то секретному соглашению с немцами намереваются сдать им Северную столицу. Заводы останавливаются один за другим из-за отсутствия сырья, топлива, сбыта. Москва денег почти не дает, при этом забирает на фронты и в свои учреждения лучшие питерские кадры. Партийная организация к лету 1918-го сокращается до 13,5 тысячи человек. Бывшая столица выглядит безлюдной. А Ленин дает питерским пролетариям странные советы: не сидеть сложа руки в ожидании работы, а перебираться в другие города, в деревни, вступать в Красную армию, продотряды. В июле город поразила сильнейшая эпидемия холеры.

Петроградскую ЧК с 7 марта (момента ее создания) возглавляет Моисей Урицкий. Фигура в интерьере данного ведомства — странная, мягко говоря. Невысокий, кривоногий человек, с «утиной» походкой вперевалячку. Коммивояжер, ростовщик, дамский портной — эти занятия больше ему подходят. Почему именно его — сюда? Что за черный юмор? В Москве Урицкого подозревают в том, что он из органа борьбы с контрреволюцией сделал «лавочку». Люди состоятельные в застенках ЧК не засиживаются, а многие бедняки содержатся там неделями без предъявления обвинений. Именно эти «странные факты» с возмущением отмечает Дзержинский на заседании коллегии ВЧК в апреле 1918-го. Во взятках самого Урицкого не подозревают, просто полагают (секрет Полишинеля), что власти приспособили чрезвычайку для пополнения тощего городского бюджета.

Однако кровожадным Моисей Соломонович не был. Не подписывал он пачками смертные приговоры, как утверждает Алданов в очерке «Убийство Урицкого». Первое самостоятельное решение о расстреле группы политических и уголовных преступников коллегия Петроградской ЧК приняла 19 августа. Кто вошел в число приговоренных? Из девяти «уголовных» четверо — бывшие комиссары ЧК. Остальные двенадцать человек обвинялись в ведении контрреволюционной агитации среди красноармейцев, в том числе шестеро — в заговоре, раскрытом в Михайловской артиллерийской академии. К последним принадлежал и Владимир Перельцевейг. Двумя днями позже приговор привели в исполнение.

Урицкий не был сторонником этой меры (при голосовании воздержался), однако его подпись стояла под текстом опубликованного распоряжения.

Смерть Перельцевейга потрясла его друга — поэта, социалиста, бывшего юнкера Михайловского артиллерийского

училища 22-летнего Леонида Канегиссера. Утром 30 августа Канегиссер застрелил Моисея Урицкого, когда тот появился в здании Наркомата внутренних дел по адресу: Дворцовая площадь, 6. Убийца пытался скрыться на велосипеде, но его поймали.

Получив такое известие, Дзержинский по поручению председателя Совнаркома немедленно выезжает в Петроград.

* * *

Вечером того же дня Ленину предстоит выступать на двух рабочих митингах, в Басманном и Замоскворецком районах. Ему выписана путевка на бланке Московского комитета РКП(б). В ней указана тема докладов: «Две власти (диктатура рабочих и диктатура буржуазии)». Вождь большевиков — так заведено — не сам решает, на какие собрания рабочих или красноармейцев ему ехать, он выполняет поручение московской партийной организации. После выступления, подобно другим ораторам, представляет в партийную инстанцию краткий отчет и записки, поданные участниками. Такие мероприятия в 1918-м проводились еженедельно по пятницам. 30 августа — пятница.

И тут, конечно, возникает вопрос...

Как могло случиться то, что случилось вечером того же дня на бывшем заводе Михельсона?!

В Петрограде только что убит председатель ЧК Урицкий. Чекистам известно уже о заговоре Локкарта—Рейли, предусматривающем в том числе устранение Ленина. Обстановка грозная, Москва кишит заговорщиками. В этот момент председатель ВЧК уезжает в Петроград, не позаботившись о безопасности вождя революции? Положим, Ленин по каким-то причинам не хотел ехать на завод с охраной (но не настолько же он легкомыслен). Можно было послать туда оперативников. Одного бы хватило, чтобы вычислить террористку. Из воспоминаний Гиля, шофера председателя Совнаркома:

«Я развернул машину и поставил ее к выезду со двора, шагах в десяти от входа в цех.

Несколько минут спустя ко мне приблизилась женщина в коротком жакете, с портфелем в руке.

Она остановилась подле самой машины, и я смог рассмотреть ее. Молодая, худощавая, с темными возбужденными глазами, она производила впечатление не вполне нормального человека. Лицо ее было бледно, а голос, когда она заговорила, едва заметно дрожал.

— Что, товарищ, Ленин, кажется, приехал? — спросила она.

— Не знаю, кто приехал, — ответил я.

— Как же это? Вы шофер и не знаете, кого везете?

— А я почему знаю? Какой-то оратор — мало ли их ездит, всех не узнаешь, — ответил я спокойно.

Я всегда соблюдал строжайшее правило: никогда никому не говорить, кто приехал, откуда приехал и куда поедет дальше.

Она скривила рот и отошла от меня. Я видел, как она вошла в помещение завода»

На территории завода председателя Совнаркома в 18.30 почему-то никто не встречал. Ленин вышел из машины и в одиночестве направился в цех. У шофера — револьвер за поясом под рубашкой, у главы правительства в кармане — маленький браунинг, из которого он никогда не стрелял. Вот и все меры безопасности.

Примерно в 20 часов в наступающих сумерках Гиль услышал в помещении завода крики «ура!». Во двор стали выходить группы рабочих. В одной из них, отвечая на вопросы, медленно продвигался к автомобилю глава государства. Водитель завел мотор. Еще минуты две-три Ленин стоял у машины, разговаривая с работницами. Они жаловались ему на заградительные отряды, которые не позволяют по железным дорогам провозить продовольствие. Предсовнаркома отвечал, что издан декрет, смягчающий запреты. И тут раздался негромкий хлопок, словно «чихнул» мотор автомобиля. Ленин упал. Гиль обернулся и увидел у переднего левого крыла машины женщину, с которой недавно разговаривал; она выстрелила еще два раза. Толпа бросилась врассыпную с криком «убили!». Вместе с остальными, бросив браунинг на землю, пыталась скрыться и террористка. За ней бежали мальчишки и кричали: «Вот она! Вот она!» На Серпуховской улице преследователи увидели женщину с портфелем и зонтиком, стоящую у дерева. Они отвели ее в военный комиссариат Замоскворецкого района. Там она назвала себя — Фанни Каплан — и призналась, что стреляла в Ленина.

Нет в ВЧК специалистов из царской «охранки», а учиться у кого? Некомпетентность — наверное, самое естественное объяснение тому, что происходило 30 августа. Не только охрана вождя, но и многое другое тогда было плохо организовано. Минут 15 вез Гиль тяжело раненного Ленина в Кремль. Там ни дежурных врачей, ни перевязочных средств. Хорошо, жена Бонч-Бруевича — медик, она оказала первую помощь. А раны были серьезные: одна из пуль раздробила левую плечевую кость, другая вошла со стороны лопатки, пробила легкое, прошла в миллиметрах от сердца. Полная уверенность, что вождь революции выживет, появится только дней через пять. Чудом уцелеет!

Ничего особенно таинственного в этом покушении нет. Версию о том, что кому-то из окружения Ленина якобы была выгодна его гибель, появившуюся много десятилетий спустя, отметем как откровенно «желтую». Неверно, что террористку «быстро расстреляли». Каплан допрашивали многие и подробно: руководители Наркомюста Курский и Козловский, заместитель председателя ВЧК Петерс, наверняка кто-то из руководителей ВЦИКа. На допросах она сообщала примерно следующее:

— Звать — Фаина Ефимовна Каплан, жила до 16 лет под фамилией Ройд. Родилась в Волынской губернии. Отец — еврейский учитель, с 1911 года вся семья проживает в Америке. В 1906-м была арестована в Киеве по делу о взрыве как анархистка. При взрыве получила контузию. Каторгу отбывала в Акатуе вместе со Спиридоновой. В тюрьме стала социалисткой-революционеркой. Готовиться к покушению на Ленина начала в феврале. К какой партии принадлежу в данный момент — не скажу. Сообщников не было, больше об этом не спрашивайте. Откуда деньги, найденные у меня, отвечать не стану...

Типичный эсеровский теракт. Исполнитель сознается в совершении, но отказывается выдавать сообщников. И что еще от нее можно узнать?

Из воспоминаний Павла Малькова:

«Вызвал меня Аванесов и предъявил постановление ВЧК: Каплан — расстрелять, приговор привести в исполнение коменданту Кремля Малькову.

...По моему приказу часовой вывел Каплан из помещения, где она находилась...

Было 4 часа дня 3 сентября 1918 года».

Глава тридцать первая. А ТЕПЕРЬ - КРАСНЫЙ ТЕРРОР

«Что теперь будет?» — спросила Крупская у Свердлова. Войдя в квартиру, где лежал ее раненый муж, Надежда Константиновна по виду присутствующих решила, что раны смертельны. «У нас с Ильичом все сговорено», — ответил председатель ВЦИКа.

Усиление карательной политики назревало. Выстрелы 30 августа дали большевикам возможность представить эти меры ответом на террор врагов рабоче-крестьянской власти.

5 сентября выходит знаменитый декрет СНК о красном терроре. Вот его текст:

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

Документ подписан наркомом юстиции Курским, наркомом по внутренним делам Петровским и управляющим делами СНК Бонч-Бруевичем.

На этот раз роль ВЧК выделена особо (в февральском декрете «Социалистическое отечество в опасности!», когда вводился расстрел на месте для активных контрреволюционеров, исполнитель не указывался).

Уже в первые дни после покушения на Ленина в Петрограде и Кронштадте были расстреляны более 500 человек, в Москве — около 130. В основном это люди из имущих классов, царские чиновники, находившиеся в тот момент в заключении. Самые известные — бывшие министр юстиции Щегловитов и министр внутренних дел Хвостов, арестованные еще Временным правительством. Об остальных редко когда сообщалось. О судьбе одного из казненных рассказал исследователь Николай Коняев, знакомившийся с делом.

...Василия Петровича Мухина Петроградская ЧК арестовала 22 мая 1918 года, обвинив в финансировании черносотенной организации. С того времени жена арестованного посылает Урицкому письмо за письмом, умоляя о снисхождении.

«Мой муж, — пишет Анна Яковлевна Мухина, — хороший семьянин, чуждый какой бы то ни было политики, скромно жил со мною и малолетними детьми... Вся его жизнь — как на ладони и мне прекрасно известна. Он много отдавал времени заботам о своей семье, воспитанию своих детей. Еще он состоял попечителем гимназии в г. Рославле Смоленской губернии, часто ездил туда по служебным обязанностям, принимал глубоко к сердцу интересы учащейся молодежи во вверенной гимназии. Состояние его здоровья таково, что, в связи с преклонным возрастом, делает для жизни опасным долгое заключение, которому он подвергается.

Очень прошу Вас, отпустите моего мужа на мои поруки».

Из Рославля шлют ходатайство учащиеся:

«Принимая во внимание, что мы, ученицы 2-й Рославльской гимназии, своим образованием обязаны Василию Петровичу Мухину, который построил здание гимназии, дал средства на нее, многих из нас содержит на своих стипендиях, мы не можем оставаться равнодушными к судьбе человека, таким щедрым образом благодетельствовавшего бедноту города Рославля».

Благотворителю в тюрьме тяжело. Поверенный Булавин свидетельствует: «Он обратился в полу-труп, его хроническая сердечная болезнь и расширение суставов в заключении обострились и дальнейшее его содержание под стражей, конечно, повлечет за собой смертельный исход. Нравственное состояние его ужасно, он беспрерывно плачет».

Анна Яковлевна ищет новые слова, которые могли бы пронять Урицкого. Положим, то, что Мухин построил при царе гимназию, в зачет не идет. Но Василий Петрович помогал беднякам. Может быть, это обстоятельство смягчит пролетарскую власть?

«Моя просьба заключается в том, чтобы освободить моего старого, больного мужа, Василия Петровича Мухина, которому такое долгое заключение, думаю, будет не перенести. Горячо прошу Вас исполнить мою просьбу, во-первых, потому, что он совершенно невиновен, а во-вторых, хочу его спасти в благодарность за то, что он когда-то меня, дочь бедного труженика-пекаря, а также всю мою многочисленную, до крайности бедную семью спас от голодной смерти и впоследствии женился на мне, поднял на ноги моих сестер и братьев, помогал старым, больным, совершенно бедным родителям, которые ведь и до сих пор только и живут благодаря его помощи.

Еще раз прошу Вас, товарищ Урицкий, исполнить мою горячую искреннюю просьбу — освободите его во имя его тяжелого, болезненного состояния, во имя малолетних детей моих, меня и моих бедных родителей, могущих остаться без крова и куска хлеба, т. к. у меня ничего нет... Умоляю, не оставьте моей просьбы, а дайте возможность дочери бедного труженика отблагодарить своего мужа этим освобождением за все добро, им содеянное мне и моим родным. Во исполнение моей просьбы буду вечно Вам благодарна. Гражданка Анна Мухина».

В деле имеется записка от некоего осведомителя: «Где деньги Мухина находятся, известно француженке и жене». Становится яснее... Не те слова говорит Анна Яковлевна. Но вот деньги, наконец, найдены. В другое время старика, возможно, могли бы и отпустить. Но тут грянул красный террор (в Питере стали расстреливать с опережением декрета). Анна Яковлевна в конце 1918-го получит уведомление:

«После установления следствием преступления Мухина на капиталы его, находящиеся в Народном банке, наложен был арест, сам же Мухин по постановлению ЧК 2 сентября с. г. расстрелян.

На основании вышеизложенного Чрезвычайная Комиссия определяет: капитал В. Мухина, служивший средством борьбы с Советской властью и находящийся в Народном (бывшем Государственном) банке и во 2-м отделении Народного (бывшего Московского купеческого) банка, конфисковать, наложенный на него арест снять и деньги перевести на текущий счет Чрезвычайной Комиссии, и настоящее дело дальнейшим производством считать законченным.

Копию настоящего постановления через домовую администрацию вручить Анне Яковлевне Мухиной, бывшей жене расстрелянного».

За два месяца, пока действовал декрет (он был отменен 6 ноября решением VI съезда Советов), в обеих столицах были расстреляны не менее 800 человек. Петроград по суровости репрессий опережал Москву.

* * *

Феликс Дзержинский и лично вел следствие, выносил приговоры. Известно, что с 10 по 21 сентября он рассмотрел дела в отношении 105 человек. По его решениям расстреляны — 17, освобожден — 41, остальные либо приговорены к различным видам наказания, либо их дела направлены на доследование.

Оценить эту статистику сложно. Некоторое представление о том, как председатель ВЧК вел следствие, читатель получит в дальнейшем.

При этом красные вожди в центре убеждены (или убеждают себя), что они не поощряют насилие, а сдерживают суды Линча на местах. Бонч-Бруевич говорил Мельгунову: «Без нас красный террор был бы ужасен. Пролетариат требует уничтожения всей буржуазии. Я сам должен был после покушения на Ленина быть для успокоения на 20 митингах».

Органы советской власти на местах получили также приказ наркома внутренних дел Петровского — еще 4 сентября, днем раньше декрета о красном терроре:

«Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы, из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел. Местные Губисполкомы должны проявлять в этом направлении особую инициативу».

В Москву пошли заверения: расхлябанность и миндальничанье изжиты...

«Вельский, Смоленская губерния. Чрезвычайной комиссией были арестованы в качестве заложников бывшие купцы, офицеры, полицейские чины, эсеры и меньшевики. Чрезвычайная комиссия встречает на своем пути тормоз и активную борьбу контрреволюционеров и черной сотни, и случай покушения на жизнь бывшего члена чрезвычайной комиссии Михаила Марченко. В ответ на покушение на члена ЧК приговорены к расстрелу 50 человек заложников, из коих 12 человек уже расстреляны.

Череповец. В уезде убит организатор комитетов бедноты. В ответ на это в г. Череповце расстреляны заложники: Кирилловский епископ Варсонофий, игуменья Ферапонтиевского монастыря Серафима, Бурлаков (перечисляются еще семь фамилий)».

...Петерс позднее уверял, что слишком ретивых местных чекистов они одергивали.

Карательную политику на местах в 1918-м определяют куда больше местные Советы, чем приказы из Москвы. По-прежнему самая большая кровь — там, где она не первая... В большинстве сводок ВЧК наблюдаем знакомые картины, только цифры жертв в междоусобных столкновениях растут.

«Моршанск. На кулаков села Ясы наложена контрибуция в сумме 800 тыс. рублей за убийство местного председателя комитета бедноты. Убийца — правый эсер, скрылся, его имущество конфисковано.

Саратов. Белогвардейцы, пользуясь объявленной мобилизацией, подняли восстание, разогнали и расстреливали местные Советы и деревенскую бедноту. Особая следственная комиссия во главе вооруженного отряда отправилась на усмирение кулаков 12 сел. Отряд разоружил деревни, восстановил разогнанные Советы, переизбрал их и наложил контрибуцию исключительно на кулаков в пользу убитых семейств бедняков, на устройство школ и больниц, где таковых не было. Больше всего от восстания пострадали русские деревушки, находящиеся среди немецких колоний. В одной из них, Таповке, кулаки расстреляли 19 бедняков, и около 150 приговорены к расстрелу. Усмирение кулацкого восстания продолжалось восемь дней. Расстреляны 36 человек, среди них три бывших офицера, поп, принимавший деятельное участие в восстании, и два кавалериста за вымогательство денег».

...В Гражданскую брали заложников разные стороны.

В самарской тюрьме при Комуче содержались 16 женщин — родственницы видных большевиков (в том числе наркома продовольствия Цюрупы). Самарцы обменяли их на заключенных в московских тюрьмах.

Издавали приказы о взятии заложников главнокомандующий белыми войсками Северной области генерал Миллер и многие другие белые генералы (не всегда формулируя причины арестов прямо).

Когда в Москве раскрыли заговор английского дипломатического представителя Локкарта, в Лондоне тут же арестовали советскую дипломатическую миссию.

Приказ Петровского от 4 сентября в исторической литературе нередко приводится рядом с распоряжением колчаковского генерала Розанова — управителя Енисейской и части Иркутской губерний:

«Начальникам военных отрядов, действующих в районе восстания:

1. При занятии селений, захваченных ранее разбойниками, требовать выдачи их главарей и вожаков; если такового не произойдет, а достоверные сведения о наличии таковых имеются, — расстреливать каждого десятого.

2. Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, сжигать; взрослое мужское население расстреливать поголовно...

6. Среди населения брать заложников, в случае действия односельчан, направленного против правительственных войск, заложников расстреливать беспощадно...»

Война!

* * *

В августе 1918-го в Петрограде заключили в Петропавловскую крепость пятерых великих князей Романовых. Одному из них, Гавриилу Константиновичу, больному туберкулезом, власти по ходатайству Горького позволили выехать за границу. Остальных продолжали держать в тюрьме с непонятной целью. 29 января 1919-го Романовых расстреляли в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта».

6 февраля в Москве в газете «Всегда вперед!» вышла статья меньшевика Юлия Мартова, названная: «Стыдно». Ее стоит привести почти полностью:

«...Петроградская чрезвычайная комиссия с олимпийским спокойствием объявляет, что ею расстреляно четыре Романовы (так в тексте. — С. К.): Николай и Георгий Михайловичи, Дмитрий Константинович и Павел Александрович.

Ни одного слова о том, какое преступление совершили эти люди, какой заговор они затеяли в тех тюрьмах, в которые они были заключены еще в августе прошлого года в дни ужасов петербургского красного террора!!

С социалистической точки зрения четыре бывших великих князя стоят не больше, чем четыре любых обывателя. Но столько они стоят, и жизнь каждого из них для всякого, не променявшего пролетарский социализм на звериную мораль профессионального палача, столь же неприкосновенна, как жизнь любого торговца или рабочего.

За что их убили? За что, продержав в тюрьме 6 месяцев и успокаивая их каждый день, что никакая опасность не грозит их жизни со стороны представителей пролетарской диктатуры, их в тихую ночь повели на расстрел — без суда, без предъявленных обвинений?

Какая гнусность! Какая ненужно-жестокая гнусность, какое бессовестное компрометирование великой русской революции новым потоком бессмысленно пролитой крови!

Как будто недостаточно было Уральской драмы — убийства членов семьи Николая Романова! Как будто недостаточно, что кровавая баня помогла контрреволюционерам в их агитации в

Западной Европе против революции.

В момент, когда всеми силами надо помогать европейским друзьям русской революции в их кампании против вооруженного вмешательства и против блокады, усердные не по разуму террористы доставляют худшим врагам революции такой благодатный материал, как сообщение о бесцельном и безмотивном убийстве нескольких пленников!

Когда в августе они были взяты заложниками, Социалистическая Академия, которую вряд ли заподозрят в антибольшевизме, протестовала против ареста Николая Михайловича как ученого (историка), чуждого политике. Теперь и этого мирного исследователя истории — одного из немногих интеллигентных Романовых — застрелили, как собаку.

Стыдно! И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не заподозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость — позорный спутник всякого террора!»

* * *

Красный террор осени 1918 года — провал в варварство.

А воспринимается так: последнее средство спасения республики, революции, альтернатива ему — добровольно всунуть шею в петли. Размах террора и его варварская сущность в тот период не скрываются! Ибо его цель — напугать, ужаснуть, показать и своим, и чужим, что мосты сожжены и борьба будет вестись до последнего патрона.

Освободившись из тюрьмы, историк Мельгунов пришел в Кремль благодарить своего заступника Бонч-Бруевича. Управделами Совнаркома сказал ему (дело происходило в октябре): «Вероятно, мы погибнем. Меня расстреляют. Я пишу воспоминания. Оставляю их вам».

У республики нет угля, нефти, выходов к морям. Стоят заводы. В условиях голода хлеб можно взять только в Центральном Черноземье, но и оттуда его — попробуй доставь. В иные дни только 10—20 процентов единиц транспорта доходят до столиц неразграбленными. Москва и Петроград кишат заговорщиками. С конца мая раскручивается масштабная Гражданская война. Очень тяжело на Восточном фронте. Молодая Красная армия пока только отступает. 6 августа белые войска под командованием Каппеля взяли Казань, захватив золотой запас России (40 тысяч пудов золота и платины). Весть о еще одной

катастрофе летит в Кремль. Удивительно, но большевики держатся. В те дни на Восточном фронте решалась судьба республики.

И тут — покушение на Ленина. Возможно, убийство. Началась игра вообще без всяких правил.

То ли — совпадение, то ли политика Центра что-то изменила: именно 5 сентября Красная армия на Восточном фронте переходит в наступление. 10 сентября освобождена Казань, еще через два дня — Симбирск. Вскоре будут взяты Сызрань, Самара. Партия постепенно излечивается от депрессии. И в ее рядах зреет недовольство слишком грубыми сторонами террора. Недовольны и зарубежные социалисты, которых компрометируют слухи об ужасах, поступающие из России. В начале ноября VI съезд Советов отменяет декрет о красном терроре. Но ящик Пандоры открыт. Новые сотни, тысячи представителей власти по всей стране приобрели привычку к насилию.

* * *

Едва был объявлен красный террор, как в Наркомат по иностранным делам РСФСР пришла нота протеста от дипломатов нейтральных стран (подписанная старейшиной дипкорпуса швейцарцем Ожье). В ноте — протест против «режима террора, установленного в Петрограде, Москве и других городах». Подобные насильственные акты, пишут дипломаты, «непонятны со стороны людей, провозглашающих стремление осчастливить человечество».

Документ гуманистический. В иное время стал бы дипломатической бомбой. Только на дворе сентябрь 1918-го, продолжаются ожесточенные сражения мировой войны. Пятый год сама Европа находится в пропасти варварства. Наркому Чичерину, конечно, не составило труда подготовить ответ.

«Нам угрожают негодованием всего цивилизованного мира. Позвольте и нам задать несколько вопросов. Пятый год ведется война, в которую кучки банкиров, генералов и бюрократов бросили народные массы всего мира, чтобы они истребляли друг друга ради прибылей капиталистов. В этой войне не только миллионы убиты на фронте, но бомбами забрасывались города, гибли женщины и дети, а десятки миллионов людей, отрезанные от подвоза хлеба, обрекались на голод и смерть. Так называемые нейтральные державы почему-то не протестуют против такого террора — да и понятно почему, ведь их буржуазия тоже наживается на военных поставках. А разве иностранные

правительства здесь, в России, не поддерживают контрреволюционные банды, которые призывают чужие капиталы и штыки отовсюду, откуда только могут получить?»

Вы убиваете миллионы ради наживы, мы убиваем тысячи ради спасения — суть ответа Чичерина.

Глава тридцать вторая. ДУЭЛЬ

А люди тогда как жили? Основная масса — не из «буржуазии», не причастная к заговорам?

Страх — такого, когда люди боятся выйти на улицу, ждут визита «гостей» в кожанках, обысков, арестов — не было. Это обстоятельство не без удивления отмечал писатель Иванов-Разумник, страдалец, отведавший неволю и при царе, и при большевиках, и при Сталине, а напоследок и при Гитлере, оказавшись в зоне оккупации. В прифронтовом, голодном, «чрезвычайном» Петрограде люди искусства круга Иванова-Разумника все же полагали, что власти им бояться нечего. Через полтора десятка лет в мирном СССР они будут вздрагивать от шума машин под окнами...

Хотя подвергались арестам многие. Когда кого-то задерживали (обычно после очередного теракта или восстания), его родственники устремлялись за помощью к Кропоткину, Вере Фигнер, Горькому, Луначарскому, Короленко, Красину, Кржижановскому, Раковскому, Крупской... Как правило, это срабатывало. В феврале 1919 года в Петроградскую ЧК доставили Александра Блока. На другой день выпустили. Сергея Есенина, проведенного неделю в тюрьме ЧК в октябре 1920-го, освободили под поручительство Якова Блюмкина, к тому времени прощенного и вернувшегося на работу в спецслужбу.

У одного из сокамерников Мельгунова в сентябре 1918-го на воле умер брат. Заключенному разрешили временно побыть дома. В разгар красного террора. Но это случилось в столице.

Философ Федор Степун после высылки из Советской России в 1922 году несколько десятилетий прожил в Германии. Он оставил такое наблюдение: «По крайней мере, год в большевистской Москве можно было говорить и творить вещи, за которые в Германии тебя сразу же посадили бы в концентрационный лагерь. Объясняется это <...> тем, что в насквозь проорганизованном гитлеровском государстве властям все до последней мелочи было видно и слышно. В России же благодаря недохвату пригодных для управления людей долгое время царил такой хаос, в котором наблюдательному человеку было возможно укрыться от глаз Чека».

Баронесса Врангель, мать «черного барона», проживала в Петрограде и работала в музее до начала 1920-го. Увидев на улицах плакаты «Все на борьбу с Врангелем!», она предпочла скрыться за границу. Спасал ее, наверное, хаос.

Сергей Мельгунов, первый историк красного террора, после Октября пережил пять арестов и 25 обысков. Жертва ВЧК? Напротив, счастливчик. Чекисты просто долго не знали, чем он в действительности занимался...

С весны 1918-го Сергей Петрович входит в Союз возрождения. Только на свою военную организацию союз тратит 100 тысяч рублей в месяц — немалые тогда деньги. Мельгунов помогает выбивать средства у военных миссий Франции и Англии. За что союзники готовы платить? За открытие фронта против немцев в Поволжье. Тогда сотни тысяч мужиков опять лягут в могилы, названные окопами. Народный социалист Мельгунов активно этому способствует. В средствах борьбы он, истинный интеллигент, неразборчив. Савинкову Сергей Петрович передает около 300 тысяч рублей — а ведь знает, на что могут пойти эти деньги. В июне при участии иностранной военной миссии готовился взрыв пороховых складов на Лосином Острове. Решили отложить: жертв будет много, а фронт еще далеко... Эти сведения привел сам историк в книге своих дневников и воспоминаний. О чем-то, наверное, и умолчал.

В сентябре Мельгунова арестовывают в первый раз. В ВЧК против него ничего серьезного нет.

Он — народный социалист, как и Канегиссер. Надо проверить. Сергей Петрович, отметим, спокоен за свою судьбу, хотя свирепствует красный террор: к заговору он не причастен и к «буржуйам» не принадлежит. Наконец его приводят на допрос к некоему «важному лицу»...

«Передо мной был человек, одетый в черный редингот, напоминающий собой врача и вообще представителя интеллигентной профессии. Первое впечатление было благоприятное. Оказалось, что это был сам Дзержинский. Допрос свелся скоро к спору, отчасти теоретическому, отчасти на злобу дня. Я негодовал на террор. Тогда Дзержинский, очевидно, еще не вошел в свою роль. Может быть, он чувствовал тяжелую моральную ответственность, которая ложится на него. Но он, возражая мне, волновался, несколько раз вскакивал и бегал по комнате... Власть и мы не чувствовали еще того психологического водораздела, который потом нас разъединил. Дзержинский не забыл еще своего интеллигентского прошлого, а я <...> все-таки видел перед собой человека, вышедшего из одного круга со мной, с теми же психологическими основами, как у меня. Я не видел перед собой жандарма, который воспринял всю психологию полицейского сыска, который пропитался атмосферой, навыками

и идеологией охранных отделений, с которыми мы так недавно еще боролись совместно. Дзержинский был для меня еще недавним каторжанином, шедшим по этапу вместе с моим приятелем беллетристом Чулковым. И мне хотелось показать ошибочность пути, по которому идет Всероссийская Чрезвычайная Комиссия; ошибочность террора, его аморальность. Хотелось убедить фанатика, скоро превратившегося в циника».

С «Дзержинским-циником» автор лично не встречался.

В тюрьме Сергей Петрович с удивлением отмечает, что большинство ее обитателей — вовсе не «буржуи». Это новость. Оказывается, большевики активно сажают «своих» за разные злоупотребления. Мельгунову за месяцы его тюремных злоключений встретятся и штаб красноармейской части из 7—8 человек, и политический комиссар из Рязани, и следователь ЧК, попавшийся на аферах, и «племянник самого Стучки», и матрос, прославившийся зверствами в Елатье... На допросе, который мы описываем, он обратил внимание Дзержинского на судьбу 24 арестованных красноармейцев, о которых власть, по-видимому, забыла. Председатель ВЧК поясняет:

— Вы сами согласитесь с тем, что им полезно немного посидеть в тюрьме, если узнаете, что они во Владимире пытались организовать еврейский погром.

Разволновался Феликс Эдмундович, опять заходил по комнате. Утратил бдительность — историк (он ведь еще и подпольщик) ухитрился вытащить из дела документ, касающийся Союза возрождения. Дуэль окончилась в его пользу. В конце допроса, продолжавшегося три часа, председатель ВЧК сказал Мельгунову, что освобождает его под поручительство члена коллегии Наркомздрава Дауге. И выписал пропуск на выход из комендатуры ВЧК.

«Провожая меня в коридор, Дзержинский спросил: не поинтересуюсь ли я узнать, кто второй из коммунистов поручился за меня (полагалось два поручительства), и сказал: “Я”».

...В 1920 году пятый арест Сергея Петровича окончится тем, что он будет осужден по делу Тактического центра. Затем его амнистируют, а в 1922-м вышлют за границу. Еще через два года в Берлине выйдет книга Мельгунова «Красный террор». В эмиграции Сергей Петрович войдет в число самых непримиримых критиков большевизма. Его радикализм будет неприемлем даже для таких деятелей, как Керенский и Милюков.

В феврале 1919-го был разоблачен очередной заговор левых эсеров. По этому делу в Царском Селе арестовали Иванова-Разумника, который вел постоянные литературные разделы в левозэсеровских изданиях. Разумник Васильевич¹ познакомился и с питерской, и с московской чрезвычайками. В книге «Тюрьмы и ссылки» он описал свои мытарства, а также встречу с Дзержинским.

Камера, рассчитанная на две сотни человек, в тюрьме Петроградской ЧК на Гороховой, 2. Тревожный сон на голых досках. «Обед» — «немного мелко искрошенной свекольной ботвы и черных листьев капусты, две-три ложки какой-то крупы, очень мало кусочков картофеля, очень много горячей воды, запах селедки: на каждую миску полагалось по небольшой селедке...». Затем — пятидневный путь в Москву в сопровождении конвоиров Ванюхи, Пет-рухи и Гаврюхи, которые чуть не уморили писателя голодом. В тюрьме на Лубянке арестанта ожидали камера в подвале, кишашая отвратительными насекомыми, разговор с прохиндеем-следователем (из бывших левых эсеров). Следователь посулил ему серьезные неприятности. Спасла Иванова-Разумника от дальнейших страданий возможность «сделать заявление». Его препроводили в комнату, где находился «комиссар», окруженный группой чекистов. В «комиссаре» литератор узнал самого Дзержинского.

«Заявление мое заключалось в том, что вот уже скоро две недели, как был я арестован в Петербурге по совершенно дикому обвинению, был везен в диких условиях пять суток из Петербурга в Москву, и в диких условиях продолжаю сидеть пять дней в этом подвале, кишашем насекомыми. Думаете ли вы, что это достойное обращение с русским писателем? И могу ли я надеяться, что вы распорядитесь немедленно расследовать это дело?

Дзержинский сдержанно ответил, что ему известно мое дело, что оно уже закончено следствием и что мое пребывание здесь является непонятным для него недоразумением. Он вынул записную книжку, что-то отметил в ней и сообщил, что завтра же я буду вызван к следователю по особо важным делам товарищу Романовскому.

Я удовлетворился этим ответом, мы сделали друг другу полупоклон, — и я вернулся в подвал, откуда уже тянулся хвост «имеющих сделать заявление».

Через день Иванов-Разумник оказался на свободе. Его скитания по тюрьмам возобновятся через 15 лет.

Глава тридцать третья. ПАЛАЧИ И ЖЕРТВЫ

Некоторые из распространенных обвинений в адрес ВЧК придется отвести, по крайней мере, частично.

Вот картины красного террора в исполнении видного военного теоретика генерала Николая Головина:

«Освобожденные от всяких моральных норм, ближайшие исполнители теорий Ленина изощрялись в изыскании способов получить признания своих жертв всевозможными пытками. Палачи же устроили из казни своеобразный спорт опьяненных вином и кокаином людей, кончавших нередко свою карьеру в доме сумасшедших.

У каждого из этих исполнителей были свои излюбленные пытки. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук “перчатки”. В Воронеже сажали пытаемых в бочки, утыканные гвоздями, и катали; выжигали на лбу пятиконечную звезду; священникам же надевали венок из колючей проволоки. В Царицыне и Камышине пилили кости пилой, в Полтаве и Кременчуге сажали на кол. В Полтаве, например, было посажено на кол 18 монахов и затем на колу сожжены. В Екатеринославе распинали и побивали камнями. В Одессе офицеров сжигали в топках кораблей. В Киеве клали в гроб с разлагающимся трупом, хоронили заживо и потом, через полчаса, откапывали...»

Сам Николай Николаевич Головин таких картин не видел, поскольку практического участия в Гражданской не принимал. Не видел их и автор первого исследования о красном терроре Мельгунов. Среди своих источников, помимо газетных публикаций, историк указывает материалы «деникинских следователей» — комиссии Добровольческой армии, созданной для расследования преступлений большевиков.

«Деникинские следователи» — хорошо звучит. Представляются основательные, скрупулезные пор-фирии Петровичи, воспитанные в традициях дореволюционной юстиции. В действительности «деникинские следователи» входили в состав ОСВАГа — Осведомительного агентства Вооруженных сил Юга России. Их задача зачастую сводилась к тому, чтобы подготовить город к вхождению боевых частей. Требовалось показать белым воинам тела расстрелянных и замученных. А чьи это жертвы? Нередко в городе до того хозяйничали и красные, и махновцы, и националисты, и германцы, и сами белые. Времени разобраться просто нет. Не всегда есть и желание — это пропаганда. Об одном таком случае рассказывает писатель Короленко в дневниковой записи от 8 августа 1919 года. Но прежде чем предоставить ему

слово — важное замечание.

Свидетельства Владимира Галактионовича о революции отличаются не только подлинной человечностью, но и высокой точностью. Короленко вполне доверял только тому, что видел собственными глазами или мог проверить иначе. В этом ценность для истории его дневниковых записей. Вот и на сей раз, получив известие, что обнаружены жертвы большевистского террора, он отправился на место происшествия. На беду пропагандистов, Владимир Галактионович сумел убиенных опознать. Читаем:

«Вчера разрыли три могилы. Впечатление ужасное: на земле разложили 16 трупов. Тут участники шайки Черного ворона, совершившие несколько вопиющих убийств, в том числе убийство семьи Столяревского. Убитая женщина — по-видимому, Петраш из той же шайки, участница вооруженных нападений. Козубов — в прошлом известный погромщик, изувер, но уже старый и безвредный к тому времени. Стадник — о нем ничего не знаю. На шеях петли из ремней или проволоки — очевидно, отказывались идти, и их тащили волоком. Молва сделала из этого еще больший ужас: говорили, что куски проволоки были продеты из одного уха в другое, что совершенная нелепость».

Из казненных все, за исключением одного (чья вина не известна), оказались бандитами. Писатель справедливо замечает: судить преступников надо гласным судом, тогда и не будет почвы для слухов. Тут большевикам возразить нечего...

Короленко находит мужество сказать там же, на месте, представителям белых: если вырыть трупы людей, расстрелянных деникинцами, впечатление будет столь же ужасным.

* * *

Июнь 1918-го, из Симферополя в Киев идет поезд. В душном вагоне разговоры почти исключительно о Махно. Пассажиры говорят шепотом, вздыхают, пугливо выглядывают в окна. Только крайняя нужда может заставить людей пуститься в такой путь в такое время. На сей раз как будто обошлось. Сгущаются сумерки, пора устраиваться на ночлег — слышится движение чемоданов, узлов, корзин. И тут за окном раздаются сухие винтовочные выстрелы. Со скрежетом, толчками, поезд начинает тормозить... Махно...

Грубая команда:

— Выходи в поле с вещами, кто не выйдет, расстреляем!

В ночи под моросящим дождем возле вагонов группами стоят люди, положив багаж на землю. Скачут конные, стреляют в

воздух. Вот тебе и приехали в Киев...

Махновцы складывают багаж в подводы. Главный в бараньей шапке произносит короткую речь:

— Расстреливать будем только офицеров, полицейских и, может быть, спекулянтов.

Пассажиры уверяют, что таких среди них нет. «Там видно будет, а пока предъявите документы» — «баранья шапка» спокоен, привык к таким сценам.

Проверяются не столько документы, сколько содержимое карманов. Кошельки, часы, портсигары, серьги и кольца революционные повстанцы (так себя называют последователи батьки) складывают в мешки, которые тоже затем погружают на подводы. Пассажиров ведут лесом, полями, по грязи в «штаб Махно». Грузовой транспорт отправляется в другом направлении.

Только в полдень добираются ограбленные люди до села. Оно напоминает Запорожскую Сечь, только современные «запорожцы» увешаны пулеметными лентами, ручными гранатами, винтовками, револьверами. Прибывших встречают гоготом. Из «штаба» выходит рослый матрос в кавалерийских сапогах со шпорами:

— Что это за сволочь приплелась?

Услышав от пассажиров о их переживаниях, матрос загадочно роняет:

— Бывает и хуже.

Один из подвергшихся таким испытаниям, Герасименко, оставивший описание этого происшествия, назвался артистом. Заставили «прятставить». Грянул: «Из-за острова на стрежень». И другие таланты нашлись: кто спел романс, кто рассказал комические истории. Махновцы довольны — отвели артистов в хату, покормили и даже стали успокаивать. Вечером в селе началась гульба.

Любопытный Герасименко разговорился с хозяином хаты, пожилым крестьянином. Тот полушепотом излил наболевшее:

— Ох, чоловіче! И куды вони стилько пють о цей самогон? И в день, и в ночи покоя нема.

И дальше — о том, что до революционных повстанцев было еще хуже:

— Все ж таки вони за нас стоять. Тут що робы-лось, пока вони не пришли. И пану дай, и нимцу дай, а там пристава, старосты, и де их тилько набралось? А сколько перевишалы да перепоролы — перед каждым знымай штаны. Писля ни систы, ни лягты. Теперь мы хоть трохи отдохнули. А цей Махно помышкыв, да панив, да мылыции и австрийцев набив стилько, що за четыры дни насылу зако-палы.

Ночью на подступах к селу разгорелся бой. Разом смолкла музыка, махновцы забежали по дворам, стали запрягать лошадей. Вскоре крики стихли, все явственнее стали слышны взрывы артиллерийских снарядов. Утром в селе появились разьезды немецкой кавалерии. Пленников немцы отправили на железнодорожную станцию. Без денег, багажа, но они все-таки добрались до Киева.

В ту ночь, как узнал рассказчик, Махно в соседнем селе играл в карты с пленными австрийскими офицерами, а утром велел их расстрелять.

Тому ли учил махновцев духовный вождь анархизма добрейший князь Кропоткин?!

Батьки, атаманы — самая кровавая сила Гражданской войны. Это хорошо известно. В следующей сводке ЧК речь идет о действиях банды Булак-Балаховича в конце 1920-го — начале 1921 года:

«Гомель. В местечке Плотицы нескольких евреев сварили живьем и заставляли других есть “коммунистический суп”. В Мозыре изнасиловали 1500 женщин. Балаховцы устроили погромы в населенных пунктах: Мозырь (32 убитых), Хойники (42), Юровичи (18) и в целом ряде других деревень».

* * *

Обнаружим в истории красного террора и перепиленные кости, и распятия на крестах, и сожжения заживо, — если в «красные палачи» записывать всех, кто орудовал тогда на необъятных просторах страны. В список большевистских истязателей заносят, например, Марусю Никифорову, соратницу Махно. Нередко можно прочесть: имярек был настолько кровав, что позже был расстрелян самими большевиками. Но так весьма часто и происходило. У самого Мельгунова читаем: в красных тюрьмах сидело немало чекистов. Сидели они не только за взятки, предательство, но и за издевательства над заключенными.

В сентябре 1918-го напомнил о себе город Но-линск Вятской губернии, где отбывал ссылку молодой Феликс Дзержинский. В журнале «Еженедельник ВЧК» появилось письмо под названием «Почему вы миндальничаете?». Подписано четырьмя авторами — руководителями партийного комитета и исполкома Нолинска. Их возмутила фраза из сообщения, опубликованного в «Известиях»: разоблаченный английский шпион Локкарт, работавший под дипломатическим прикрытием, покинул ВЧК «в большом смущении». Нолинцы негодуют:

— Скажите, почему вы не подвергли его, этого самого Локкарта, самым утонченным пыткам, чтобы получить сведения и адреса, которых такой гусь должен иметь очень много? Почему вы вместо этого позволили ему «покинуть» ВЧК в большом смущении? Пойман опасный прохвост. Извлечь из него все, что можно, и отправить на тот свет.

Постановлением ЦК партии от 25 октября решено нолинских большевиков за их статью, восхваляющую пытки, осудить, а издание — закрыть.

Феликс Эдмундович Дзержинский пыток не терпел. Среди его распоряжений немало таких, когда сотрудника ЧК за избиение подозреваемого увольняют, отправляют в тюрьму, а при отягчающих обстоятельствах даже расстреливают. Иванов-Разумник специально отмечал, что факты пыток в столичных чрезвычайках ему не известны. Ходили только слухи о пробковых камерах, в которых «выпаривали» деньги из «буржуев». Но это — слухи. На «необъятных просторах», конечно, бывало всякое.

Глава тридцать четвертая. ОТПУСК ОТ ТЕРРОРА

Кабинет Дзержинского в здании ВЧК на Большой Лубянке — его дом. Здесь он фактически жил до приезда в Москву жены с сыном.

На письменном столе, покрытом красном сукном, — два телефона, чернильный прибор, стопки книг, бумаг, фотография сына в рамке. За спиной хозяина кабинета — портреты Ленина и Розы Люксембург. Из-за ширмы в углу комнаты видны узкая металлическая кровать и умывальник на стене. Из мебели еще — этажерка с книгами и журналами, столик у окна, стулья и кресла.

Феликс Эдмундович высок (хотя по полицейским протоколам его рост не превышал 178 сантиметров), строен, сутуловат. По сравнению с началом 1917 года он заметно поздоровел, почти не кашляет. Дзержинский носит гимнастерку, подпоясанную широким ремнем, армейские брюки, сапоги, вычищенные до блеска. Он очень аккуратен (бывшие эки иными не бывают). На улице его видят в солдатской шинели и фуражке с красной звездой. Враги иногда пишут, что он ходит в «грязных сапогах», «засаленной гимнастерке» — на то и враги.

В своем кабинете Феликс Эдмундович почти никогда не повышает голоса, обращается ко всем на «вы», кажется человеком с железной выдержкой. Некоторым становится не по себе от его «немигающего взгляда». Скульптор Клер Шеридан, англичанка, ваявшая бюст председателя ВЧК, отмечала в нем редкую способность долго не менять положение тела. «Выдержке меня научила тюрьма», — пояснил Дзержинский. Однако когда Феликс Эдмундович оказывается на публике, спорит с товарищами по партии, отчитывается на заседаниях Совнаркома или ВЦИКа, его захлестывают эмоции, он волнуется, начинает говорить сбивчиво, с заметным акцентом. У него репутация человека, который слишком «лично» воспринимает критику. Нападки на ведомство Дзержинский переносит болезненно. В таких случаях он может забыть о принципиальности и броситься защищать «честь мундира», выгораживая даже сильно провинившихся сотрудников. Так было, например, в «деле Косарева», о котором речь впереди.

Возвращаемся в его кабинет. Председатель ВЧК ложится спать в 3—4 часа ночи. Перед тем он может спуститься в дежурную часть и дать указание. В 9 утра он уже за рабочим столом. В московских гостиницах мест нет, там спят даже в

коридорах. Поэтому своим близким знакомым, приезжающим в столицу, Феликс Эдмундович нередко предлагает свои «апартаменты» за ширмой. Сам он в таких случаях уходит ночевать к сестре Ядвиге Эдмундовне, проживающей в доме на Петровке; в ее квартире председатель ВЧК, кстати, и прописан под фамилией «Доманский». В номере гостиницы «Националь», забронированном за Дзержинским, тоже постоянно живет кто-то из приезжих.

Отправляя чекистов на задания или принимая сотрудников на работу, председатель ВЧК дает им напутствия. Какие? Знаменитая фраза про «чистые руки, горячее сердце и холодную голову» в его текстах и речах вообще не отыскивается! В первых воспоминаниях о нем этой формулы нет. Следователей он всегда предостерегает от рукоприкладства. Учит, что надо всячески подчеркивать, что чекист — исполнитель воли партии. Часто задание значительно превышает компетенцию сотрудника ВЧК (кадров ведь не хватает). Один из его молодых подчиненных, увидев на мандате, какие полномочия ему предоставляются, испугался: «А если я их превышу, ошибусь?» Услышал ответ: «Если вы ошибетесь в пользу государства, то будет хорошо. Но если превысите права в личных целях, то вы сами знаете, что будет».

В окружении Дзержинского много людей мужественных, готовых работать в тылу врага. Он им особенно благоволит. Так, неоднократно переходил линию фронта член коллегии ВЧК Павлуновский, впоследствии возглавлявший органы ЧК в Сибири и на Дальнем Востоке. Любимец московских чекистов француз Делафар весной 1919-го отправился нелегально в Одессу, вести агитацию среди своих соотечественников. Был выслежен французской контрразведкой и расстрелян. Умер, отказавшись от повязки на глаза, со словами «Да здравствует мировая революция!». Отступая под натиском деникинских войск, красные оставили в их тылу несколько сотен нелегалов, в основном под видом заключенных в тюрьмах. Чекист Муравьев сумел внедриться в окружение Антонова, организатора Тамбовского восстания. С его помощью удалось выманить нескольких руководителей повстанцев в Москву, Тулу, Воронеж и там арестовать. Эти сотрудники ВЧК для Дзержинского «братья». На случай их провала, сулящего неизбежную мучительную смерть, конечно, надо позаботиться, на кого их можно поменять. Да, наметить заложников.

Феликс Эдмундович старается держаться настороже, но часто он бывает слишком доверчив и неосторожен. Мельгунов, к примеру, на допросе у Петерса не стащил бы документ из дела

(да и разговор у них не длился бы три часа). В 1918 году в Петроградской ЧК на высокой должности под фамилией Орлинский работал бывший царский контрразведчик Орлов. Дзержинский его узнал (бывал у него на допросах), но почему-то поверил, что тот искренне сотрудничает с большевиками. Осенью «Орлинский» был разоблачен как белый агент, хотя сумел уйти. А мятеж левых эсеров 6 июля? Он готовился чуть ли не в кабинете у председателя ВЧК (Александрович имел свободный доступ к печати и кассе)!

* * *

С момента объявления Совнаркомом красного террора к главе Всероссийской чрезвычайной комиссии приходит международная известность. Особого свойства, да. Его начинают называть «красным палачом». Как относится к этому Феликс Эдмундович? В принципе спокойно, ведь это — «буржуазная пресса». А для дела революции только польза, что перед ее карающим мечом трепещут. Он пишет сестре Альдоне: «Для многих нет имени, страшнее моего» — пожалуй, не без гордости. Вместе с тем председателю ВЧК нравится демонстрировать, что в жизни он не так страшен. После допроса — вручить подозреваемому пропуск на свободный выход; посмотрев в изумленные глаза, сказать: «А чему вы удивляетесь? Вы думали, что чекисты звери? Нет, мы невиновных не сажаем! До свидания». Кажется, преподносить неожиданности такого рода Феликсу Эдмундовичу доставляет удовольствие. Он ведь не жесток.

Но что думают о нем за границей жена, подрастающий сын? Дзержинский пишет Софье Сигизмундовне в Швейцарию: «Обо мне ты можешь иметь искаженные сведения из печати, и, может быть, уже не стремишься так ко мне». В первых числах октября — в разгар красного террора — председатель ВЧК выезжает на встречу с семьей. Поездку эту Феликс Эдмундович предпринял по настойчивому совету Якова Свердлова, рассказывала вдова председателя ВЦИКа Клавдия Новгородцева. Выздоровливающий Ленин поддержал. По-видимому, так и было. Вряд ли сам Дзержинский стал бы проситься в отпуск в столь тревожное для революции время. Но в октябре Красная армия наступает, заговоры как будто раскрыты. А без семьи, живя в кабинете с умывальником, их товарищ долго не протянет, могли рассудить Ленин и Свердлов. Так или иначе, Феликс Эдмундович сбрил бородку, усы и шевелюру, приделался по-заграничному и с документами на имя Феликса Доманского сел на поезд.

С ним отправили Варлаама Аванесова, секретаря президиума ВЦИКа — возможно, на случай дипломатических затруднений.

Софья Сигизмундовна в тот момент работала в Берне секретарем советской дипломатической миссии, открывшейся в сентябре. Жила она с сыном в маленьком пансионе. Дзержинский о своем приезде ее не оповещал, и можно представить, с каким удивлением после почти восьмилетней разлуки она смотрела на этого бритого, стриженного наголо мужчину, худого, казавшегося ей пожилым. Маленький Ян знал отца только по фотоснимкам — пришлось знакомиться заново. Заботливый родитель привез ему конструктор, купленный в Берлине.

Из сумрачного Берна семья уехала в живописный Лугано. Кофе на балконе гостиницы, озеро в окружении гор...

— Однажды, совершая прогулку по Лугано, — рассказывал Ян Феликсович Дзержинский, — отец встретился чуть ли не лицом к лицу с иностранным агентом Локкартом, которого он в Москве не так давно допрашивал. К счастью, агент этот отца не признал.

Зная характер Феликса Дзержинского, мы можем смело предположить, что желания задержаться в этом раю он не испытывал. Стыдно предаваться мещанским радостям, когда товарищи изнемогают в борьбе. Скоро семья воссоединится в Москве. Через неделю Феликс Эдмундович отправился в обратный путь через Берлин.

Имел ли Дзержинский какое-нибудь партийное задание, нелегально направляясь за рубеж? Не исключено. В Берлине ведут борьбу старые и наиболее преданные в среде социал-демократии союзники большевиков — Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Есть что обсудить. Несомненно, бывший польско-литовский социал-демократ очень хотел бы встретиться с Розой. Но она в тюрьме. В немецкой столице Феликс Эдмундович, ожидая возможности выехать в Россию, провел время не без пользы, о чем свидетельствует его письмо от 28 октября: «Либкнехт полностью солидаризируется с нами».

Вскоре Карл и Роза поднимут восстание и после ареста будут убиты конвоирами. За смерть Либкнех-та, члена рейхстага, власти извинятся. А тело забитой ружейными прикладами Люксембург конвоиры бросят в канаву. Можно представить, каково было это узнать московским революционерам. Роза и Карл постоянно призывали Ленина к сдержанности. Нет, не получается делать революцию в перчатках. Не хочешь быть наковальней — стань молотом!

В последних числах октября председатель ВЧК вернулся в Москву. Едва ли он сильно рисковал, предпринимая такое путешествие. Ему ли, опытному подпольщику, умевшему уходить

от первоклассной варшавской полиции, опасаться германских, тем более швейцарских полицейских, которые никогда толком не боролись с революционерами-не-легалами? Пощекотал себе нервы, вспомнил молодость. К тому же товарищи не оставили бы его в беде. Наверняка в Кремле наметили, кого, в случае чего, поменяют на Дзержинского.

* * *

В феврале 1919-го в Москву на Александровский (ныне Белорусский) вокзал приехали из эмиграции жена и сын Дзержинского. Шофер председателя ВЧК Тихомолов вспоминал: «Они вышли из среднего подъезда, и я заметил, что они очень скромно одеты. Запомнился мне Ясик — худенький мальчик, застенчивый, в очках. На голове у него была вязаная шапочка с помпоном. Феликс Эдмундович был счастлив, радостно улыбался и ласкал сына». Дзержинским выделили квартиру в Кремле в Кавалерском корпусе. У них наконец-то появился свой дом.

Распорядок дня у Феликса Эдмундовича с тех пор изменился не сильно. Поздно вечером он почти всегда оказывается в своем кабинете на Большой Лубянке. И только спать теперь уезжает домой. Летом и ранней осенью семья живет на даче в подмосковном Любанове. Здесь Дзержинскому иногда удается отвлечься от работы. Он ходит на охоту, катается на лодке по живописной реке, долго гуляет по лесу. Находясь на отдыхе в Крыму, много плавает и занимается греблей. Море Феликс Эдмундович любит, особенно штормовое. В бурю он подолгу сидит на берегу, любуясь грозной стихией.

Глава тридцать пятая. О РЕКВИЗИЦИИ ВЕЩЕЙ ГОЛЬДФЕ

Учится ВЧК, учится Дзержинский...

Еще в апреле 1918-го сотрудники комиссии столкнулись с противником высокого уровня, имевшим специальный шифр, пароли, дисциплину — с савинковским «Союзом защиты родины и свободы». Самым профессиональным из чекистов на тот момент был Петерс. В мае он провел операцию по внедрению, которую позднее описал так:

«По найденным паролем выявилась возможность послать в Казань под видом белогвардейского офицера одного из наших комиссаров. Мы снарядили сотрудника ВЧК — рабочего, здорового парня с толстой фигурой и непослушными волосами. Он и еще один чекист приехали в Казань, явились к лицу, адрес которого был указан в явке, сообщили пароль. После долгих мытарств их направили в штаб казанской белогвардейской организации. Они вошли вдвоем в комнату, где заседали около 20 человек, предъявили явки. Их приняли очень любезно, предложили чай и булки; они попили чаю, подружились поближе к дверям. Сначала их вид не вызвал подозрения, но скоро начали шептаться. Видя, что другого выхода нет, наши товарищи выхватили маузеры, скомандовали “руки вверх”. Кое-как позвали милицию и арестовали заговорщиков».

Как раз весной многим из большевиков стало ясно, что без «буржуазных специалистов» им не обойтись ни в промышленности, ни в Красной армии. Возвращение «спецов» протекало трудно. Солдаты опять увидели в армии ненавидимых ими офицеров и генералов (которые стали именоваться «командирами»). На предприятия зазывали старых инженеров — опять будут командовать рабочим классом. Дипломатическое ведомство, Наркомат внешней торговли Красина левые коммунисты считали осинными гнездами буржуазии.

А самой ненавидимой частью старого правительственного аппарата оставались полицейские. В дни Февраля их убивали на улицах, как бешеных собак. Даже Деникин царских полицейских и жандармов на работу не брал, уступая «общественному мнению», — а уж как в этих кадрах нуждался! Но деваться ВЧК некуда: бывшие рабочие, направленные в чрезвычайные комиссии партийными организациями, шифров разбирать не умеют. Приходилось обращаться к помощи «спецов». Сотрудничество с этими людьми руководители комиссии держали в глубокой

тайне. Широкие массы революционеров их бы не поняли.

К концу лета профессиональное ядро в ВЧК уже вполне сложилось. По конкретным делам оно могло действовать.

Молодого чекиста Буйкиса в июле вызвали к руководству...

«Феликс Эдмундович, — вспоминал Буйкис, — поручил мне и моему товарищу Спрогису отправиться в Петроград, обнаружить источник, питающий заговоры, в которых участвуют иностранные государства. Мы знакомились с бывшими офицерами и чиновниками, водили многих в рестораны, вызывая на откровенный разговор. Не сразу, но сумели раскрыть не одну, а несколько контрреволюционных организаций и заговоров. Мы выдали себя за представителей московского контрреволюционного подполья. Под видом офицеров латышского полка, недовольных Советской властью, проникли в организацию, которой руководил английский военно-морской атташе Кроми. Вскоре на сцене появился и опытный английский шпион Сидней Рейли. Войдя в доверие к ним, мы получили от Кроми рекомендательное письмо к руководителю всех этих заговорщиков английскому посланнику в Москве Роберту Брюсу Локкарту. Приехали в Москву. Убедившись, что за нами никто не наблюдает, мы в тот же день доставили письмо Дзержинскому».

Так начиналось раскрытие «дела Локкарта». Далее в операцию был введен Берзин — командир латышского особого дивизиона, отвечавшего за охрану Кремля. На встречах латышей с Рейли и другими обсуждались планы диверсий, восстаний, вплоть до ареста советского правительства и устранения Ленина. Рейли передал Берзину около 1,2 миллиона рублей. По-видимому, в последний момент англичане все-таки поняли, что имеют дело с агентами, но было уже поздно, хотя Рейли успел скрыться. Сразу после покушения на Ленина начались задержания в Москве и Петрограде. В Англии в ответ взяли под арест советскую дипломатическую миссию во главе с Литвиновым. Вскоре произошел обмен «заложниками». Заседание Верховного революционного трибунала по этому делу проходило с участием «китов» царской адвокатуры. 3 декабря Локкарта заочно признали подлежащим расстрелу при обнаружении его в пределах Советской России.

Обмененный Локкарт впоследствии рекомендовал руководству английской разведки посылать сотрудников в Москву на «стажировку к Петерсу»...

Председатель ВЧК любит лично участвовать в оперативных играх, биться над шифрами, придумывать легенды, пароли. Вот пример. Осенью 1918-го Феликс Эдмундович составляет задание, которое в зашифрованном виде ушло в Курск председателю Губчека Каминскому. Готовится внедрение в контрреволюционную организацию:

«Откомандируйте в распоряжение ВЧК самого опытного, политически грамотного и расторопного, с инициативой, разведчика для весьма ответственной государственной и партийной работы. Снабдите его лучшим паспортом на чужое имя, деньгами на дорогу и проездным билетом до Москвы. Он должен иметь вид беспартийного обывателя. Никому не надо знать, куда он отправился, когда отправился или даже вообще отправился ли он. По приезде в Москву командируемый должен немедленно явиться на Кузнецкий Мост, д. № 6, в Совдеп Городского района, зайти в административный отдел, спросить заведующего тов. Веселовского и ему лишь сказать пароль: “О реквизиции вещей Гольдфе”. Он на это ответит “Хорошо, зайдемте ко мне в кабинет, разберем дело”. Тов. Веселовский укажет дальнейший адрес...»

Глава тридцать шестая. БОЛЬШЕВИКИ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

ВЧК через год после ее создания чуть было не упразднили! Конечно, до этого бы не дошло, но так одно время казалось.

Методы работы Всероссийской чрезвычайной комиссии нравились далеко не всем в большевистском руководстве.

Михаил Ольминский в статьях от 8 и 26 октября в «Правде» (автор — член редколлегии газеты) обвинил ВЧК в «недосягаемости», стремлении стать выше других органов власти. После разговора с Лениным Ольминский снизил планку критики, стал писать о злоупотреблениях террором на местах. 18 декабря в «Известиях ВЦИК» Лариса Рейснер поделилась своими негативными впечатлениями от посещения Петроградской чрезвычайки.

Недовольство закрытостью ВЧК высказывали Каменев, Бухарин и даже Сталин. Последний (и не только он) предлагал ввести чрезвычайные комиссии в состав НКВД РСФСР.

В первых числах января 1919-го (Дзержинский со Сталиным — в Перми, расследуют причины сдачи города и потери огромного количества военного имущества и боеприпасов) два подряд залпа по ВЧК со страниц «Правды» дал Николай Бухарин, руководивший тогда печатью и пропагандой. Бухарин писал, что если не реформировать ВЧК, не подчинить ее ряду «общих норм», то чрезвычайки «будут «выдумывать» для себя работу, т. е. вырождаться».

Но наиболее решительно с прерогативами ВЧК боролся в то время один из руководителей Наркомюста — Крыленко.

Николая Васильевича Крыленко позднее назовут «идеологом советского правосудия». Он станет обвинителем на многих сфальсифицированных политических процессах. По справедливости — одним из антигероев «Архипелага ГУЛАГа» Александра Солженицына. С 1931 года Крыленко — нарком юстиции СССР. В 1938 году расстрелян. Жертва созданной при его же участии системы «правосудия». Но это будет много позже.

Пока идет 1918 год. Не удержавшись в должности главковерха, Николай Васильевич нашел занятие по душе: начал выступать обвинителем на заседаниях революционного трибунала. Быстро выдвинулся в число руководителей этой системы, вошел в коллегию Наркомюста. У него примечательные увлечения: охота и шахматы. Отчасти и на этой почве он сблизился с Лениным. Биографы Николая Васильевича

подсчитали, что Ленин и Крыленко в 1918—1921 годах выезжали на совместную охоту не менее двадцати раз. Нередко вдвоем, без охраны (любили ездить на родину Крыленко, под Смоленск). Был и такой случай: летом 1922 года глава Совнаркома, оправившись после первого инсульта, затеял переплыть Пахру наперегонки с Крыленко. Ленин очень радовался, что приплыл первым.

Руководитель революционного трибунала ведет дело бывшего министра юстиции Российской империи Ивана Щегловитова. Следствие завершено, обвинительное заключение опубликовано в «Известиях». Это будет, по ожиданиям Крыленко, процесс века! В зале суда сойдутся первый трибун революции и первый юрист царской России. Но тут грянул красный террор, и самый известный из расстрелянных 5 сентября — Щегловитов. Крыленко вновь возмущается произволом ВЧК (хотя, конечно, вопрос о Щегловитове решался не на этом уровне).

Однако из песни слова не выкинешь. Именно Крыленко на протяжении ряда лет наиболее последовательно и подчас эффективно боролся за то, чтобы лишить ВЧК прав на внесудебные расправы. Серьезный противник: партийный тяжеловес, может выступать в «Правде», опираться на резолюции органов юстиции.

Впервые Николай Васильевич напал на ведомство Дзержинского еще 7 июня на страницах «Известий». Похвалив порядок рассмотрения дел в ревтрибуналах, он отметил, что бывают случаи (все поняли, о чем он), когда судебные приговоры выносятся втайне от публики. Этой практике нужно объявить решительный бой, заключил автор.

В феврале 1919-го между двумя «мечами революции» произойдет открытое столкновение. К тому моменту Крыленко нанесет ВЧК множество увесистых ударов. Он проследит ее деятельность с начала возникновения...

Вспомним, говорит Николай Васильевич: в 1917 году комиссия создавалась как оперативноразыскной орган, обязанный виновных передавать в ревтрибуналы. Среди мер наказания, которые могла применять сама ВЧК: конфискация, выдворение за пределы РСФСР, лишение продовольственных карточек.

21 февраля 1918 года СНК РСФСР принимает постановление «Социалистическое отечество в опасности!». Введен расстрел на месте для германских шпионов, неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, а также членов буржуазного класса, отказывающихся рыть окопы. Но в документе не указан орган, который вправе применять такие санкции. Это право присвоила себе ВЧК. Более того, на следующий день в публикации в «Известиях» руководство

комиссии расширило перечень лиц, заслуживающих немедленного расстрела, добавив к нему «организаторов и участников восстаний», «всех бегающих на Дон для поступления в контрреволюционные войска». Дополнило декрет Совнаркома!

С заключением 3 марта Брестского мира декрет вообще утрачивает свое значение. Однако ВЧК не расстается с правом на расстрелы. В марте руководители комиссии направляют в местные Советы предписание создать ЧК для борьбы с контрреволюцией и саботажем. Что-либо предписывать Советам может только ВЦИК. К августу созданы десятки уездных и губернских чрезвычайек. Они не сидели сложа руки, применяли репрессии, в том числе расстрелы на месте. После декрета 5 сентября внесудебные расправы стали массовыми. По данным Наркомюста, всего органами ВЧК в 1918 году расстреляно 6185 человек, еще 14 829 человек заключены в тюрьмы, 6407 — отправлены в концентрационные лагеря, 4068 — взяты заложниками. Итого за год чекисты республики вынесли приговоры той или иной степени тяжести в отношении 31 389 человек.

Крыленко заверяет, что контрреволюционерам легче не станет: «Трибунал должен быть не менее страшным в смысле осуществления системы устрашения, террора и угрозы, чем были ЧК». Просто во всем нужен порядок. Органы розыска и следствия должны работать в рамках, определенных судами и трибуналами. В реальности же чекисты сами решают, какие дела им направлять в трибуналы и суды, а какие «завершать» самостоятельно.

Крыленко не может не понимать, что ВЧК превышала полномочия с полного одобрения Ленина и Свердлова. Но с ними он не может бороться, поэтому делает вид, что виной всему самодетельность Дзержинского.

А что Ленин? Выступая 7 ноября перед сотрудниками ВЧК на их митинге-концерте, он заявил, что чрезвычайные комиссии критикует «обывательская интеллигенция», выхватывающая отдельные ошибки...

Николай Васильевич не дрогнул. В конце ноября он собирает в Москве съезд председателей революционных трибуналов республики. «Обыватели» критикуют деятельность ВЧК — внесудебный порядок осуществления расстрелов, отказы выполнять решения трибуналов, некачественное расследование дел... Отчет о работе съезда публикует «Правда». Получив такую поддержку, Крыленко продолжает публично отстаивать точку зрения: «Советское законодательство не знает декрета, которым бы право вынесения судебных решений когда-либо было предоставлено ЧК».

В декабре еще один член коллегии Наркомюста, Мечислав Козловский, посылает Ленину восемь дел из ВЧК в качестве доказательства того, «с каким легким багажом отправляют там в “лучший мир”». Юрист приводит, в частности, такой пример: гражданка Сергеева расстреляна за принадлежность к организации Савинкова. Данных о ее участии в деле нет, а следователя, который вел дело, сами же чекисты позже расстреляли как провокатора. Среди других жертв внесудебных расправ — «жена белогвардейца», «активный монархист»... Письмо Козловского чекисты обсуждают на своей коллегии 17 декабря. Их постановление: считать его действия «совершенно недопустимыми и вносящими полную дезорганизацию в деятельность ВЧК». Дзержинский, несомненно, кипит от возмущения. Задета честь его, честь ВЧК, а в этом случае он теряет объективность.

В следующем письме Ленину Козловский сообщает, что им опротестованы как незаконные 16 расстрелов, осуществленных ВЧК. Это не булавочные уколы. Мечислав Юльевич очень influential в партии. Он представлял интересы большевиков в суде еще в мае 1917-го, когда их пытались выселить из особняка Кшесинской в Петрограде. В конце 1890-х поляк Козловский боролся с царизмом рука об руку с Дзержинским. Теперь они противники.

В январе 1919 года Крыленко находит новых влиятельных союзников. Партийные руководители столицы также заявляют: судебной функции ВЧК следует лишить.

* * *

Параллельно в ревтрибуналах проходят процессы над чекистами. Несколько человек осуждены за взятки, хищение изъятых имуществ, злоупотребление служебным положением, неосторожное убийство при допросе и другие преступления. Самым громким стало дело заместителя председателя контрольно-ревизионной коллегии при ВЧК Федора Косырева. Достаточно сказать, что показания на процессе давали Дзержинский и Петерс. Обвинителем выступал сам Крыленко.

Суть дела вкратце в следующем. С апреля 1918-го в ВЧК находился под арестом промышленник Алексей Мещерский. К его жене Елене Гревс в особняк пришел чекист Годелюк с предложением за взятку освободить Мещерского. Якобы в противном случае арестованного ожидает расстрел. Не зная, как поступить, Елена обратилась за помощью к известному адвокату

Якулову. А тот в свою очередь к своему знакомому — председателю следственной комиссии Московского ревтрибунала Цив-цивадзе. В доме у Гревс устроили засаду (за ширмой прятался Цивцивадзе с маузером и стенографисткой). Гodelюк пришел за авансом и в разговоре с Еленой выболтал, что освобождением ее мужа займется Косырев. На следующий день оба чекиста оказались под арестом. Разбирательство показало, что Косырев жил на очень широкую ногу. Но это еще цветочки. До революции он был матерым уголовником, несколько раз осужденным, в том числе за двойное убийство с целью ограбления. Освобожденный с каторги революцией, выдал себя за «политического». И такой человек следил за «чистотой рук» в ведомстве Дзержинского!

Феликс Эдмундович продолжает сопротивляться, но уже слабее: «Дело Косырева возникло в связи с вопросами о деятельности чрезвычайных комиссий, поднятыми в последнее время». Эх, раскопал бы он сам подноготную этого подлеца... Видимо, осознав происшедшее, 14 марта в «Известиях» председатель ВЧК опубликовал обращение. Его смысл:

«Различные темные личности под видом следователей, комиссаров и ответственных должностных лиц ВЧК занимаются всякого рода вымогательствами, вводя в заблуждение родственников и знакомых заключенных под стражей. Обо всех случаях шантажа и вымогательства предлагаем сообщать в ВЧК на имя председателя комиссии. Все лица, подавшие такое заявление, найдут полную защиту от шантажистов».

Трибунал признал Косырева опасным для революции и постановил расстрелять по истечении 48 часов.

Освобожденный из-под ареста Мещерский с супругой поспешили перебраться за границу.

Гнул свою линию Николай Васильевич, гнул и довел детище Дзержинского фактически до кризиса. Руководители Москвы и Наркомюста предложили вообще ВЧК упразднить. Основные ее функции — передать ревтрибуналам. Свои радикальные предложения председатель Моссовета Каменев направил Ленину (письмо приводится с восполнением сокращений, характерных для переписки вождей республики):

«Дорогой Владимир Ильич, посылаю Вам резолюцию о ЧК. Она чуть-чуть радикальная. Я сам до недавнего времени думал, что можно ограничиться изъятием от ЧК права приговоров и определением срока предварительного следствия (1—2—3 месяца). Но ежедневно прибывающие факты из провинции и рассказы Яковлевой о Питере убеждают меня, что разложение ЧК

идет все дальше и глубже, и реформой тут не поможешь. По сути дела с этим должен согласиться и Дзержинский, все внимание которого уже с месяц сосредоточено не на контрреволюции, а на должностных преступлениях, волоките и пр. Его и надо поставить во главе “Особого отдела ВЦИК” (см. резолюцию), а борьбу с преступлениями по должности сосредоточить в реорганизованном Контроле, рабочей инспекции и т. д. Я присутствовал на одном собрании Московской организации, где Крыленко выступил против ЧК. Я не рассмотрел у него тогда каких-либо склочных или личных мотивов: просто он по должности больше других видел и слышал. “Лично” — в хорошем смысле — относится к этому только Дзержинский. Ему просто “больно”, и он ставит весь вопрос как вопрос своей чести. Поэтому и выхода нет, как, напротив, поставить вопрос открыто и принципиально. Конечно, и компромисс — изъятие права приговоров — будет громадный шаг вперед, но, боюсь, не остановит спекуляций, обысков и насилий над женщинами и пр.».

К письму прилагался проект резолюции ВЦИКа, в котором предлагалось приступить немедленно к ликвидации ВЧК и всех местных ЧК.

* * *

Неужели действительно в начале 1919-го существовала вероятность, что «рожденная революцией» прекратит свое существование?!

По-видимому, нет. Паники в руководстве комиссии не наблюдалось. Чекисты вели свою пропаганду в прессе. С большими статьями, рассказывающими о заслугах ВЧК перед революцией, выступали Петерс, Лацис и другие. Правда, тон их выступлений постепенно менялся. Если еще летом 1918-го критика извне отвергалась с порога, то осенью Дзержинский и его коллеги уже признавали, что в органы ЧК проникает немало преступных и случайных элементов, с которыми там решительно борются.

Первая дискуссия о ВЧК в партии завершилась так. В начале февраля 1919 года ЦК РКП (б) в своей резолюции определил, что комиссия должна стать органом розыска и пресечения, передав право вынесения приговоров ревтрибуналам. Как будто Крыленко мог торжествовать победу. Но не совсем...

По старой традиции проект реформы поручили подготовить самому реформируемому ведомству. 17 февраля на заседании ВЦИКа Дзержинский докладывал проект нового положения о

правах ЧК и революционных трибуналов. В принятом постановлении «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» ревтрибуналам передавались такие права, как вынесение приговоров по всем делам, возникающим в чрезвычайных комиссиях, надзор за следствием, посещение мест заключения, проверка законности содержания под стражей. При этом трибуналам ставилось условие: все дела рассматривать не позднее чем через 48 часов после вынесения обвинения. Срок совершенно нереальный, чтобы разобраться со всеми обстоятельствами сложного дела.

И... лазейка, как обычно: ЧК сохранили право вынесения приговоров при пресечении вооруженных восстаний, а также иных преступлений в местностях, объявленных на военном положении. Таких местностей в Гражданскую — больше половины страны, в том числе — Москва.

Уже и не до реформ. Опять резко обострилась ситуация на фронтах. Когда пушки говорят, законы молчат. Состоялся обмен мнениями.

* * *

30 марта Дзержинского назначили народным комиссаром внутренних дел, взамен Петровского, уехавшего работать на Украину. Причины этого решения Лацис в своих воспоминаниях объясняет так:

«Руководители Наркомвнудел считали с первых дней существования комиссариата, что борьба с контрреволюцией это дело Наркомвнудел. На первых порах ВЧК мыслилась в тесной связи с комиссариатом, и даже первые деньги были отпущены из сумм НКВД. К тому же Дзержинский числился членом коллегии НКВД, а М. Я. Лацис, работавший постоянно в НКВД, членом коллегии ВЧК. Исходя из этого взгляда, НКВД посылал первоначально по губисполкомам директивы по борьбе с контрреволюцией и тут встретился с директивами ВЧК. Возник спор: должны ли чрезвычайные комиссии подчиняться НКВД или нет? Формально спор был бесплоден, так как ВЧК была организована при Совнаркоме, согласно официальному постановлению. По существу же чрезвычайные комиссии должны были быть частью аппаратов губисполкомов, работая на правах отделов, а не над ними. Выход был найден в том, что председатель ВЧК должен одновременно быть и народным комиссаром внутренних дел, что и было сделано после того, как Г. И. Петровский занял пост председателя Украинского ЦИК».

Глава тридцать седьмая. «...И ПОТ С НИХ КАПАЛ ГРАДОМ»

Было бы ошибочно из сказанного выше сделать вывод, что ВЧК являлась прямо-таки реакционной силой, искажавшей «нравственный лик революции». В ряде случаев происходило совсем наоборот!

Откроем опять сборник сводок НКВД-ВЧК из провинции. Возьмем «зрелые» 1919—1920 годы, когда система информирования центра была уже налажена. Это почти антисоветская книга! ЧК докладывают о злоупотреблениях и бесчинствах комбедов, продотрядов, красноармейцев и милиционеров, безобразиях и «буржуазных» замашках местных властей.

* * *

...Чекисты сообщают о «подвигах» красноармейцев 3-й армии Восточного фронта:

«Поволжье. Частями 29-й стрелковой дивизии у самого беднейшего крестьянства конфискуется разного рода имущество, например, у сапожника — машина и все необходимые для работы инструменты, хотя за конфискованное имущество уплачиваются деньги. Тем не менее мастеровой в дальнейшем лишается заработка. К устранению этого приняты меры.

Частями Свод-Камского производится мародерство. Отбирают у жителей лошадей, даже у коммунистов, находящихся на фронте. За командиром установлен надзор. Сотруднику предложено обследовать вторичное предложение комполка о принятии мер к прекращению мародерства, и если командиром полка не будут приняты меры, то его арестовать.

При проходе обоза Путиловского полка через деревню Малый Кез обозниками-красноармейцами тратились бешено громадные деньги на разные пустяки и пьянство. Например, за песни девушкам заплачено 2500 руб., за учиненную стрельбу в комнате из револьвера, за каждый выстрел по 1 тыс. руб. и т. д. в этом духе. Население возмущено. Следствие ведется.

Екатеринбург. Настроение части проходящих войск — мародерствуют, грубо обращаются с населением и берут бесплатно продукты и подводы».

...Хороши и местные власти.

«Саратов. Идейных коммунистов нет. Партия не обращает никакого внимания на жалобы крестьян Березовской волости об изнасиловании местными коммунистами жен красноармейцев. В деревне Ко-ралык члены исполкома проигрывают в карты ежедневно 400—500 руб.

Смоленск. Перешел в белогвардейскую банду Киша председатель Увзовского волисполкома, захватив с собой деньги, предназначенные семьям красноармейцев.

Орел. В волисполкомах царят спячка и разгильдяйство. Мягкая барская мебель заражает ленью.

Гомель. Местным милиционером избита нагайкой учительница, вступившаяся за обиженную девочку.

Самара. В селе Копаяевке Пугачевского уезда председатель ячеек и волисполкома Тарасов совершенно обходит законы, сам же от граждан требует точного исполнения их. Например, им смолото 28 пудов зерна без разрешений от сельского

Совета. В день второй годовщины революции он с площадной бранью и револьвером в руках разгонял рабочих, не потрудившись их известить, что этот день как праздник победы труда — день неприсутственный. Не лучше поступает и председатель сельского исполкома Труханов, устраивающий самоличные реквизиции овчин, стекла и присваивая себе доски, предназначенные для постройки народного дома. В таком же духе работает и военком Гусев, при котором обнаружены четыре пары валенок и 8 фунтов шерсти. Контролер над работой валяльщиков Куранов вошел в сделку с кулаками, взяв с них шерсть и предоставив им право изготовления валенок в первую очередь».

...Часто чекисты защищают крестьян от злоупотреблений продотрядов.

«Самара. То там, то сям вспыхивает восстание крестьян, большей частью вызываемое действиями продотрядов и большой натуральной повинностью, накладываемой проходящими воинскими частями.

Казань. Крестьяне сильно заражены агитацией против помольной системы; во время восстания выступали даже женщины, ведя своих детей на штыки. (Помольная система вводила ограничения на помол хлеба на мельницах, что являлось формой контроля за излишками хлеба у крестьян в некоторых регионах. — С. К.)

Воронеж. Отношение крестьян к продовольственной политике отрицательное. Отношение населения к продотрядам крайне враждебно. Крестьяне склонны к добровольной поставке хлеба, лишь бы не присылали продотрядов».

...Многие сводки ЧК выглядят рекомендациями, как надо

управлять.

«Область немцев Поволжья. Огромное влияние на население имеет осторожная политика местной власти по отношению к религии.

Дезертиров сравнительно не так уж много. Комиссия по борьбе с дезертирством приписывает это тому, что они почти совсем не применяли расстрелы к дезертирам, которые действительно, когда их ловили, сидели на лошадях или ходили за плугом и пот с них капал градом.

Вятка. Тактика отношения чревкома к населению установлена самая примирительная, чтобы сгладить страх, напущенный кадетами, о репрессиях Советской власти.

Тюмень. Тяготение крестьян к церкви еще сильно и не изжито, показателем чего может быть следующий пример. Крестьяне Покровского прихода села Соколовского постановили: «Осмеливаться коленопреклоненно просить Народную власть не допускать насилий над православным духовенством, которое нам необходимо»».

...Из тыла белых тоже поступают интересные сведения.

«...Архангельск. Разведчики 22-го Горно-Кизелов-ского полка Гостюхин и Горев ходили в тыл к белым. С 5 мая проживали в Перемской волости. И через опрос жителей деревни Опареевской выяснили следующее: в Перемской волости по приходе белых избран волостной старшина, сельские старосты и особая комиссия по расправе с семьями добровольцев и коммунистов. На должности избраны бывшие урядники, стражники, кулаки и торговцы. За малейшую причастность к Советской власти граждан секут розгами. Подати на землю наложены по 76 руб. на душу. Крестьяне ждут красных и говорят, что «красные хотя и брали продукты, но платили за них»».

...Член коллегии НКВД Смирнов наводил порядок в Усманском уезде Тамбовской губернии. Из его доклада Дзержинскому:

«На каждом почти селе есть клуб коммунистов, в которых с пышностью помещика николаевских времен устраивают свадьбы, там же происходит картежная игра. Когда я стал порицать, заявили, что я приехал в защиту кулаков.

Я потребовал, чтобы в полном смысле сделали чистку Совета и ячейки, председателя волостного Совета Калоева предписал отстранить от должности. А вот председатель уезд исполкома т. Андреев пока ничего, хотя и бывший меньшевик, но работает не за страх, а за совесть.

Посетил тюрьму совместно с председателем укомболя т. Васильевым, где пришлось услышать команду николаевских

времен: “Встать! Смирно!..” В тюрьме находятся 35 человек, некоторые сидят по несколько недель не допрошенными. Заметивши в одной камере тараканов, я просил, чтобы арестованных перевели в свободные камеры, а в этой поморить этих насекомых.

В свободные часы я устраивал митинги и собрания, на которых собиралось по 1 тыс. человек и более. Везде и всюду одни возгласы: “Нам этого не поясняют, а только и слышим: “Арестуем! Расстреляем!”».

...Иногда хочется поднять настроение начальству. Антирелигиозная пропаганда делает успехи: «Архангельск. В праздник 1 мая принимало участие духовенство с революционными знаменами, поп пел Интернационал. Такой сюрприз со стороны попа обратил внимание публики. Праздник прошел с большим подъемом».

* * *

Эти сводки читали руководители республики. С их учетом они вносили изменения в свою политику, которая становилась более гибкой. Можно понять обиду Дзержинского: создаваемую им с такими трудами систему хотят упразднить. «Вы скажите прямо: нужна вам ВЧК? “Нужна! — отвечают. — Мы поправим товарищей, которые критикуют вас в недопустимом тоне”. А потом опять за старое. Где были бы сейчас Каменев с Бухариным, если бы не ВЧК? Партия поручила Всероссийской чрезвычайной комиссии обеспечить тыл. И комиссия это сделала».

Не кто иной, как белые отмечали быструю обучаемость своего врага. В конце Гражданской они склонны даже его идеализировать. Смотрите-ка:

«Красные перестали расстреливать пленных...»

«Красные перестали забирать у крестьянина последнюю лошадь...»

«Красные беспощадно расстреливают своих бандитов и погромщиков...»

После подобных наблюдений обычно следует: а мы?

А у них в тылу — развал, признавались сами участники Белого движения. Повальное воровство военного обмундирования: фронтовики оборваны, в то время как завсегдатаи кафешантанов сплошь в новенькой, пошитой в Англии форме. Железнодорожные полустанки забиты вагонами с награбленным — не протащить составы военного назначения. Из рейда по красным тылам казаки генерала Мамонтова тянули обоз

с «зипунами» длиной 60 километров... И почти ни одного наказанного за мародерство и моральное разложение из высших чинов! Честный солдат Деникин (потомок крепостных) признавался:

«Регулярно поступали смертные приговоры, вынесенные каким-нибудь заброшенным в Екате-ринодар ярославским, тамбовским крестьянам, которым неизменно я смягчал наказание; но ни одно лицо интеллигентно-буржуазной среды под суд не попадало. Изворотливость, беспринципность — вплоть до таких приемов, как принятие персидского подданства, кумовство, легкое покровительственное отношение общественности к уклоняющимся — служили им надежным щитом».

От таких картин разложения ведомство Дзержинского красный тыл убергло.

* * *

Один из самых благородных приказов Гражданской войны был отдан красным командиром Михаилом Фрунзе.

1 мая 1919 года во всех подразделениях Южной группы Восточного фронта зачитали приказ командующего:

«29 апреля с. г. в расположении Туркестанской армии имел место следующий недопустимый и печальный случай. Взятый в плен офицер армии Колчака, могущий дать ценные сведения о противнике, после весьма поверхностного опроса был заколот в штабе одной из стрелковых бригад.

Этот случай является не только нарушением неоднократных указаний Реввоенсовета Республики не чинить диких расправ на местах с пленными, но приносит неисчерпаемый вред всему делу освобождения трудовой России от белогвардейских банд, тем более что имел место в штабе бригады, где, казалось бы, должны соблюдать интересы Республики.

<...> Гуманное отношение к пленным со стороны доблестной Красной Армии лишний раз докажет, что насилие и беззаконие не там, где под красным знаменем идет трудовой народ на смерть за идеалы социализма, а там — на той стороне, где предводители и вдохновители насилия кричат об истинной свободе народа и расстреливают наших комиссаров, командиров и красноармейцев. Милостивое отношение даже к врагам Республики лишь внесет в ряды колчаковских банд разложение и заставит офицеров, в массах своих явно сочувствующих задачам рабоче-крестьянской власти Советов, массами переходить на

сторону Красной Армии.

Соблюдая интересы Республики, приказываю в армиях
вверенной мне группы прекратить расправы на местах с
пленными офицерами и солдатами противника и строжайшую
ответственность за исполнение сего приказа возлагаю на
командный состав и военных комиссаров...»

Глава тридцать восьмая. СКОЛЬКО ЖЕ БЫЛО ТЕРРОРОВ?

Историк Мельгунов предложил формулу, которая была много раз повторена авторами других исследований о терроре. Она уже вошла в учебники.

Мельгунов утверждал: красный террор — часть государственной политики, белый террор — стихийные, не поощряемые сверху «эксцессы». В этом он видел принципиальное отличие между двумя явлениями. Историк задал, как ему казалось, риторический вопрос:

«Где и когда в правительстве генерала Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля звучали голоса с призывом к систематическим официальным убийствам?»

Сразу обращает на себя внимание: Сергей Петрович не упомянул имени генерала Корнилова, который, как мы помним, отдал приказ «пленных не брать!» еще за семь месяцев до объявления Совнаркомом красного террора. «Эксцесс» на уровне командующего Добровольческой армией...

Пройдемся коротко по персоналиям из списка Мельгунова.

Деникин. Когда его армия еще надеялась взять Москву осенью 1919-го, Особое совещание собралось решать судьбу побежденных. Решили: коммунистов расстрелять. Кутепов, Шкуро, Мамонтов, Слащев и прочие догадались бы и сами. Также не отнесешь к «эксцессам», что белоказаки вывозили из захваченных городов и сел многокилометровые обозы с «зипунами». Иначе бы на Москву не пошли.

Колчак. «Командирам я приказываю расстреливать всех захваченных коммунистов», — говорил адмирал в газетном интервью в августе 1918-го. Это он еще толком не начинал воевать... Колчак в перечне Мельгунова, наверное, самый уязвимый персонаж.

Врангель. В приказе от 29 апреля 1920 года барон потребовал «расстреливать всех комиссаров и коммунистов, взятых в плен».

Можно добавить и Юденича, наступавшего с северо-запада, а очевидец — русский писатель Александр Куприн, находившийся при армии. «Расстреливали только коммунистов» — Куприн имел в виду, что насилием подчиненные Юденича не злоупотребляли.

А коммунистов в стране насчитывалось, между прочим, около 300 тысяч человек! На каждого приходилось по несколько расстрельщиков, которые ссылались на приказы первых лиц. Не было пощады также и другим категориям населения, от

представителей местной власти до крестьян, участвовавших в «черном переделе». То, что белые не убили больше, чем успели, заслуга не их...

Формула Мельгунова не выдерживает первого соприкосновения с фактами.

Между тем открываем современный учебник «История России с древнейших времен до наших дней» под редакцией члена-корреспондента РАН А. Н. Сахарова, рекомендованного для изучения абитуриентам, студентам, преподавателям. Читаем (том второй, с. 431): «...Красный террор был первичным явлением, белый — производным... Красный террор, таким образом, — государственная система, декретированная сверху уже в первые месяцы существования большевистского режима. Белый же террор, что в свое время отмечал С. П. Мельгунов, выступал в качестве эксцессов на местах, с которыми пусть вяло, непоследовательно, но вели борьбу носители белой идеи». (Да не вели они такой борьбы! А «декретирована» вплоть до конца 1918 года была мировая война, уносившая в месяц сотни тысяч убитыми, ранеными, задохнувшимися от газов, умершими от тифа и испанки...)

* * *

Но дело даже не в этом. Терроры различных цветов и оттенков в Гражданскую — явления не отдельные, а взаимосвязанные. И это особенно наглядно проявлялось в местностях, где власть много раз переходила из рук в руки. Самые ценные свидетельства о терроре — оттуда.

...Писатель Владимир Галактионович Короленко — святой русской революции. Все лихолетье он провел почти безвыездно в Полтаве. Всероссийская слава писателя уберегла его семью от террора. Фев-ралисты, большевики, петлюровцы, немцы, деникинцы, атаманы... Многих повидала Полтава. Красные арестовывают горожан за сотрудничество с белыми, белые — за сотрудничество с красными. Родственники арестованных устремляются за помощью к писателю. Тот пытается заступиться. Часто убеждается: поздно...

В июне—сентябре 1920 года Короленко отправил шесть писем красным вождям. Конкретный адресат — нарком просвещения Луначарский. Однако вопросы — явно не по ведомству Наркомпроса. Обращаясь по существу к Ленину (до которого слова писателя дошли), Владимир Галактионович, в частности, писал:

«Деятельность большевистских Чрезвычайных следственных комиссий представляет пример — может быть, единственный в истории культурных народов. Однажды один из видных членов Все-украинской ЧК, встретив меня в полтавской Чрезв. ком., куда я часто приходил и тогда с разными ходатайствами, спросил у меня о моих впечатлениях. Я ответил: если бы при царской власти окружные жандармские управления получили право не только ссылать в Сибирь, но и казнить смертью, то это было бы то самое, что мы видим теперь.

На это мой собеседник ответил:

— Но ведь это для блага народа.

Я думаю, что не всякие средства могут действительно обращаться на благо народа, и для меня несомненно, что административные расстрелы, возведенные в систему и продолжающиеся уже второй год, не принадлежат к их числу».

Письма Короленко к Луначарскому были опубликованы за границей в 1922 году уже после смерти автора. Они справедливо считаются ценнейшим свидетельством времени, а зачастую также неким «политическим завещанием» писателя, квинтэссенцией его размышлений в годы Гражданской. Последнее — неверно. В этом убеждаешься, когда знакомишься с дневниковыми записями Короленко.

О красном терроре Владимир Галактионович судит беспощадно и справедливо. Но — такая деталь: при большевиках Короленко имел пропуск в ЧК Полтавы. Он мог в любое время беспрепятственно пройти к руководителям чрезвычайки и изложить им свое ходатайство. Его там выслушивали. Нередко он обращался напрямую к главе правительства Украины Раковскому. Многим людям Короленко сумел помочь. При белых же он не помог... никому! В белой контрразведке, когда Владимир Галактионович пришел туда за кого-то заступиться, с ним даже не стали разговаривать. Более того, добровольческие власти готовились провести у него в доме обыск.

Поэтому Короленко и не обращался с посланиями к белым вождям. Не видел смысла.

Воздав должное пафосу «писем к Луначарскому», откроем дневниковые записи Владимира Галактионовича. Из них узнаем:

«1918 год. Январь. В Полтаве хозяйничает пришедший с красными войсками из Москвы бывший царский подполковник Михаил Муравьев. Местные советы для него не указ. Муравьев накладывает контрибуции на буржуазию. Взыскивает с “буржуев” 600 тыс. рублей в пользу солдатских вдов — общественность сомневается, что вдовы получают все эти деньги.

25 марта. Большевики постепенно покидают Полтаву.

Оставшийся без власти город подвергается грабежам. Среди грабителей — много красногвардейцев. На улицах раздается стрельба.

29 и 30 марта. В город входят немцы и части гетмана Скоропадского. И тут же начинаются безобразия. Подозреваемых в большевизме заводят во дворы и расстреливают. Не успевших скрыться красногвардейцев приводят в юнкерское училище, страшно избивают нагайками, потом убивают. “Избивать перед казнью могут только истинные звери”. Возобновляются грабежи.

1 апреля. На заседании городской думы гласный Ляхович (зять писателя) приводит факты истязаний, произведенных над невинными людьми. Их арестовали, свезли в застенок, положили на стол, били шомполами (в несколько приемов дали до 200—250 ударов), заставляли проделывать “немецкую гимнастику” с приседаниями и кричать проклятия “жидам и кацапам”. Потом отпустили.

На заседании думы присутствует представитель гетмана. Он поправляет выступающих, когда они говорят: “военная оккупация Полтавы неприятелем”. Правильно отныне: “помощь дружественной державы свободной Украине”.

7 апреля. Зверства в застенке продолжают. Истязаниям подвергнуты отец и сын по фамилии Заиц. Старик после экзекуции впал в тихое помешательство.

13 апреля. Немцы в городе стараются держаться прилично, но в деревнях грабят, и против них растет озлобление. В одном селе представителя “дружественной державы” мужики зарубили топором. Дом, где это произошло, снесен до основания».

До конца 1918-го в Полтаве жизнь протекает примерно в том же русле. Наступает 1919 год. В город возвращаются большевики. Отношение властей к Короленко улучшается, поскольку правительство Украины теперь возглавляет старый знакомый писателя, благоволивший к нему, Христиан Ваковский.

В харьковской меньшевистской газете публикуется расследование о проведенном петлюровцами еврейском погроме. Итог — около трех тысяч убитых и столько же раненых. «Целые улицы были превращены в кладбища», — сообщает газета. Погибло также около пятидесяти рабочих-христиан.

А в Полтаве сводят счеты. Расстреляны бывшие начальник карательного отряда и тюремный надзиратель... Когда писатель пытается облегчить чью-то судьбу, встречается с недоумением: как же так, ведь они убивали и пытали наших людей?

«22 марта. Вчера приходила бедняга Сподина с заплаканными глазами. Муж ее, почти инвалид, арестован. Был при гетмане комендантом в Миргороде.

23 марта. Захвачен целый выводок девиц, которые работали в осведомительном бюро. По большей части это простые переписчицы. Ко мне ходят родственники — матери, сестры... Просят, плачут. Мы в свою очередь справляемся в чрезвычайке. Кажется, особенно зверских намерений относительно этой группы не заметно».

Сильная сторона власти большевиков: стихийные грабежи прекращены. И если бы они имели представление о законности... Позднее Короленко запишет: «Большевики уже второй раз отлично “вступают”, и только после, когда начинают действовать их чрезвычайки, — их власть начинает возбуждать негодование и часто омерзение».

А летом 1919-го в Полтаве вновь другая по окрасу власть — белые. Долгожданная Добровольческая армия. О пребывании в Полтаве деникинцев свидетельствуют записи Короленко:

«Эти дни прошли в сплошном грабеже. Казаки всюду действовали так, как будто город отдан им на разграбление “на три дня”.

Бродский, бывший гласный, заявил, что его ограбили семь раз».

Стало обыденным явлением выбрасывание евреев с поезда на ходу. За каждым поездом оставались трупы выброшенных таким образом и разбившихся. Евреи совсем перестали ездить по железным дорогам.

В начале 1920 года писатель подводит итоги увиденному им при разных режимах:

«Добровольцы вели себя гораздо хуже большевиков и отметили свое господство, а особенно отступление, сплошной резней еврейского населения».

«Деникинцы вступили с погромом и все время вели себя так, что ни в ком не оставили по себе доброй памяти. Впечатление такое, что добровольчество не только разбито физически, но и убито нравственно».

Эти строки служат необходимым дополнением к «письмам к Луначарскому». Белых, петлюровцев и прочих из Полтавы прогнали. Остались большевики. К ним и обращается писатель Короленко.

* * *

Журналист Арбатов, редактор газеты либерального направления из Екатеринослава, оставил воспоминания о том, что происходило в этом крупном городе, металлургическом

центре Юга России (будущем Днепропетровске) в 1917—1922 годах.

В марте 1917-го в Екатеринославе по примеру столиц появляется временная власть. Первым делом арестованы полицейские, виновные преданы суду, это самое насущное. Поддержание порядка в городе возлагают на студентов-юристов. Пока тихо — действует инерция мирной жизни.

Октябрь... В столице опять что-то стряслось. Власть в губернском городе прибирает некий временный революционный штаб из трех рабочих. Тут же — штабы анархистов, украинских националистов. На улицах слышится стрельба — пока редкая, стычки лихих людей.

В первые дни 1918-го в город врывается банда непонятного происхождения. Грабит и сжигает магазины, административные здания, обстреливает богатые особняки. Анархисты, «за простой народ». Прогоняют их, объединившись, националисты и первые большевики. Результат стычек — свыше трехсот трупов.

Апрель. На Екатеринослав надвигаются германские войска. «Никто ничего не понимал», — пишет мемуарист. По Брестскому договору Германия и Австрия получили право занять и ограбить Украину. Но это высокая политика, людям недоступная. Жители русского индустриального города видят приближение чуждых сил. Около шестисот рабочих под руководством некоего Васьки Аверина пытаются организовать оборону. Легли почти все. В Екатеринослав входят роты подданных кайзера. Власть перемещается в немецкие комендатуры. «По городу проехало несколько платформ с трупами убитых немцами рабочих, захваченных на вокзале с винтовками в руках», — свидетельствует Арбатов.

Немецко-гетманская власть обречена. В округе бунтует крестьянство, избиваемое вернувшимися помещиками. В конце 1918-го оккупанты, проигравшие войну, уносят с Украины ноги. В Екатеринослав входят красные, с ними возвращается выживший Васька Аверин. Теперь в его действиях чувствуется планомерность. Создаются органы большевистской власти. Появляется ЧК под председательством местного рабочего Валявки. Начинаются расстрелы. «Страшной тайной, — пишет мемуарист, — остались сотни имен тех людей, которых озверелый Валявка отправил на тот свет. Там были и петлюровцы, и офицеры бывшей царской армии; случайно задержанные на улице люди без документов; арестованные за контрреволюцию священники».

Предел насилию? Нет, до предела очень далеко!

К Екатеринославу приближается армия Деникина. А вместе с

ней, надеются горожане, возвращаются закон и порядок. Пущен слух, что Деникин благородно отпускает пленных коммунистов на все четыре стороны («что большинству не понравилось», — иронизирует Арбатов). У большевиков другие ощущения, они объявляют в Екатеринославе военное положение и проводят новые массовые аресты.

Город встречает белых освободителей цветами и слезами счастья. К ликующим толпам присоединяются спасшиеся пленники Валявки. И началось...

«Дня не прошло, как в городе прошла волна диких грабежей. Вся торговая часть города разграбле-

на, тротуары засыпаны осколками стекла разбитых окон. По ночам раздавались крики подвергшихся ограблению». В гостинице «Франция» располагается контрразведка белых. Людей хватают на улицах, в трамваях, арестовывают по доносам. Схвачены трое видных большевиков: комиссар здравоохранения Гурсин, секретарь губкома Эпштейн с оторванной снарядом ногой и красный командир, капитан царской армии Трунов. Их решили повесить публично.

«На бульваре, против гостиницы “Астория”, среди движущейся оживленной толпы, казаки поставили приговоренных и за отсутствием веревок сорвали с бульварной ограды несколько кусков толстой проволоки и закинули на суки деревьев три петли.

Бледный Гурсин первый надел на себя петлю; один из казаков ударил его по ногам и он соскользнул с невысокого столба, тяжело опустившись книзу... Эпштейн, прыгая на одной ноге, оставляя после себя следы капавшей с оторванной ноги крови, добравшись до дерева, зашатался, взмахнул руками и, что-то прохрипев, замертво упал. Он правильно рассчитал время, приняв дозу яда; но казаки, ма-терно ругаясь, спокойно подняли труп с земли и, просунув мертвую голову в петлю, сильно за ноги потянули к земле охладевшее тело...

Трунов без тужурки, в одной нижней не свежей рубашке большими шагами ходил в тесном кругу обступивших его казаков. Когда тело Эпштейна безмятежно повисло в проволочной петле, Трунов поднял руку и, взведя глаза к небу, хотел перекреститься... Но крепкий удар стоявшего вблизи казака отвел руку Трунова. “Собаке — собачья смерть!” — злобно проговорил казак, и Трунов, не посмотрев на казака, спокойно влез головой в проволочную петлю».

Затем по доносу бабы казаки заставили «добровольно повеситься» трех несчастных, якобы при большевиках ее ограбивших. Оказались безвинными.

А края испытаниям все не видно. Цены на продукты растут. Окрестные крестьяне прячутся от мобилизации и карательных отрядов в лесу. Тюрьмы переполнены. Назначенный военными марионеточный губернатор обязывает редакторов газет в сообщениях о грабежах не указывать, кто их совершает (от казаков не отстают разложившиеся офицеры). Вот и цензура. Как похожи все режимы того времени! В окрестностях Екатеринослава махновцы грабят поезда и расстреливают, расстреливают... Собравшись с силами, Махно спокойно входит в город, разгоняет пьяную банду белых насильников и беспомощную гражданскую власть. Тут начинается неопишное. Трещат пулеметы, обстреливаются из артиллерии дома, снаряды, врываясь в мирные жилища, убивают семьи. Прогоняет махновцев денкинский генерал Слащев. В город ненадолго возвращаются офицеры, отсиживавшиеся неизвестно где. И начинается новая волна грабежей.

После поражения белых под Москвой горожане готовятся к волне красных репрессий. Однако большевики, заняв Екатеринослав, ведут себя на удивление спокойно. Поумнели? Обещают обойтись без расстрелов, самочинных арестов, реквизиций, поступать по совести, хоть и революционной. Но тут ситуация на фронтах опять обостряется. В Крыму усилился Врангель. Вторгаются на Украину поляки. В Екатеринославе заработал трибунал. В прифронтовой город возвращается ЧК. Редактор Арбатов обвинен в опубликовании позорящих советскую власть статей, однако сумел оправдаться. В начале 1920-х он выехал за границу, где и написал свои воспоминания.

Главная правда Гражданской войны, к которой автор продирается почти с самого начала книги. Не существовало красного и белого терроров как отдельных, изолированных явлений, которые можно сравнивать. Красный террор и белый террор в Гражданскую — это не два рядом растущих дерева, а одно, с переплетенными стволами, ветвями и общими корнями...

Глава тридцать девятая. ОСЕНЬ ДЕВЯТНАДЦАТОГО

Почти весь 1919 год республика живет на положении военного лагеря.

В сентябре вновь запахло объявлением красного террора. Войска Деникина с юга надвигались на Москву, с северо-запада Петрограду угрожал Юденич. 25-го террористы бросили мощную бомбу в окно особняка в Леонтьевском переулке, где заседал Московский комитет партии. Погибли 12 человек, в том числе глава столичной парторганизации Загорский, 55 ранены. На собрание ждали Ленина. Позже установят: теракт организовал близкий к анархистам и левым эсерам Донат Черепанов (партии от его акции открестились). Примерно в те же дни в столицах выявлены крупные подпольные организации, относящиеся к Национальному центру.

Однако красный террор на сей раз объявлять не стали. Партия постановила: ВЧК должна работать в обычном режиме.

Год назад член коллегии ВЧК Лацис сказал ставшие широко известными слова: «Не ищите в деле обвиняемого улики о том, восстал ли он против Советов оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого».

Теперь выражаются осторожнее. Буржуазия, злейший враг рабоче-крестьянской власти, заслуживает уничтожения, но не физического; надо ликвидировать причины, которые ее порождают. В этом смысл разъяснений, данных в свое время Лениным Лацису (последний заверил, что именно то и хотел сказать, поэтому вождь не стал прорабатывать его публично).

В начале 1919-го в деревне ликвидированы комбеды. Весной на съезде партии взят курс на союз с крестьянином-середняком...

* * *

ВЧК действует так же беспощадно, как и прошлой осенью. Однако теперь ее операции лучше проработаны. Чекисты выявляют связи подозреваемых и только потом арестовывают, по возможности, с поличным. Например, в Петроградской ЧК получили данные, что некто Шидловский везет из города в штаб к

Юденичу шпионские сведения. Ему позволили на той стороне фронта встретиться с «офицерами». Курьер извлек из каблука своего сапога бумагу с сообщением о состоянии обороны города, рассказал много ценного об участниках заговора. Только после этого «офицеры» его арестовали. Раскрыта подпольная организация, изъято оружие и боеприпасы.

В Москве сам Дзержинский руководит выявлением глубоко законспирированной подпольной сети — Национального центра. На след лидеров подполья чекисты вышли в середине июля. И тоже стараются брать с поличным. Возглавляет центр кадет Николай Николаевич Щепкин, внук знаменитого актера. На обыск к нему 29 августа выезжал председатель ВЧК. «Посылку» с документами, предназначенную для отправки Деникину, обнаружили после долгих стараний в поленице дров. Другая группа чекистов проводила обыск у директора московской школы Алферова. У него на столе в пресс-папье нашли список участников организации.

Феликсу Эдмундовичу интересно иметь дело с опытными конспираторами. Он нацеливает своих подчиненных: при обыске обязательно изымать у подозреваемого записные книжки, фотографии, документы, листочки с пометками, лежащие у телефона. Председатель ВЧК может в своем кабинете до глубокой ночи изучать записи, разгадывать шифры. У Алферова в изъятых бумагах — пометка: «Ивану Ивановичу — 435 руб. 53 коп.». Догадались отбросить «руб.» и «коп.», получили номер телефона! Созвонились с неизвестным Иваном Ивановичем, вызвали его на срочную встречу.

В тайнике у Щепкина нашли его переписку с лицами из окружения Деникина, важные сведения военного характера. В Национальный центр входили высокие чины Главного штаба Красной армии, руководители военных школ. Все материалы разведывательного характера, подготовленные для пересылки за линию фронта, были переданы на экспертизу в Реввоенсовет. В деле есть обстоятельное заключение члена РВС Республики Гусева, в котором указано, где следует искать источники этих сведений.

Даны десять «портретов» этих лиц, имеющих отношение главным образом к Южному фронту. 1. Военспец, стоящий во главе разведки; список номерных дивизий, им сообщенный, взят с карт оперативного управления. 2. Чрезвычайно осведомленный информатор, стоящий вне штаба, но имеющий возможность получать ценные сведения общего характера (оперативные планы, характеристики спецов). 3. Находящийся вне штаба информатор. 4. Шпион в оперативном управлении, не занимающий крупной

должности. 5. Шпион у инспектора артиллерии. 6. Один-два мелких шпиона в Полевом штабе (возможно совмещение с предыдущими). 7. Информаторы среди телеграфистов штаба. 8. Шпион в Туле, видимо, из топографов. 9. Шпион в штабе Южфронта, держащий связь с Москвой. 10. Неактивный шпион в штабе Востфронта.

Есть и такие оценки: «По живости и детальности описания видно, что автор документа посетил 23-ю и 14-ю дивизии и сам непосредственно осматривал кавалерию. О 36-й дивизии автор прямо говорит, что он там не был. Наиболее вероятно предположить, что автор служит в инспекции кавалерии IX армии и был командирован оттуда в 23-ю и 14-ю дивизии». Это ценные ориентиры для раскрытия всей разведывательной сети. Перед нами образец не пыточного следствия, а высокопрофессиональной работы.

В эмигрантских изданиях начала 1920-х годов будут утверждать, что разоблаченные ВЧК Национальный центр и другие подобные организации — дутые, они занимались не более чем разработкой программ для будущей «белой» России...

«Известия» за 5 октября опубликовали текст политического сообщения, которое Щепкин составил 22 августа и намеревался отправить Деникину (приводится в изложении):

«Действия против большевиков разрознены: один фронт выступает, потом отходит, за ним второй и т. д. Эти толчки вредны. Предпочтительнее общий удар сразу. Толчки и отступления создают представление бессилия и морально на руку большевикам. В Москве может наступить минута, когда начнется массовое избиение всех некоммунистов. Население вынуждено будет взяться за оружие, и будет попытка свергнуть иго. Это может быть недели через две. На этот случай вам надо подготовить нам помощь и указать, где ее найти. Без денег работать трудно. Оружие и патроны дороги. Часть эсеров с нами. Вообще это партия разложения и не пользуется доверием у населения. Левая часть правых эсеров хвастается: послала организовать убийство Колчака, Деникина и еще кого-то. Настроение в Москве вполне благоприятно: рабочие будут пассивны в борьбе. Крестьянство с деревенскими коммунистами справится само. Ваши лозунги должны быть: “Долой гражданскую войну”, “Долой коммунистов”, “Свободная торговля и частная собственность”. В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна...»

Белые генералы после войны пренебрежительно отзывались о «центрах» и «союзах», конспирировавших в Москве и Петрограде. Дескать, их участники только вели списки, распределяли роли на

случай будущего восстания, присылали «аналитические справки» (в каждой вывод — красные накануне краха), но не горели желанием переходить от слов к делу. Что ж, генералы сами виноваты: подошли бы поближе к столицам, подпольщики и перешли бы к делу. Главное, что эти организации реально существовали. Люди рисковали, занимаясь нелегальной работой в военное время. Тот же Щепкин — убежденный, мужественный враг большевиков, сознававший, на что он идет.

В штабе Южного фронта Красной армии в самом деле действовала группа деникинских агентов, занимавших видные посты. Ее возглавлял руководитель оперативно-разведывательного отдела Ковалевский. Осенью 1919-го белые разведчики были разоблачены. Деникин вспоминал: «Я знаю лишь один случай умышленного срыва крупной операции большевиков, серьезно угрожавшей моим армиям. Это сделал человек с высоким сознанием долга и незаурядным мужеством; поплатился за это жизнью». Полагают, Антон Иванович имел в виду именно Ковалевского.

Глава сороковая. ПРОЩАНИЕ С ПОЛЬШЕЙ

Долгожданное: Всероссийская чрезвычайная комиссия объявила об отмене смертной казни по приговорам ВЧК. 15 января 1920 года «Известия» опубликовали соответствующее постановление за подписью Дзержинского². А 13 января на Лубянке подвели черту под 1919 годом. Чрезвычайная «тройка» в составе Дзержинского, Аванесова и Петерса рассмотрела обвинения в отношении 79 человек. Из них 58 приговорены к высшей мере... Что это за люди? Список открывает Ульянов. Удастся установить, что это сотрудник Главного штаба Красной армии — по-видимому, разоблаченный агент. А среди помилованных — Флейшер, его подробные показания о деятельности Национального центра приводятся в «Красной книге ВЧК». Еще несколько приговоренных имеют отношение к тому же подполью. Подбор обвиненных, стало быть, не случаен. Но вряд ли можно сомневаться, что значительная часть из них в начале 1918-го была бы отпущена под честное слово...

* * *

Заговоры. Предательства. Бесчисленные сводки с сообщениями о расправах над представителями власти, красноармейцами, продотрядовцами. И так два года без перерыва хотя бы на сутки. И в ответе за все он, председатель ВЧК.

В апреле 1919-го вдруг выяснилось, что в Кремле проживают более тысячи старых служащих с семьями. К ним приходят гости. А рядом — кабинеты и квартиры вождей революции. Какая беспечность!

На третьем году работы у председателя ВЧК появляются распоряжения, которые он едва ли мог отдать раньше.

С мая 1920 года Дзержинский на Украине, начальником тыла Юго-Западного фронта, борется с махновщиной. 20 июня из Харькова он пишет своему заместителю Ксенофонтову:

«Посланцы Махно намереваются совершить подкоп под Кремль. Необходимо обыскать арсенал, а также в подвалах и колодцах в разных местах Кремля поставить микрофоны. Специалисты могут дать указание, как подслушать звуки от подкопа днем и ночью».

Через пять дней Феликс Эдмундович поручает принять дополнительные меры:

«Надо коммунистам-саперам обследовать все дворы, подвалы,

нижние этажи домов и церквей около Кремля и в самом Кремле. Наблюдать, не вывозится ли оттуда земля. Производить круглосуточно массовые обыски в домах и на улицах, арестовывая подозрительных. На железных дорогах за несколько станций до Москвы проверять всех пассажиров. Белые готовят террористические акты, их можно предотвратить только массовыми непрерывными операциями. Кроме того, делать обыски у проходивших по старым контрреволюционным делам...» Подкопов под Кремль обнаружено не было.

1 июля Ксенофонов получает из Харькова еще одно сообщение:

«Ксендзы в деле организации шпионажа и заговоров играют крупную роль. Все ксендзы должны быть взяты на учет. Надо иметь своих женщин-ка-толичек, но не верующих, посылать их на исповедь, и таким путем проникать в ксендзовскую конспирацию. Надо подумать об организации такой разведки.

«Подумать», конечно, можно... А работать кому, если скрупулезно выполнять такие распоряжения?

В 1925 году Дзержинский и Сталин побывали в театре. Тем же вечером Феликс Эдмундович направил записку своему секретарю Беленькому:

«Сегодня при входе с тов. Сталиным в театр и около дверей заметил подозрительное лицо, читавшее объявление, но очень зорко осмотревшее автомобиль, на котором мы приехали, и нас. При выходе из театра тоже какой-то тип стоял (другой) и тоже читал объявление. Если это не наши, то, безусловно, надо понаблюдать. Выясните и сообщите».

И в театре заботы о безопасности не отпускают. Что это, если не признаки профессиональной деформации на почве стрессов и переутомления?

...Борьба с махновщиной в Екатеринославской губернии, которую вел в мае—июле Дзержинский, заметного успеха не принесла. Условия не созрели. В начале октября Махно в очередной раз ненадолго помирится с советской властью — заключит соглашение с командующим Южным фронтом Фрунзе о совместных действиях в Крыму против Врангеля. И погуляет еще на Украине почти год. Некоторых его видных сподвижников советская власть простит. Например — Каретникова, водившего бригаду махновцев на штурм Перекопа. А бывший адъютант батьки Лепетченко станет продавцом мороженого на Гуляй-поле.

25 апреля 1920 года начальник Польши Юзеф Пилсудский³ начал поход на Киев. Казалось бы, польскому народу, воссоединившемуся после стольких испытаний, хватало и собственных насущных задач. Но Первый маршал Польши⁴ не без оснований полагал: под миссию «устранить угрозу с Востока» можно быстро привлечь ресурсы западных стран, обозначив важную роль Польши в мире. За год с небольшим ему удалось собрать и вооружить армию численностью в 700 тысяч человек.

Начальник Польши возлагал надежды на союз с Петлюрой, которого он называл лидером независимой Украины. Присутствие польских солдат на «ничейной» в тот момент земле преподносилось как временное — приблизительно до осени. Красная армия отступала, не ввязываясь в крупные сражения. Уже 7 мая польские солдаты маршировали по Крещатику. Власть на Украине за три года сменилась в 15-й раз! А дальше произошло то, что уже не раз встречалось в Гражданскую: освободители очень быстро стали восприниматься оккупантами. Украинские крестьяне поняли, что им придется кормить еще и эту армию.

Современный украинский историк пишет:

«На территории Правобережной Украины население вначале дружелюбно встречало польские войска, но вскоре испытало разочарование. Польская военная администрация никак не помогала создавать независимое украинское государство. Более того, вместе с войсками появились польские помещики с намерением вернуть бывшую собственность».

Рядом с Пилсудским — неугомонный Савинков. О согласовании действий с поляками пытались договориться Деникин и Врангель. К концу Гражданской противники советской власти готовы блокироваться с кем угодно. Но преобладающее настроение в республике — патриотический подъем. Множество белых офицеров переходит в ряды Красной армии. «Покраснел» тогда даже великий князь Александр Михайлович, написавший позднее:

«Когда ранней весной 1920-го я увидел заголовки французских газет, возвещавшие о триумфальном шествии Пилсудского по пшеничным полям Малороссии, что-то внутри меня не выдержало, и я забыл про то, что и года не прошло со дня расстрела моих братьев... Я всей душой желал победы Красной Армии».

В начале июня Конармия прорывает фронт и советские войска переходят в наступление. 13 августа бои идут уже в предместьях Варшавы. Голова у большевистского руководства закружилась. Показалась осуществимой идея о мировой революции, за Варшавой замаячила другая цель — Берлин...

В конце июля Дзержинский оставляет Харьков и отправляется в Вильно, а затем в Белосток — крупный промышленный город, только что занятый Красной армией. Здесь создается прообраз будущего правительства социалистической Польши — Польский революционный комитет, Поль-ревком, — в который входят старые социалисты Мархлевский, Дзержинский, Кон и др. Они с жаром принимаются за составление манифестов, которые могли бы покорить сердца поляков. Какую земельную программу предложить? Как распорядиться помещичьими владениями? Все революционеры согласны, что имущество и землю у помещиков надо отнять. Но кому передать? Феликс Эдмундович предлагает избрать проверенный российский вариант: распределить землю среди бедняков. Однако победила другая точка зрения: основную часть имущества и земли помещиков передать коммунам сельских пролетариев, коих (пролетариев) в стране много.

Феликс Эдмундович, как обычно, чрезвычайно деятелен. В первые две недели августа он выступает на митингах, организует поставки продовольствия, промышленных товаров, требует от ЦК присылать поляков-коммунистов, налаживает выпуск агитационной литературы, пытается запустить остановившиеся фабрики, занимается расквартированием красноармейцев в Белостоке...

И все это напрасно. Население Польши не примет правительства, которое прибыло в обозе Русской армии. Взять Варшаву невозможно — такого развития событий не допустят и западные страны. Лучшим вариантом для Советской России было заключить мир в тот момент, когда Красная армия владела инициативой.

Деятелям из Поль-ревкома прежде всего и следовало бы это понимать. Но они во власти старых, вдруг проснувшихся надежд. В Варшаве их ждут — убеждают они себя и дезинформируют Москву.

В телеграммах Ленину Дзержинский выдает желаемое за действительное.

6 августа:

«...Капиталы из Варшавы эвакуированы, буржуазия уезжает массами в Познань; по сведениям, правительство тоже предполагает туда эвакуироваться. Армия, кроме познанцев, разваливается, дезертирство огромное... Важнейшей задачей считаем организацию польской Красной армии...»

15 августа:

«...По сведениям из третьей армии, в Варшаве волнения. Требуют оставления белыми властями города без боя. Настроение среди оставшихся железнодорожников благоприятное...»

Настроение белосток-ских рабочих повышенное. Во вторник состоялся многотысячный праздник труда по поводу открытия фабрик... Приступлено к организации польского советского полка в Белостоке на принципе добровольчества... В польском коридоре местное население встречает армию восторженно, активно помогает... Вопрос о земельной политике будет рассмотрен в полном объеме в Варшаве, куда едем сегодня...»

17 августа:

«Вернулись до взятия Варшавы в Белосток. По сообщениям пленных, перебежчиков и жителей Вышкова, крестьяне относятся безучастно к войне и уклоняются от мобилизации, рабочая масса Варшавы ждет прихода Красной Армии, но сама активно не выступит за отсутствием руководителей и из-за господствующего террора... Для поддержания воинственного настроения поляками выпущен целый ряд воззваний, в которых отмечается, что Красная Армия утомлена и ослаблена и что стоит ей нанести только один мощный удар, и вся она откатится назад очень далеко... Добровольческие отряды, составленные по преимуществу из буржуазных сынков и интеллигенции, дерутся отчаянно... Все польские кардиналы, архиепископы и епископы обратились с воззванием к католическому епископату всего мира за помощью, характеризуя нас как антихристов...»

«Мы думали, что уже вчера будем в Варшаве, произошла, однако, непродолжительная отсрочка», — пишет Феликс Эдмундович жене 17 августа.

Нет, это не отсрочка, а сокрушительное поражение: неожиданный контрудар польской армии под командованием Сикорского стал для советских войск фатальным. Они отступили, понеся огромные потери. По мирному договору, который заключат две страны в марте 1921 года в Риге, к Польше отойдут значительные территории Украины и Белоруссии. В начале июля 1920-го британский министр иностранных дел лорд Керзон, посредник, предлагал гораздо более выгодный для Москвы вариант.

Командование Западного фронта допустило грубые просчеты. Но главная ошибка все-таки на совести политиков, в том числе из Польревкома. Они неверно оценили ситуацию в Польше.

Феликс Эдмундович — жене:

«Наше поражение — результат не восстания против “нашествия”, а нашей, превышающей человеческие силы, усталости, и бешеной деятельности шляхетских сынов — польской белой гвардии». Для успокоения совести и такой вывод сгодится. События августа 1920-го стали, несомненно, большой личной драмой для Феликса Дзержинского. Его не приняла

родная Польша. В письме жене 25 августа он говорит об «отсутствии воли ко всякому действию и словам после слишком сильных переживаний». Так завершилась давняя борьба между двумя революционными течениями в Королевстве Польском. Социал-демократ Дзержинский националисту Пилсудскому спор за Польшу проиграл.

III. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Глава сорок первая. ВРЕМЕННОЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Когда исход Гражданской войны стал очевиден, в руководстве республики возобновились дискуссии о роли ВЧК в мирное время. В партии, Советах, наркоматах заговорили о том, что надо укреплять судебную систему, практику же чрезвычайщины — прекращать. Как выяснится позже, это был период временного просветления умов. Ленин тоже тогда поддерживал эти веяния.

Революционные методы чекистов все чаще выглядят анахронизмом. Вот один из примеров. Заручившись одобрением Совнаркома, из Самары в Туркестан отправилась большая экспедиция, чтобы наладить поставки хлопка для текстильной промышленности. По возвращении всех участников экспедиции Самарская губчека обвинила в налаживании связей с английскими военными. Выпустили текстильщиков из тюрьмы только после вмешательства из Москвы.

Среди частых критиков ВЧК в то время — председатель ВЦИКа Михаил Калинин. К нему прикомандирован сотрудник комиссии Скрамэ. Последний при поездках Калинина по стране инспектирует местные ЧК. 30 июня 1921 года проверяющий указывал председателю Екатеринбургской губчека: «С незаконностью, самовольными арестами, расстрелами беспощадным образом пора покончить. Ликвидируйте скорее свой подвал, произведите чистку личного состава арестного дома №1». По докладом Скрамэ Калинин освободил более 1800 заключенных.

Не прекращаются конфликты у подчиненных Дзержинского с сотрудниками Наркомата иностранных дел. Особой остроты они достигли осенью 1921 года. Чичерин пишет Ленину: «Турецкий посол много раз указывал мне в самой настоятельной форме на то, что обобранные до нитки нашими чекистами турецкие купцы, возвращаясь в Малую Азию, распространяют там самую недобрую славу про Советскую Россию... Черноморские чекисты ссорят нас по очереди со всеми державами, которые попадают в район их действия».

Ленин советует Чичерину немедленно вынести этот вопрос на Политбюро. Он называет чекистов «паршивыми» и заявляет, что будет только «за», если удастся в подобных случаях «подвести под расстрел чекистскую сволочь». Ну и ну! А недавно говорил: «Хороший коммунист — это хороший чекист».

В течение 1921 года и на политбюро, и на съезде Советов

принимаются решения сузить права ВЧК, а то и вовсе ее упразднить. Вновь активен руководитель ревтрибунала Крыленко. Товарищи по партии стараются щадить самолюбие Дзержинского. Подготовка мер по реформированию комиссии поручена мягкому Каменеву. Ленин пишет ему 29 ноября: «Г. Каменев! Я ближе к Вам, чем к Дзержинскому. Советую Вам не уступать и внести в Политбюро. Тогда отстоим максимум из максимумов...» Среди борцов с чрезвычайщиной в ту пору обнаруживаем и Сталина. Сам Ленин предлагает сузить компетенцию комиссии, ограничить ее права на арест, лишить полностью или частично судебных функций, изменить название и вообще провести «серьезные умягчения». От ВЧК на такие обсуждения ходит заместитель председателя Ун-шлихт. В начале января 1922 года Дзержинского отправляют с важной миссией в Сибирь. Три года назад в похожей ситуации он был командирован в Пермь.

6 февраля 1922 года ВЦИК своим декретом ликвидирует ВЧК и ее местные органы, одновременно создает ГПУ — Главное политическое управление при НКВД (в следующем году, после образования СССР, ведомство станет Объединенным ГПУ, подчиненным Совнаркому СССР). Сфера деятельности спецслужбы сужается: ее освобождают от борьбы со спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности. ГПУ лишают чрезвычайных функций. Общий контроль над ведомством поручен Наркомату юстиции.

Кажется, от некогда грозной ВЧК мало что осталось. Но организация обладает способностью восставать из пепла. Она дитя войны. А война вскоре возобновится, только иная.

Под конструкцию республики изначально заложена мина. Ведь власть — советская. Значит, всегда есть опасность, что контрреволюция легко, голыми руками, через выборы в Советы захватит органы высшей власти. Головная боль партии Ленина с первых дней после Октября...

Большевикам сразу после Гражданской придется организовывать процесс над эсерами, а меньшевиков высылать за границу. Кому вести эту работу? ГПУ, больше некому Потоньше, методами товарища Агранова, «специалиста по интеллигенции», под руководством эстета и полиглота Менжинского. Очень скоро окажется: организация-феникс вновь нахватала себе все мыслимые полномочия. И ведомство уже больше публично не критикуют.

Товарищу Агранову — только успевай поворачиваться.

В Москве в 1922-м уже полторы сотни частных издательств.

В журналах, вроде «Экономиста», авторы предлагают передать объекты промышленности в частные руки, отменить монополию внешней торговли и другие крамольные вещи. Некоторые пропагандируют буржуазное право, выступают против цензуры.

Вузовские профессора заговорили об автономии высшей школы.

В Петрограде и Москве врачи на нескольких съездах высказались за отмену смертной казни! Их-то кто спрашивал?

В мае 1922-го Всероссийский съезд геологов внес в резолюцию слова о «гражданском бесправии» всего русского народа, высказался за автономию высшей школы и отмену классового подхода при отборе студентов.

Разве могут советские врачи и геологи до такого додуматься? Им это подбрасывают меньшевики, «интеллигенты» от революции. Поэтому меньшевиков Ленин и другие руководители партии призывают готовить к высылке из страны. С недобитыми эсерами поговорят поостроже. Впрочем, те на суд истории нарываются давно.

«Специалисты по интеллигенции» принимаются за укрощение печати, театра, эстрады. Вот уже созданы Главлит и Главрепертком. Пришла в Советскую Россию мода на эксцентрические танцы — фокстрот, шимми, тустеп. И на танцплощадки придется захаживать представителям ГПУ. Почистили библиотеки от религиозных и контрреволюционных изданий. А вот со школьными учебниками на местах перегнули. Кое-где изъяли почти все. Из Центра последовало распоряжение: вернуть учебники до появления новых.

Но это не очень заметные пока процессы. Общее ощущение, что в стране политическая оттепель. В Москве и Петрограде нетрудно достать эмигрантские газеты и журналы, в частных издательствах выходят мемуары даже белогвардейцев. На родину, получив разрешение советского правительства, возвращаются тысячи эмигрантов. Рождается направление общественной мысли — сменовеховство. Для непримиримой эмиграции оно страшнее красной пропаганды. Полюбуйтесь-ка, говорят сменовеховцы, большевики добились того, о чем белая армия не могла и мечтать. За три-четыре года из руин собрана Единая и Неделимая. В комиссарах проявился дух самодержавия. Теперь объявлена новая экономическая политика. Надо возвращаться и сотрудничать с властью, пытаясь добиться ее нравственного перерождения. Может быть, и не удастся, но попробовать стоит.

Для белых сменовеховцы — предатели. Но и для Ленина и его единомышленников они — враги, из самых опасных, поскольку надеются «извратить» суть преобразований...

В этот исторический момент «философские пароходы» повезли из республики людей, которые с властью не боролись. Цвет дореволюционной мысли.

И этим неблагодарным делом вынужден заниматься председатель ГПУ Дзержинский. С его-то страстностью...

Глава сорок вторая. ПРЕВЕНТИВНОЕ МИЛОСЕРДИЕ

Громадьё планов и дерзание — в экономике, унтерпришибеевщина — во внутренней политике...

19 мая 1922 года Ленин пишет председателю ГПУ: «Тов. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее...» Вождь предлагает начать с «явного центра белогвардейцев» — авторов журнала «Экономист»: «В № 3 <...> напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все законнейшие кандидаты на высылку за границу». И далее:

«Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу».

17 июля, едва восстановившись после первого инсульта, вождь сердится, что задуманная им операция не закончена. Он пишет Сталину: «Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!»

Наверное, так и лучше было — без объявления мотивов... Троцкий назвал эту акцию в газетном интервью «превентивным милосердием». Большевики, сказал он, выдворяют из страны тех, кого в будущем при возникновении кризиса пришлось бы расстреливать.

Большинство из высылаемых ни одной минуты не вели борьбы с советской властью. На них стали фабриковать дела. «Следствие» в отношении философа Николая Бердяева сотрудник ГПУ Бахвалов завершает резолюцией: «С момента октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в момент внешних затруднений для РСФСР Бердяев свою контрреволюционную деятельность усиливал».

В наши дни книги о русской революции невозможно представить без цитат из трудов этого «антисоветчика». Защищает он и своих гонителей: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская

революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников... Ответственны за революцию все...»

28 сентября первая группа мыслителей, ученых, литераторов, общественных деятелей, оказавшихся опасными для новой России, отбыла на пароходе из Петрограда в Германию. На борту судна — философы Бердяев, Булгаков, Ильин, Франк, Степун, социолог Сорокин, математик Стратонов, историки Кизеветтер, Флоровский, литераторы Осоргин, Айхенвальд, биолог, ректор Московского университета Новиков... Каждому из них позволено взять с собой лишь самое необходимое: зимнее и летнее пальто, костюм (один), рубахи (две), простыня (одна)... Из ценных вещей не разрешено взять ничего, даже нательных крестов. Дома остаются библиотеки. Книги, рукописи к провозу запрещены.

Инициаторы расправы над незащитными людьми только что выиграли Гражданскую войну, выдержав натиск 14 держав, собрали страну, восстанавливают промышленность, успешно борются с голодом, беспризорностью, неграмотностью...

В Москву приезжают западные интеллектуалы, сочувствующие коммунизму. Некоторые пересекают границу с почти религиозным трепетом — перед ними открываются врата нового мира. Клара Цеткин из Москвы советует им, прибывая в пролетарскую Мекку, снимать башмаки. Немецкий поэт Макс Бартель восклицал: «Раньше я не понимал крестоносцев, целовавших землю, по которой ступал Спаситель, но сам я испытал на русской границе подобные же чувства».

Неожиданное и неприятное открытие для гостей... Русский Давид, победивший империалистического Голиафа, оказывается, боится. Чего? Иных мнений. Большевики в разговорах покафкиански осторожны. Они воздерживаются от утверждений, не санкционированных партией.

Бертран Рассел, английский философ, математик, считал Октябрьскую революцию явлением более значительным, чем французская. Рассел приехал в Россию в мае 1920 года, считая себя коммунистом. Около часа разговаривал с Лениным. Вождь Октября произвел на англичанина впечатление «крайне самоуверенного, несгибаемого ортодокса», чья сила основана на «религиозной вере в евангелие от Маркса». Ради своей веры русские коммунисты готовы «множить без конца невзгоды, страдания, нищету». Общение с теми, у кого нет сомнений, усилило в Расселе его собственные сомнения. Он заявил, вернувшись в Англию, что вынужден отвергнуть методы большевиков по двум причинам:

«Во-первых, потому, что цена, которую должно заплатить

человечество за достижения коммунизма, более чем ужасна. Во-вторых, я не убежден, что даже такой ценой можно достичь результата, к которому стремятся большевики».

Марксизм перестал быть предметом свободного исследования. И как только это произошло — потерял право называться научной теорией. Исповедующие такой марксизм совершают «интеллектуальное самоубийство», делает вывод Рассел в брошюре «Практика и теория большевизма».

Благожелательно настроенные гости не могут понять: почему русские коммунисты так нетерпимы к инакомыслию? Их успокаивают: это временно. Скоро все наладится.

Но не налаживается. В 1927 году итальянский коммунист Игнасио Силоне прибыл в Москву для участия в работе Исполкома Коминтерна. На одном из заседаний председательствующий предложил принять резолюцию, осуждающую письмо Троцкого в политбюро о провале революции в Китае. Итальянец попросил показать ему крамольный текст, но встретил всеобщее непонимание. Просветил его более искушенный товарищ из болгарской компартии. Какая разница, что в этом письме? Главное, за кого ты: за Сталина или за Троцкого. Силоне голосовать втемную отказался, после чего сам превратился во «врага». (Еще в 1922 году Александра Коллонтай сказала ему: «Если ты прочтешь в газетах, что Ленин приказал арестовать меня за кражу ложек из Кремля, это будет всего лишь означать, что я не полностью согласилась с ним по одному из второстепенных хозяйственных вопросов». Итальянец подумал тогда, что она шутит.)

* * *

ГПУ быстро пухнет, проникая в каждую клетку общества. Этот процесс шел бы и без Дзержинского, ибо определялся причинами общего характера. Однако Феликс Эдмундович в нем участвует. Не заметно, чтобы он испытывал при этом дискомфорт, наоборот, удовлетворен, что значимость его ведомства повышается. 5 сентября 1922 года председатель ГПУ в письме Уншлихту распоряжается продолжить «высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков в первую очередь) за границу». Чтобы не было сумбура в надзоре за интеллигенцией, Феликс Эдмундович предлагает всю ее разбить на группы, примерно: 1. Беллетристы. 2. Публицисты и политики. 3. Экономисты (с подгруппами). 4. Техники (с подгруппами). 5. Профессора и преподаватели и т. д. Сведения должны собираться

всеми отделами ГПУ и стекаться в отдел по интеллигенции. «На каждого интеллигента должно быть дело» (!). Правда, предостерегает Феликс Эдмундович, всю эту работу следует сводить не только к высылке, но и к выявлению тех из интеллигентов, кто готов без оговорок поддержать советскую власть. (А что это означает: «без оговорок»? А сама советская власть разве не обязана постараться понравиться в том числе интеллигенции?)

В январе 1923 года газета «Дни», издаваемая в Берлине, публикует статью «Пауки в банке». Под «банкой» подразумевался Наркомат путей сообщения, который в тот момент возглавлял Дзержинский. Феликс Эдмундович возмущенно обращается к Менжинскому:

«Необходимо за этими “Днями” установить неусыпное наблюдение, выяснить авторов этих статей и всех сотрудников, составить их списки с их биографиями, выяснить, с кем они связаны в России, их родственников и друзей, кто выписывает эти “Дни”, и начать против них беспощадные гонения, выгоняя их за границу. “Дни” должны почувствовать, что ГПУ еще живо».

Некоторые распоряжения Дзержинского ни за что не могли бы быть им отданы в 1918 и 1919 годах.

Летом 1921-го группа арестованных эсеров и меньшевиков направила во ВЦИК жалобу: «Тюремный режим — хуже режима царского времени: сидят без предъявления обвинения, нет прогулок, голодный паек, многие больны». Феликс Эдмундович не раз наставлял подчиненных, что условия содержания политических не должны иметь карательного характера. На этот раз он пишет Уншлихту: «Было бы большой ошибкой, если бы ВЦИК им ответил на это нахальство... Надо постоянно помнить, что эта публика хитра и думает о побеге».

* * *

Распоряжений в духе «присмотреть», «проследить» Дзержинский оставил немало. Не нужно быть знаменитым революционером, мужественным «солдатом великих боев», чтобы руководить такой спецслужбой, — управился бы и захолустный унтер Пришибеев.

Из спецслужб надо уходить вовремя...

К счастью для репутации революционера Дзержинского, в начале 1921 года ему поручили новую большую задачу. Он был направлен на восстановление промышленности.

Глава сорок третья. СОЮЗ ЧЕКИСТОВ И СПЕЦИАЛИСТОВ

Федор Степун в «Бывшем и несбывшемся» вспоминал, чего стоило ему суровой зимой 1918/19 года добираться до столицы из подмосковной деревни. В Москве он ставил в театре спектакль «Эдип» и вел занятия в театральной студии. А в деревне его семья спасалась от голода.

«Частые зимние поездки из Ивановки в Москву были сплошной мукой. Хотя поезд со станции уходил только в 10 утра, вставать приходилось уже в пять. Быстро одевшись в холодной комнате (градусов пять по Реомюру) и наскоро напившись при свете ночника — ни керосина, ни свечей не было — свекольного кофе с кусочком хлеба, я выходил часто с лопатой для расчистки снега в конюшню. За отсутствием воды на дворе, лошадь надо было вести к проруби в пруду. Запрягать приходилось ощупью в совершенно темном каретном сарае. Пока я запрягал, Наташа (супруга рассказчика. — С. К.) окончательно допаковывала уже накануне собранные вещи...

Зима 1918/19 года стояла на редкость суровая: снежная и вьюжная. На особо ветреных перекрестках иной раз почти доверху заметало телеграфные столбы. Плуг уже давно не расчищал шоссе. Встреча с обозом была несчастьем: свернуть было некуда, тощие лошади в объезд по целине не брали. Двадцать верст до станции мы тащились больше четырех часов.

Особенно запомнилась одна февральская поездка. Не проехав и часа, мы замерзли почти до бесчувствия: разламывало череп, рвало и жгло пальцы рук и ног. Все хорошие теплые вещи были уже давно обменены на продукты. На Троицкой горе, где над озером всегда особенно зло выл предрассветный ветер, выбившаяся из сил лошадь стала останавливаться и, наконец, совсем остановилась. Пришлось бросить её охапку сена и дать хоть с четверть часа отдохнуть... В то утро я подъезжал к станции почти что душевно больным человеком.

Перед станцией у розвальней сутилось и шумело множество народу. Протискаться в зал можно было только с величайшим трудом. Приехавшие спозаранку мужики вповалку спали на лавках и на полу. К кассе тянулся длинный хвост... Благодаря огарку и нескольким антоновским яблокам для кассирши, мы, как всегда, добыли билеты с заднего хода, вне очереди. Поезд, как обычно, опаздывал на несколько часов. Вовремя он ушел лишь однажды, опоздав ровно на 24 часа...

Звонок — спящие вскакивают, толпа стеною валит на платформу. С нечеловеческими усилиями, под ругань и насмешки “товарищей”, втаскиваем мы наши пожитки в высокий, нетопленный товарный вагон без ступенек и, с риском заразиться тифом или по меньшей мере набраться вшей, неподвижно вклиненные в толпу, едем два, а то и три часа 30 верст до Москвы».

И все эти испытания (удивлялся себе Федор Августович) — чтобы, добравшись до места работы, рассказывать двадцати слушателям об «Элефсин-ских мистериях и ложных принципах французского театра восемнадцатого века»!

...Той зимой на московских вокзалах каждый день с поездов снимали несколько сотен тел умерших от сыпного тифа.

* * *

Транспортный апокалипсис в России после Гражданской войны можно представить и в картинах, и в цифрах.

Развороченные мосты на деревянных срубках. Перекосы железнодорожного полотна. Кладбища разбитых вагонов и паровозов. Грязные развалины станций. Движение поездов по вдохновению, а не по расписанию. Хищения грузов, рост крушений. Заготовка сырых дров пассажирами. Так агонию транспорта описывает Глеб Кржижановский. За что хвататься, где решающее звено — шпалы или паровозы, топливо или служебный регламент? Четверо наркомов путей сообщения сменились за три года, самые известные из них — Красин и Троцкий. Просвета не видно.

В цифрах это выглядит так. За время военных действий разрушены 80 процентов железнодорожной сети, свыше 4 тысяч мостов, 400 мастерских и депо, вышли из строя около 60 процентов паровозов. На десятках линий полностью остановлено движение. Приведены в негодность и разграблены морские порты, потери флота превышают 80 процентов. Весной 1919 года из Одессы интервенты увели 112 торговых судов. С августа в городе полгода хозяйничали денкинцы. К приходу в Одессу Красной армии в порту имелся только один катер, более половины причалов оказались разрушены.

Ленин в начале 1921 года часами стоит у карты, размышляя, по каким маршрутам можно доставить грузы в Москву. А тут еще Кронштадтский мятеж, крестьянские восстания. Как будто от того, что переизберут Советы, удастся восстановить транспорт, экономику, покончить с голодом. Нужные решения приняты на X

съезде партии, провозглашена новая экономическая политика, осталось только ждать. Кто же после победы в войне будет отдавать власть?!

Когда в очередной раз жизненно важный для Москвы груз потерялся в пути, Ленин вызвал Дзержинского и предложил ему стать наркомом путей сообщения.

Феликс Эдмундович воодушевлен этим поручением. Он давно мечтает возглавить важное ведомство, помимо ВЧК. Через три дня новый нарком (его к тому времени уже утвердили) прибывает к Ленину с готовыми предложениями. Дальше обратимся к воспоминаниям Бонч-Бруевича. Он вновь оказался единственным свидетелем исторического события.

Большевики знают, как поступать, когда надо быстро справиться с какой-то проблемой. Их организационное оружие в таких случаях — «буржуазные специалисты». Выясняется, что если специалист по-настоящему ценен, то его политические взгляды, классовое происхождение не имеют никакого значения! Дзержинский называет, кого он хотел бы пригласить. Инженера Борисова, бывшего товарища министра⁵. Получив одобрение Владимира Ильича, Феликс Эдмундович по телефону дает чекистам распоряжение доставить инженера в Кремль. Да деликатно, не испугать! Предупредить, что не куда-то, а на разговор к Ленину. У Борисова больная жена — к ней надо послать врача. И дров им привезти, не топят у них.

Инженеру на квартиру послали доктора с сестрой милосердия, продукты, дрова, самоварные угли и даже уборщицу. Жена Борисова болела сыпным тифом и через несколько дней все-таки умерла.

Борисов в кабинете председателя Совнаркома. Тут же председатель ВЧК. Инженер одет бедно, но опрятно — готовился. Человек он старорежимный и ершистый, войдя к Ленину — демонстративно крестится. В тот момент он мог бы спеть «Боже, царя храни», это тоже не произвело бы на красных вождей никакого действия. Так их припекло.

Борисов не скрывает, что по убеждениям он октябрист, то есть монархист. Да какая разница! Главное, готов ли он работать по специальности? Еще бы, отвечает инженер, скучно без работы. Чтобы начать, ему нужны помощники. Он называет четыре фамилии. Правда, не знает, где они в данный момент находятся. По распоряжению Дзержинского чекисты быстро их отыскивают и тоже доставляют в Кремль. Уже назначенный заместителем наркома, Борисов обрисовывает план ближайших действий. Надо найти его старый вагончик с приборами — раньше стоял на Николаевской (после революции — Октябрьской) дороге. И в этом

вагончике, позволяющем выявлять гнилые шпалы, разошедшиеся рельсы, незакрепленные болты и прочие неисправности, отправиться изучать состояние путей. На станциях Борисов должен иметь право вызывать начальников и выяснять состояние их участков, вагонного и паровозного парков, ремонтных мастерских и прочего. Негодные кадры — увольнять.

По части вызвать и наказать — тут у большевиков все отлажено. Ленин и Дзержинский с пониманием кивают головами.

На следующий день Борисов и его помощники приступают к ревизии железнодорожного хозяйства. Особое внимание они обращают на узловые станции, где требуется навести порядок в первую очередь. Там на запасных путях простаивают тысячи вагонов, подвергающихся разграблению. В пакгаузах скопились срочные грузы. Сотрудники ВЧК, со своей стороны, выявляют криминальные сети, промышленяющие скупкой и продажей краденого. И уже скоро более четко начинают ходить пассажирские поезда, возрастает грузопоток. Союз чекистов и «буржуазных специалистов» творит чудеса!

Через два года по железным дорогам страны в день отправлялось в путь до 27 тысяч товарных вагонов, что соответствовало потребностям промышленности. Численность сотрудников наркомата сократилась почти на целый миллион, до 760 тысяч человек. Транспорт стал рентабельным. Дзержинский справился!

А что опять не так в воспоминаниях Бонч-Бруевича?

Феликса Дзержинского назначили наркомом путей сообщения 14 апреля 1921 года. А Владимир Дмитриевич работал управляющим делами Совнаркома до октября 1920-го, после чего возглавил частное издательство.

Глава сорок четвертая. ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

В 1921 году в республике разразился голод, какого и в войну не знали. Засуха поразила самые хлебобородные губернии с населением около 35 миллионов человек.

Немалые запасы продовольствия и семян скопились в Сибири. Их требовалось вывезти. Президиум ВЦИКа поручил эту задачу Дзержинскому.

5 января 1922 года нарком на своем поезде выехал в Сибирь. Его сопровождала группа примерно из сорока человек — специалисты Наркомата путей сообщения и сотрудники ВЧК. Многие воспринимали миссию Дзержинского как операцию по спасению республики от гибели в тисках голода. Он сам так к ней относился.

В поезде Феликс Эдмундович просматривает сводки с мест...

«Тюмень. Наблюдается недостаток семенного материала. Часть ссыпных пунктов разграблена. Положение воинских частей катастрофическое. Участились случаи ухода из партии красноармейцев. По приезде домой красноармейцы скрывают партийность.

Саратов. В Волжском и Заволжском уездах за неимением помещений жители ночуют на берегу Волги под лодками, где часто умирают от голода.

Уфа. Смертность от голода достигает 20 процентов. Голодные массы в количестве от 1 тыс. до 2 тыс. человек осаждают волисполкомы с требованием хлеба. В деревне Устюмово Белебеевского уезда голодной толпой избиты до полусмерти члены сельсовета.

Коммуна немцев Поволжья. Положение крестьян отчаянное: озимые и яровые посевы погибли, крестьяне едят траву из жмыха, режут последнюю скотину, растет эмиграция на юг Сибири. Настроение рабочих и служащих вследствие голода ухудшается с каждым днем.

Самара. За ноябрь и октябрь от голода умерли 663 ребенка. Крестьяне питаются травами, вследствие чего развивается холерная эпидемия.

Череповец. В некоторых уездах половина населения питается мхом.

Тамбов. В Козловском уезде от питания лебедой умер 41 человек.

Пермь. Положение Сарапульского уезда тяжелое. Замечается падеж скота. Разбираются соломенные крыши, в Такинской волости население к хлебу примешивает опилки».

...И отовсюду: семян! Семян! Иначе гибель.

«Тамбов. Разоренное в буквальном смысле крестьянство находится под постоянной угрозой бандитов и наших самоснабжающихся частей. В случае непредоставления крестьянству по ликвидации бандитизма семян, с/х орудий и конского состава, крестьяне окажутся в крайне критическом положении. Необходима срочная помощь центра».

...На почве голода поднимается волна бандитизма. И что особенно неприятно: воевать зачастую приходится с бывшими своими. Ряды восставших пополняют демобилизованные бойцы Красной армии.

«Тобольск. Со стороны Кургана движется банда в 1 тыс. человек, состоящая наполовину из красноармейцев.

Киев. Банда Богатыренко разбросана по четырем районам. Богатыренко носит буденовку с красной звездой, на шинели три ромба. Банда имеет шесть орудий.

Тюмень. Повстанческие банды, прорвавшиеся в районе Мокроусово, движутся в северо-западном направлении. По показаниям пленных, бандитская армия состоит из 8 тыс. человек при 2 тыс. винтовок, при пулеметах, достаточном запасе патронов. В Ишимском уезде ворвавшиеся банды производят аресты и расстрелы советских работников. Окруженные нашими частями бандиты численностью до 10 тыс. человек отстреливались артиллерийским и пулеметным огнем, бой длился около полутора суток. Бандитам удалось прорваться маленькими группами. Тобольск по-прежнему находится в руках повстанцев.

Тамбов. Банда в 1500 конных с пулеметами в селе Лукиловка окружила отряд т. Ефимова (340 штыков, три пулемета, одно орудие). После продолжительного боя на улицах деревни отряд был захвачен бандитами в плен. Приняты меры к освобождению отряда».

...Политические противники готовятся к реваншу. Эти не упустят возможности сыграть на промахах советской власти.

«Кострома. По губернии проходят уездные съезды Советов. Настроение на съездах бурное, резолюции коммунистов отклоняются. Эсеры на съездах пользуются большой симпатией.

Оренбург. Население считает коммунистов шкурниками.

Астрахань. Усиливается деятельность правых социалистических партий. На некоторых предприятиях количество эсеров превышает состав коммунистов. В уездах, охваченных бандитизмом, Советская власть не работает. Отмечены случаи бандитской работы членов Совета.

Псков. Замечается работа правых эсеров среди крестьян.

Среди молодежи наблюдается уклон к анархизму».

...Но кое-где просматриваются первые успехи новой политики, провозглашенной весной 1921 года.

«Тула. Рабочие из крестьян интересуются размерами продналога. Говорят, что если власть исполнит постановление X съезда, крестьянство пойдет на защиту Советской республики.

Тюмень. Настроение крестьян пригородных областей в связи с опубликованием декрета о продналоге улучшилось. Крестьяне обещают засеять всю землю и заставить работать лодырей.

Владимир. Бандитами в губревтрибунал прислано письмо с просьбой об амнистии.

Рязань. Отношение крестьян к продналогу доброжелательное. С начала кампании продуктов поступило 823 452 пуда».

...Значит, курс правильный. Надо дотерпеть, доставить продовольствие и семена любой ценой.

* * *

Вероятно, находясь под впечатлением сообщений, поступающих из губерний, охваченных голодом, «наркомпуть» отправляет своему заместителю Серебрякову письмо — из Новониколаевска, 1 февраля. В нем такие строки:

«Красная Армия, видящая, как сажают раздетых в подвал и в снег, как выгоняют из домов, как забирают все, разложилась. Необходимо прислать сюда товарищей, бывших в голодных местах, чтобы они рассказали красноармейцам ужасы голода, чтобы в их душах померкли ужасы продналога в Сибири и поняли, что так надо поступать. Иначе ведь армия наша крестьянская не вылечится от виденных ею образов».

Дзержинский рассказывает о методах, которые по отношению к крестьянам применяют отряды Наркомата продовольствия. И он их одобряет: «Так надо поступать»... Раньше в нем не наблюдалась такая черствость и жестокость по отношению к беднякам. Однако выводы делать рано.

Познавательнo бывает полистать сборник сводок ВЧК. Среди них обнаруживаем депешу Омской ЧК, отправленную в Центр 11 февраля. В ней в знакомых выражениях описываются методы продотрядов. Но теперь они решительно осуждаются! Можно считать, что это пишет сам Дзержинский, ведь он находится в Омске; мимо него это сообщение пройти не могло:

«Бесчинства продработников в губернии достигают совершенно невероятных размеров. Повсеместно арестованных крестьян сажают в холодные амбары, бьют нагайками и угрожают

расстрелом...»

И дальше — о том, как мужиков и баб избивали, бросали в снег, топтали лошадьми... Вывод: положение крестьян катастрофическое, они собирают милостыню, меняют имущество на хлеб. Эту практику надо немедленно прекращать.

Вероятно, увидел своими глазами и ужаснулся. К истории с письмом Дзержинского Серебрякову следует добавить финал для объективности.

...14 января нарком путей сообщений выступил с обращением к железнодорожникам Сибири:

«Продналоговая кампания в Сибири идет к концу. Хлеб и мясо подвезены к станциям для погрузки. Но задание республики по вывозке продовольствия из Сибири не выполняется. Хлеб сыпается в колодцы из прессованного сена и, если его не вывезти, может загореться и запылеть. В декабре грузилось и вывозилось меньше 20 процентов нормы. Опасность сгноить мясо на дороге заставила центр прекратить заготовку мяса. Рабочие и служащие железных дорог Сибири! От работы вашей зависит судьба всей республики. IX съезд Советов раскрыл перед страной бездну отчаяния голодающих Поволжья, где только один из 10 голодающих получает пока сколько-нибудь достаточную помощь; от вашей работы зависит накормить еще 9...»

Как почти всегда бывает с Дзержинским, выехав в командировку, он принимает решение задержаться. «Среди моих товарищей и сотрудников заметно желание вернуться поскорее, — сообщает он жене. — Их измучила непрерывная работа и оторванность от семей. Я должен был обратиться к ним с напоминанием, что Москва ожидает не нас, а хлеб от нас».

Нарком и специалисты из его группы формировали железнодорожные составы, обеспечивали ремонт путей, очистку их от снежных заносов. Лучших путейцев поощряли выдачей обмундирования, которое привезли с собой аж в четырех вагонах. За два месяца в Поволжье и промышленные центры республики они отправили два с половиной миллиона пудов продовольствия. Меньше, чем предполагали, но все-таки.

В Сибири Феликс Эдмундович сделал для себя одно открытие. Оказывается, «буржуазные специалисты», с которыми он трудился в одной команде, могут работать не только качественно, но и самоотверженно, истинно по-большевистски. И не обязательно им для этого совать наган под ребро. Незадолго до возвращения он сообщал жене: «Мы сжились друг с другом... И я вижу, как здесь без комиссаров и специалисты становятся иными. Институт комиссаров у нас в НКПС уже изжил себя, и надо будет ликвидировать его поскорее».

Действительно, службу комиссаров, оставшуюся в НКПС со времен Гражданской войны, уже в марте 1922 года упразднили.

* * *

Поднять на должную высоту одну отрасль народного хозяйства, не развивая других отраслей, нельзя. В этом убедился «наркомпуть» Дзержинский. Пытаясь организовать производство средств транспорта, запасных частей, он часто бывает на металлургических предприятиях в Донбассе. К концу 1923 года Феликс Эдмундович считается специалистом в области металлургии, ключевой тогда отрасли промышленности. Поэтому его назначение на еще более важный хозяйственный пост не станет случайным.

Глава сорок пятая. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Безусым юношей Феликс Дзержинский писал сестре Альдоне:

«Собственных детей я не мог бы любить больше, чем несобственных. В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношу с ним, и нам хорошо».

Думы о сыне, племянниках смягчали суровость его души. Из Московской губернской тюрьмы в мае 1916 года он обращался к «милому Ясику»:

«Я получил твои слова, которые ты мне послал с Губель, с высокой горы. Они, как маленькие птички, летели ко мне и долетели. Они теперь со мной в камере моей. Да, мой милый, когда я вернусь, мы пойдем и на еще более высокую гору, высоко, высоко, туда, где тучи ходят, где белая шапка снега покрывает верхушку горы, где орлы выют свои гнезда. И оттуда будем смотреть вниз, и вся жизнь будет перед нашими глазами. Мы будем слушать всю музыку — и пчел, и цветов, и деревьев, и птичек, и звон колокольчиков, а потом дома будем слушать, как мамуся играет; а мы будем тогда тихо сидеть и молчать, чтобы не помешать, — только слушать».

Но то, что хорошо знали близкие Феликса Дзержинского, стало неожиданностью для многих его товарищей по борьбе.

В январе 1921 года нарком просвещения Луначарский в своем кабинете не без тревоги ожидал визита председателя ВЧК. О чем Феликс Эдмундович захотел с ним поговорить? Сейчас выяснится: опять кого-то в Наркомпросе заподозрили в связях с контрреволюционерами... Оказалось не то.

Дзержинский говорил торопливо и сбивчиво, как обычно в минуты волнения:

— Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное сил ВЧК, на борьбу с беспризорностью. Нужно создать при ВЦИКе широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства. Наш аппарат один из самых четко работающих. Я хочу сам стать во главе этой комиссии.

Охрана детства — в ведении Наркомпроса. В комиссариате есть соответствующий отдел, который возглавляет Анна Елизарова-Ульянова, сестра Ленина. Луначарский обрадован: это замечательно! Еще одна структура займется спасением детей от беды. Тем более — такая мощная и авторитетная. Неожиданное сочетание, конечно: ВЧК и благотворительность. ..

27 января 1921 года при ВЦИКе учреждается Комиссия по улучшению жизни детей. Дзержинского назначают ее

председателем. В тот же день губернские ЧК получают перечень новых обязанностей чекистов. Отныне им полагается информировать местные органы власти о состоянии детских учреждений и ситуации с беспризорностью. Контролировать выполнение декретов о питании и снабжении детей. Содействовать властям в подыскании зданий для таких учреждений, проведении ремонта, снабжении топливом. Транспортным ЧК — взять под защиту беспризорников на вокзалах и в поездах.

Известно, как военные люди реагируют на распоряжения, которые им не совсем понятны. Берут под козырек. Назначают ответственных. Начинают изображать деятельность, выжидая. Улучшать жизнь детей — тут нужно призвание, по команде с этим не справишься. Однако некоторые чекисты на местах действительно отнеслись к поручению Дзержинского с душой.

Что дело серьезно, вскоре почувствовал председатель Тамбовской губчека Левин. На него Феликсу Эдмундовичу пожаловалась местная власть. И следует уникальное в своем роде распоряжение:

«Занятый особотделом отремонтированный дом передать под детскую больницу, а также отведенные огороды. Вопрос улучшения жизни детей — один из важных вопросов республики, и губчека должна идти всемерно навстречу, а не ставить препятствия».

Сотрудников правительственного учреждения (более того: спецслужбы) выгнали из отремонтированного дома и передали его под детскую больницу — такое будет ли еще когда-нибудь?!

Дзержинский возглавлял деткомиссию около двух лет. Ему пришлось заниматься переселением детей из голодающих губерний в более благополучные. Например, только из Поволжья на Украину, в Сибирь и в другие регионы во время голода сумели вывезти до шестидесяти тысяч детей. К концу 1921 года в приютах, коммунах и подобных им учреждениях воспитывалось свыше полумиллиона бывших беспризорников. На эти нужды обычно передавались особняки, отобранные у «буржуев». В ноябре 1923 года Феликс Эдмундович ввиду занятости попросил освободить его от обязанностей председателя деткомиссии. Эту должность занял нарком внутренних дел Александр Белобородов. (Да, тот самый, причастный к убийству царских детей в июле 1918-го в Екатеринбурге. Мороз по коже...)

Весной 1924 года в районе станции Болшево по Северной железной дороге под Москвой появляется первая в стране трудовая коммуна несовершеннолетних правонарушителей. Коммунары шьют обувь на собственной фабрике, строят дома,

трудятся в ремонтных мастерских. Здесь самоуправление — охраны нет. Старшие воспитанники, «перековавшиеся», ездят в Москву и привозят с собой маленьких бродяг. Коммуна уже при жизни Дзержинского стала носить его имя.

А вслед за болшевским подобные учреждения начали появляться по всей стране. Под Харьковом местные чекисты на собственные средства создали еще одну коммуну имени Дзержинского. В ней трудился знаменитый советский педагог Антон Макаренко. После Гражданской войны в стране насчитывалось свыше пяти миллионов беспризорных детей. К середине 1930-х годов с беспризорностью в Стране Советов было покончено.

К Дзержинскому в ОГПУ в 1925—1926 годах приходило множество писем от коммунаров и воспитанников детских домов. Некоторые фотографии в рамках стояли на его рабочем столе рядом со снимком сына Ясика. Феликс Эдмундович гордился этой почтой.

Поздний вечер 1921 года. Холодно. Председатель ВЧК (а в то время и нарком путей сообщения, и нарком внутренних дел) направляется в машине в свой кабинет на Большой Лубянке. На Мясницкой улице приказывает шоферу Тихомолу остановиться. Подходит к одному из котлов, в которых днем варят асфальт, вытаскивает оттуда трех беспризорников. Везет их в здание ВЧК. Через несколько часов шофер, отвозя Феликса Эдмундовича домой, интересуется у него, что с ребятами. Слышит ответ:

— Отвел в свой кабинет, накормил. Они согласились пойти в детский дом, а сейчас спят в одной из комнат ВЧК.

Глава сорок шестая. НЕДООЦЕНЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

2 февраля 1924 года Держинского решением ВЦИКа назначают председателем Высшего совета народного хозяйства СССР.

ВСНХ курирует в Советском Союзе промышленность. Орган исключительно важный. Здесь идут яростные споры о будущем страны. Сложились два непримиримых лагеря. С одной стороны, левые коммунисты, считающие нэп ножом в спину революции. С другой — страшно сказать — бывшие меньшевики и даже кадеты, ставшие «беспартийными» (леваков этой уловкой не проведешь — контра она и есть контра).

Но пока ветер дует в паруса правых. В 1923 году новая экономическая политика начинает приносить уже заметные плоды. Успокоилось крестьянство. Завершается денежная реформа: на смену сов-знакам, исчислявшимся квадриллионами, приходит твердый, обеспеченный золотом червонец. Без «спецов» при такой политике не обойтись, в денежной реформе очень заметное участие принимал бывший кадет Кутлер. И руководить таким органом назначен председатель ОГПУ...

* * *

Значительная часть обязанностей «наркома промышленности» — создание новых производств и восстановление старых. Секрет Феликсу Эдмундовичу уже известен: опора на «специалистов». Вот один из примеров того, как он действует.

Инженер-энергетик Танер-Таненбаум из Германии изъявил желание поработать в Советской России. Он родом из Варшавы, на квартире его родителей когда-то прятался от охранки социал-демократ Юзеф. Инженер обращается непосредственно к Держинскому; получает приглашение и в начале апреля 1924 года пересекает границу СССР.

Переждав в ветхом здании пограничной станции, похожем на сарай, специалист садится в вагон с разбитыми стеклами. «Здесь была Гражданская война», — с пониманием отмечает он. Но и вид Москвы, где войны не было, приводит его в смятение. У Кремлевской стены на месте строящегося деревянного мавзолея возвышаются леса... Набережные — ухабистые, запущенные, вдоль

зубчатых стен лежит мусор...

Из бюро пропусков Троицких ворот инженер звонит Дзержинским. Софья Сигизмундовна (Феликс Эдмундович на работе) предлагает гостю остановиться у них. Семья председателя ВСНХ занимает три небольшие комнаты в конце темного и узкого коридора.

В час ночи появляется Дзержинский — в красноармейской шинели, фуражке. Поужинали хлебом, яичницей и чаем. В беседе, продолжавшейся два часа, Танер-Таненбаум указал на слабое место плана ГОЭЛРО: в нем говорится только о строительстве электростанций, и ничего — о тепловых станциях, а ведь в тепле нуждаются и промышленность, и население. Так определилось поле работ для инженера. Вскоре он возглавил в ВСНХ подразделение, которое занялось развитием теплосилового хозяйства.

Сам Феликс Эдмундович озабочен строительством основных объектов того времени — металлургических, Волховской ГЭС в Ленинградской области, при нем же начнется подготовка к строительству Днепровской ГЭС. Но запомнится специалистам ВСНХ он все-таки не этим.

* * *

Одно из наиболее подробных свидетельств о том, каким «наркомом промышленности» был Феликс Дзержинский, оставил Николай Валентинов (Вольский). Профессиональный журналист, экономист, Валентинов в 1923—1928 годах редактировал «Торгово-промышленную газету», печатный орган ВСНХ. Он имел возможность близко наблюдать Дзержинского. В 1931 году Валентинов эмигрировал во Францию. Уже после Второй мировой войны он выпустил книгу «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина».

Валентинов на страницах своего труда представляет нескольких специалистов, бывших меньшевиков (как и сам автор), на которых стал опираться в ВСНХ Дзержинский.

А. М. Гинзбург — заместитель начальника Главного экономического управления, экономист-плановик, создавший «первый черновой набросок» пятилетнего плана. Без Гинзбурга, человека огромной работоспособности, не обходится ни одно серьезное совещание, в любое время он на месте, готов дать руководству необходимые объяснения и цифры.

А. Л. Соколовский — один из ценнейших работников того же управления, начальник отдела торговой политики, председатель

бюро цен. Под редакцией Соколовского выходят важные работы по калькуляции себестоимости отраслей промышленности. Дзержинский их читает и высоко ценит. Соколовский по-прежнему «пропитан меньшевизмом», для него идеалом в политике остается Юлий Мартов.

А. Б. Штерн — финансист. Своеобразны мотивы, по которым этот человек иступленно трудится на всех своих должностях при советской власти — на Украине в Наркомате продовольствия, затем в Москве в Наркомате финансов. Победу Октября Штерн воспринимает как «Божье наказание за общие грехи». Он считает себя обязанным сотрудничать с властью, надеясь, что она изменится в лучшую сторону.

Главный статистик ВСНХ Л. Б. Кафенгауз «превосходно поставил обработку сведений, поступающих от трестов и предприятий». Возглавляемый им отдел публикует детальные месячные и годовые отчеты о состоянии народного хозяйства. Все это значительно облегчает управление промышленностью. (Добавим, что в прошлом Кафенгауз участвовал в разработке программы экономического возрождения России для... подпольного Национального центра. Вот какого «спеца» пригласил председатель ОГПУ.)

Вместе с этими специалистами и подобными им Феликс Эдмундович оберегает ленинское наследие, нэп, от атак левых коммунистов. А в чем суть этого противостояния?

* * *

Одно из главных внутренних противоречий новой экономической политики получило название: «ножницы цен».

Термин Троцкого. В апреле 1923 года на XII съезде партии Троцкий сделал программный доклад. Он наглядно на диаграмме продемонстрировал две расходящиеся кривые, отражающие изменение цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Эти ножницы режут ткань советской экономики, сказал докладчик. Продавая дешево свою продукцию, деревня не имеет возможности покупать продукцию города. Возникает кризис сбыта промышленных товаров. Предприятия не имеют средств на развитие. За счет чего же проводить индустриализацию? (Ситуацию усугубил заместитель председателя ВСНХ левак Пятаков, давший летом 1923 года директиву трестам и синдикатам стремиться к наибольшей прибыли. Они взвинтили цены. Лезвия «ножниц» еще больше разошлись.)

Дзержинский пытается преодолеть кризис, следуя советам

экономистов-рыночников. Он ставит цель: уменьшить себестоимость продукции и добиться снижения розничных цен на промышленные товары, чтобы они стали более доступными для населения, прежде всего сельского. Глава ВСНХ проводит кампании по повышению производительности труда, снижению оптовых цен, за режим экономии, укрепление дисциплины на производстве. Не все удается, но политика — разумная. Это подтверждают и современные исследователи, например специалист по истории народного хозяйства СССР, профессор МГУ Вера Погребинская.

Дзержинский очень озабочен насыщением широкого рынка промышленной продукцией. Не забывает и о мелочах. Вновь слово бывшему редактору «Торгово-промышленной газеты»:

«Насколько чутко относился Дзержинский к снабжению металлом “широкого рынка”, может свидетельствовать следующий маленький пример.

Зимой 1925 г. я ехал на вокзал на санях извозчика. Их — извозчиков — было множество в довоенной Москве, в советское же время остались очень немногие, имели они самый жалкий вид и все-таки упорно держались за свою профессию. Была гололедица, лошадь все время скользила и два раза упала, чуть не сломав оглобли. Заставляя кнутом лошадь подняться, извозчик сказал:

— Бью ее, а она совсем не виновата. Как ей не падать, когда все подковы истерты.

— Что же вы их не сменяете, не ставите новых? — спросил я.

Извозчик, поворачиваясь ко мне, сердито буркнул:

— Для вас, гражданин (прежде сказал бы — барин!), это дело простое. А для меня поставить новые подковы совсем не просто. За подковку лошади на все четыре ноги теперь нужно потратить целое состояние. И ждать иногда недели, пока кузнецы добудут металл».

Этот случай редактор вспомнил, когда газете потребовалось осветить тему насыщения металлопродукцией «широкого рынка»:

«Кузницы в Москве помещались на ее окраинах, у больших шоссе и дорог. На окраинах жили и извозчики. Я послал в эти места трех репортеров “Торгово-промышленной газеты” (помню, один из них был прокурором суда в царское время) для анкеты, для опроса кузнецов и извозчиков. Анкета обнаружила, что подковка лошадей, бывшая простейшей операцией в прежнее время, в 1925 г. стала действительно сложным делом. Металла кузнецы не имели. Государственные организации им в нем отказывали. Им приходилось разыскивать для трансформации изношенный металл или прибегать к черному рынку,

уворовавшему откуда-то металлу и платить за него много. Это и всякие налоги делали подковку стольдорогой, что некоторые извозчики и приезжающие окрестные крестьяне ограничивались подковкой только передних ног лошадей. В провинции, в маленьких городишках было еще хуже. Там во многих местах совсем прекратили подковку лошадей, что на тяжелых, крытых булыжником мостовых приводило к уродованию копыт. Словом, вопрос о подковке лошадей из крошечного делался большим, если принять во внимание, что значительная часть транспорта того времени была гужевой, лошадиной».

В печатном органе ВСНХ появляется материал о проблемах, связанных с подковкой лошадей. Основной вид транспорта в стране не обеспечен важнейшими «запчастями»! Феликс Эдмундович вызывает редактора, он очень доволен публикацией:

«Встретившись с ним, я впервые увидел какие-то веселые искорки в его холодных, суровых, стеклянных глазах, взгляда которых многие так боялись.

— Анкета замечательная! — сказал он мне. — Целый кусок жизни она приоткрыла... Сегодня же приказал Главметаллу заняться вопросом о снабжении кузнецов металлом».

Эмигрант, бывший меньшевик Николай Валентинов отзывается о «наркоме промышленности» Дзержинском почти восторженно.

В зарубежном органе меньшевиков «Социалистический вестник», в Берлине, в конце 1920-х годов появились такие строки:

«Жутко стало, когда во главе ВСНХ стал Дзержинский. А теперь спецы, вплоть до бывших монархистов, готовы памяти Дзержинского панихиды служить».

Феликс Эдмундович оказался хорошим руководителем промышленности. Ничего удивительного в этом нет. Природа наделила его способностями к точным наукам и цепкой памятью. По всему складу своего характера он был предрасположен к решению четко очерченных, конкретных задач. Дзержинский-руководитель способен к обучению, нацелен на результат, самоотвержен, бескорыстен и главное — стремится окружить себя специалистами. Он «бесследно растворяется» в деле, которое выполняет, по словам Троцкого. Важно, чтобы дело того заслуживало...

Советские биографы Дзержинского о его достижениях на посту председателя ВСНХ говорили, как правило, сдержанно. Основное, за что он бился, оставалось малоизвестным. И это объяснимо. О коротком периоде «государственного капитализма»,

оборвавшемся в 1928 году, в СССР предпочитали не вспоминать. Само словосочетание «рыцарь нэпа» (применительно к Дзержинскому — точное) звучало бы нелепо. «В ВСНХ ждали грозного председателя ВЧК-ОГПУ, а пришел совсем не страшный, скромный, интеллигентный руководитель, постоянно заявлявший, что ему надо многому учиться» — на это обычно налегали.

Руководство промышленностью — самое значительное из того, чем занимался Феликс Дзержинский после Гражданской войны. Эта роль ему лучше всего подходила в мирное время.

* * *

Но кое о чем Валентинов и другие специалисты ВСНХ знать не могли. Не отпускали Феликса Эдмундовича его обязанности по линии ОГПУ.

Из воспоминаний чекистов, работавших в то время с Дзержинским, видно, что он находился под их постоянным давлением. Они непрестанно «атаковали его по поводу каких-нибудь меньшевиков», — писал Менжинский. Но слышали ответ: «Оставьте их в покое, пусть они работают, я сужу о них по их работе». Дзержинский верил, что он сможет сдерживать напор жаждущих расправы над «какими-нибудь меньшевиками». Когда его не стало, материалам дали ход.

Более того! Опыт работы в промышленности некоторым чекистам пригодился. Менжинский: «Когда переменялась обстановка и запахло интервенцией и целый ряд инженеров занялся вредительством, то открыли его на шахтах и в НКПС два товарища, взятые Дзержинским на работу в ВСНХ и вернувшиеся к нам».

Потрудились на благо промышленности, набрали информацию и со знанием дела отправили бывших коллег в тюрьму, а затем и на тот свет. Такие «два товарища»... Наверняка позднее отправились следом...

Менжинский откровенничал в 1931 году:

«Когда Феликс Эдмундович был Наркомпути, ОГПУ раскрыло контрреволюционную организацию, ставившую себе целью свержение Советской власти. Задача была ей явно не по зубам, но участники уже поделили между собой министерские портфели. В преемники Дзержинского после переворота намечали одного из крупных инженеров НКПС Полозова. В головке организации имелся еще один крупный инженер-путеец, профессор-плановик Велихов, член ЦК кадетской партии. Дзержинский долго следил

за развитием дела и, когда оно стало ясно, сказал с милой улыбкой: “Дайте я вызову к себе моих инженеров и поговорю с ними”».

Спасители Отечества из ОГПУ, конечно, огорчены: столько трудов пропало! Прощайте, именные пистолеты и поощрения! Глава ведомства объясняет им, почему не следует трогать специалистов: «Люди крупные, жаль терять, я их переломаяю».

Достаточно оказалось поговорить с контрреволюционерами, чтобы их «переломать», убедить отказаться от идеи переворота. Да, серьезный заговор составили железнодорожники. Несомненно, Дзержинский изначально понимал, что его подчиненные делают из мухи слона — шьют дело из каких-то, наверное, застольных разговоров, обычного трепа в курилках. Он полагал, что сможет держать их под контролем. Перед тем как нанести удар по специалистам, они придут к нему...

...Однако этих «товарищей» надо было бы не отпускать с милой улыбкой, а привлечь к ответственности как людей, представлявших огромную опасность для общества. «Дела» не горят — выяснится очень скоро.

Глава сорок седьмая. ...А ПАРАЗИТЫ НИКОГДА!

«Поправев» на хозяйственных должностях, Феликс Эдмундович сохранил прежнее нетерпимое отношение к лицам, ведущим паразитическое существование. У него появились дополнительные причины их ненавидеть. Эти спекулянты, тунеядцы и мошенники порочат идею нэпа. Они кажутся его неизбежным порождением. А это не так! Дзержинский в это верит.

Слова «нэпман», «нэпист» он обычно употребляет в уничижительном значении, подразумевая: «рвач», «накись нэпа». Феликс Эдмундович стыдит одного из чекистов, попросивших у него высокооплачиваемую должность в Наркомате путей сообщения:

«Меня смущает высота оклада, которую Вы требуете — 500 миллионов. Я все-таки привык в Вас видеть чекиста, а не нэписта, который думает не только о себе, но и о будущем своих внуков и наследников. И Вам после стольких лет работы в ЧК как-то не к лицу занимать нэповские позиции. Не согласились ли бы Вы быть у меня для поручений? Первая задача, которую мне хотелось бы Вам дать, это изучение постановки транспортно-экспедиционного дела и нахождение мер успешной борьбы со взяточничеством».

В октябре 1923-го Феликс Эдмундович пишет секретарю ЦК ВКП(б) Сталину, что одним из немаловажных факторов, вздувающих цены на фабрикаты, являются злостные спекулянты, которые своей профессией избрали вздувание цен (особенно валюты) и опутывание своими махинациями трестов и кооперации. Они съезжаются в Москву со всех концов СССР, овладевают рынками, черной биржей. Метод их действия — подкуп и развращение. Живут они с полным шиком. Для них при квартирном голоде в Москве всегда вдоволь шикарнейших квартир. Это тунеядцы, растлители, пиявки, злостные спекулянты...

Председатель ВСНХ, как уже отмечалось, видит свою стратегическую цель в том, чтобы сделать доступными для населения, прежде всего крестьянства, промышленные товары. Для этого добивается резкого снижения оптовых цен в ряде отраслей. По науке все правильно. Но такие механизмы в нашей стране почему-то не работают и ныне, не сработали они и тогда. Например, сколько ни снижали оптовые цены в трикотажной промышленности, ситец на прилавках дешевле не становился.

Почему? Потому, что между производителем и потребителем стоят посредники — «паразиты». Они набивают свои карманы и развращают советских хозяйственников. Дзержинский в гневе — надо нанести по ним удар. Иначе прощай, идея индустриализации, все кончится торжеством левых, сворачиванием нэпа. Призывая к репрессиям в отношении «накипи», Дзержинский пытается спасти хрупкий советский рынок!

Феликс Эдмундович предлагает в письме Сталину расширить практику высылки из Москвы злостных спекулянтов (их уже высылают в административном порядке). «Уверен, — пишет он, — что в месячный срок мы оздоровим Москву от этих элементов, и что это скажется, безусловно, на всей хозяйственной жизни».

Но спекулянтов в столице меньше не становится. Ни через месяц, ни позже.

В декабре 1923-го в обращении к москвичам Феликс Эдмундович разъясняет, кого высылают (ОГПУ — исполнитель, решения принимают в Моссовете):

«Всего по сей день арестовано 916 человек. Среди высылаемых торговцев спиртом — 110, шулеров и аферистов — 156 человек, контрабандистов ценностей, валютчиков и пр. — 120 человек, лиц без определенных занятий, занимающихся ростовщичеством и пр., — 453, торговцев кокаином — 24, содержателей притонов — 53. ОГПУ указывает, что те, кто ведет соответствующие законам СССР торговые и производственные дела, могут совершенно спокойно продолжать их, не опасаясь никаких преследований и высылки».

В начале 1924 года протестовал против высылки из Москвы большого количества обывателей-евреев глава еврейской общины известный пианист Давид Шор. В январе он организовал коллективные письма протеста руководителям Совета труда и обороны и ОГПУ, назвав январскую высылку «вторым изгнанием евреев из Москвы» (подразумевалось, что «первое изгнание» имело место в 1891 году). Председателю СТО Рыкову Дзержинский дал разъяснение: было арестовано 1290 человек и половина из них выслана. Евреев среди подвергшихся такому наказанию — 47 процентов. В согласии с директивой ЦК партии высылались валютчики, комиссионеры-посредники, спекулянты, дельцы черной биржи и другие лица, в основном из «пришлого еврейства». «На каждого из арестованных и высланных с семьями заводилось следственное дело, проверялся агентурный материал. Дело рассматривалось с участием прокуратуры, обнаруженные ошибки немедленно устранялись. При высылке учитывалось время проживания в Москве, род занятий, судимость».

Шор же получил ответ, что карающая рука пролетарской власти не знает ни эллина, ни иудея. 47 процентов евреев среди выслаемых, по мнению Дзержинского, — нормальная пропорция, учитывая, какие категории «паразитических элементов» подверглись репрессии. Феликс Эдмундович попросил своего секретаря Герсона передать главе общины:

«Если бы я был еврейским патриотом, я бы первый требовал решительной борьбы с теми евреями, которые своей злостной спекуляцией и вздутием цен порождают антисемитизм и своей жадной наживы дискредитируют тот строй, который дает освобождение всем угнетенным национальностям, и я бы требовал, чтобы прежде всего покарали моих сородичей, нарушающих интересы широких масс. Ведя борьбу с такими элементами среди еврейского населения, мы ведем тем самым борьбу с антисемитизмом».

Шора логика не убедила. Он подготовил список лиц, высланных, по его мнению, без оснований. И отправил его в ОГПУ. Дзержинский поручил проверить эти сведения. Ему доложили:

— Шик — известный валютчик-биржевик, более года поставлял платину иностранцам. Агаркан, известный органам ВЧК с 1920 года под прозвищем «Сейфовик», занимался вскрытием сейфов; последнее время является крупным ростовщиком и работает с ценностями на черной бирже, нечестно нажил капитал около пяти миллионов рублей золотом. Шафран — крупный ростовщик, работал на черной бирже, не платил налоги, имел фиктивное удостоверение о службе в одном из учреждений. Ашкина-зер — валютчик, занимался скупкой платины...

Феликс Эдмундович еще раз убедился, что ОГПУ редко ошибается. Он с раздражением сообщил Шору:

«Вы прислали мне ходатайства на лиц, являющихся наиболее злостными валютчиками, платинщиками и ростовщиками. Считаю, что в данном случае имела место попытка ввести меня в заблуждение, впредь отказываюсь принимать от Вас какие бы то ни было ходатайства».

...«Паразитов» в столице меньше не становится. В марте 1926-го Дзержинский поручает руководителям ОГПУ подготовить письмо в ЦК с предложением применять к спекулянтам такие меры, как:

«1. Выселение из крупных городов с семьями 2. Конфискация имущества и выселение из квартир. 3. Ссылка с семьями в отдаленные районы и в лагеря. 4. Издание и развитие законов против спекуляции. 5. Наказание судом...»

«Наказание судом» — лишь в пятом пункте этого перечня.

Впрочем, последнее по времени поручение Дзержинского, направленное на усиление борьбы с «паразитами», несколько иного рода. 2 июня председатель ОГПУ пишет одному из своих подчиненных, Дейчу:

«Просьба разработать проект законодательного постановления для борьбы со служебными преступлениями и спекуляцией в торговле как государственной и кооперативной, так и для частных. Это постановление должно предусматривать кары как по суду, так и административные (в порядке предоставления прав исполкомам издавать обязательные) постановления с установлением штрафов и высылки) за нарушение правил торговли, за незаконную перепродажу и торговлю, за вздутие цен (даже без “злостности”) и т. д. Надо изучить наш кодекс, изучить методы спекулянтов и дать такие формулировки, чтобы наши суды могли вести борьбу и со спекуляцией, и с теми, кто их питает».

Тут речь идет уже о судебном преследовании спекулянтов и их пособников. Автор этого распоряжения не был потерян для правового государства.

* * *

Сам Феликс Эдмундович в отношении к материальным благам — тот же, что и в прежние годы. Это знают и друзья его, и враги. Он внимательно следит, чтобы ни малейшее пятно не легло на его имя.

В апреле 1919 года председатель ВЧК отправил сестре Альдоне вещи, которые он привез из их имения, с припиской:

«Посылаю тебе вещи из Дзержинова. Очень массивные ценности были конфискованы согласно нашим законам. Я знаю, что эта конфискация фамильных ценностей огорчит тебя, но я не мог иначе поступить — такой закон у нас о золоте».

В один из голодных месяцев революции Ядвига Эдмундовна решила к приходу брата напечь для него оладьев. Муку достала у спекулянта. Увидев перед собой тарелку с оладьями, Дзержинский поинтересовался: «А не у мешочника ли ты купила муку?» Сестра созналась. Угощение полетело в форточку.

В 1923 году Ядвига Эдмундовна просит своего влиятельного брата, возглавляющего два наркомата и спецслужбу, устроить ее мужа на работу. Получает ответ:

«Любимая Ядуня! Должность (работу) твоему мужу дать не могу. Конечно, вам не очень сладко, поскольку твоя зарплата 300

рублей. Вероятно, смогу давать ежемесячно около 200 рублей».

В другом письме того времени Дзержинский рассказывает о доходах своей семьи:

«Я свожу концы с концами, ибо обеды с ужинами и квартира очень дешево в Кремле расцениваются, и притом жена тоже зарабатывает при одном ребенке. Кроме того, нет расходов на передвижение».

Весной 1926-го экономного и целомудренного Дзержинского избрали председателем Общества друзей советского кино. Видимо, киношники вскоре поняли, что приобрели не только «друга». Феликс Эдмундович предложил наметить меры «по увлечению сниматься», чтобы сэкономить средства и материалы. Кроме того, направил запрос в ОГПУ:

«Мне передавали, что в кино господствуют прямо неслыханные нравы режиссеров по отношению к артисткам. Так ли это?»

Для многих революционеров, ставших чиновниками, скромность в быту — из области воспоминаний. Наркома Луначарского нередко под утро выносят из шумных артистических клубов и погружают на извозчика. Руководитель революционного трибунала Николай Крыленко удобно устроился в роскошном особняке в Георгиевском переулке. К суровому обвинителю за разрешением на выезд за границу пришла княгиня Татьяна Куракина. Из ее воспоминаний:

«Когда я увидела анфиладу гостиных и через открытую дверь в столовой — шкаф, наполненный чудным серебром князей Голицыных, с голицынскими гербами, мне, право, захотелось смеяться. Эти господа, не только отбирающие у нас дома и все, что мы имеем, но притесняющие нас даже тогда, когда мы перебираемся в сырые подвалы, — эти господа не стесняются водворяться в наши дома, есть на нашем серебре и жить совершенно в противоположность тому, что они проповедуют».

О Дзержинском подобного никто сказать не мог. В каких условиях он жил? Это можно представить. В октябре 1925 года Феликс Эдмундович направил хозяйственникам ОГПУ просьбу выполнить мелкий ремонт в его кремлевской квартире: обить двери, выходящие в коридор, чтобы не дуло и не было слышно разговоров; устранить щели в форточках; отрегулировать отопление; осмотреть треснувшую печь; поменять рваные занавески на окнах; ну, и чтобы копать в комнаты не попадала...

Глава сорок восьмая. О ЛИБЕРАЛЬНОЙ КАНИТЕЛИ

Они так и не вернулись с Гражданской войны...

Феликс Эдмундович Дзержинский всю жизнь учился. Экономику промышленности освоил он настолько, что лично, вооружившись карандашом и блокнотом, проверял выкладки и важные цифры в отчетах, подготовленных отделами ВСНХ. Специалист.

Но изучать основы права он не считал нужным. Их следовало создавать с чистого лица, по революционному наитию. Волокиту судебных разбирательств, дававшую явному врагу возможность уйти от ответственности, Дзержинский не терпел, подбирая ей уничижительные названия, вроде «либеральной жвачки буржуазного лицемерия» и т. п.

Мелких уголовных преступников еще можно доверить случайностям судопроизводства. Но что касается контрреволюционеров, спекулянтов и тунеядцев, расхитителей народного достояния, а также лиц, в отношении которых «есть полная уверенность» при некотором недостатке формальных доказательств — тут, убеждал он, нельзя доверяться лотерее. Если суд — то без формалистики, либеральной канители. Прокурор в таком процессе — борец за победу революции, а не человек статей и параграфов. Реальную пользу приносит только быстрая, непосредственно следующая за раскрытием преступления репрессия. Борьба с преступностью должна вестись по принципу коротких, сокрушительных ударов.

Приведены высказывания Дзержинского, сделанные им уже после 1923 года. И мы, конечно, не забыли, как он боролся за право ВЧК на внесудебные приговоры.

Примечательный момент. В 1924 году, формулируя в одном из писем в ЦК принципы карательной политики, он назвал и такой: «Наказание имеет в виду не воспитание преступника, а ограждение от него Республики». Что-то очень знакомое... Но ведь это взято из обвинительной речи против самого Дзержинского на процессе 1908 года в Варшаве! Прокурор настаивал тогда, что этот закоренелый преступник нуждается «не в исправлении, а в устранении». В повести «Дневник заключенного» (запись от 12 ноября) Феликс Эдмундович язвительно отметил, что его осудили, руководствуясь исключительно «голосом совести», чуткой к требованиям властей. Через полтора десятилетия революционер Дзержинский словно поменялся местами с

царским прокурором. Заметил ли он сам это?

Комментировать, собственно, тут нечего. Роковые ошибки с большими последствиями...

Перенесемся всего на полтора десятилетия вперед.

* * *

Анна Петровна Кобак через полвека с лишним узнала о том, как погиб ее отец в 1938 году.

В село Ахины, что к югу от Байкала, в Столыпинскую реформу из Белоруссии переселились крестьяне. Петр Филиппович Кобак среди них — самый энергичный, мастеровитый, уважаемый. Столяр-краснодеревщик, хотя на германской войне поранило ему руки. Правую особенно сильно задело — перебито сухожилие, пальцы с тех пор не сгибаются. Построил переселенец дом из лиственницы, да не лачугу — большой, из трех комнат. Забор врыл. Все это прочно стоит и поныне спустя сто лет. Шестеро детей Кобака не знали голода.

В 1931-м докатилась до Восточной Сибири коллективизация. Крепкие мужики против. И Кобака как самого авторитетного из них ссылают с клеймом кулака в Бодайбинский район — на реку Витим, в поселок Нерпо. Детей Кобака пока оставили добрым людям. А через год, когда мать приехала их забирать, увидела, что им в ссылке живется лучше, чем здешним в колхозе.

Петр Филиппович не опустил свои покалеченные руки. Всей семьей — родители, сын Михаил и четыре девчонки — наметили в тайге семь делянок, выкорчевали пни, распахали, стали выращивать картошку и овощи. Кобак сделал бочки под соленья. Вырыл землянку, утеплил — для поросенка. Каждые полгода у них три-четыре пуда мяса, свои колбасы. Петр Филиппович служил механиком на лесозаготовках. Сделал парты с открывающимися крышками для школы, преподавал здесь уроки труда, вечерами скрюченной рукой заполнял школьные журналы. С такими людьми не пропадет русская земля, разве не так?

В 1938 году Петра Филипповича увезли в Бодайбо. И там 7 июля расстреляли как «активного участника контрреволюционной организации». Нашли такую в таежной глуши! В тот год в захолустном Бодайбо расстреляли более 950 «контрреволюционеров», их фамилии позднее опубликовали местные газеты.

Семья Кобака и в войну не голодала. Делянки продолжали приносить спасение. И соседей подкармливали. Сын «контрреволюционера», Михаил, в 1943 году погиб на фронте.

Дочери Кобака выучились, внуки его стали довольно известными людьми в своих областях.

Через 55 лет Анна Петровна после долгой переписки получила документы из комиссии по реабилитации. В протоколе допроса: «кулак», «бывший унтер-офицер». Подписан каракулями — пальцы-то у красnodеревщика не сгибались. От момента ареста до расстрела прошло 38 дней. Решение принято «тройкой», страшно отпечатавшейся в памяти миллионов. Без «либеральной канители», в режиме «разящего, сокрушительного удара». То, о чем мечтали пламенные революционеры, так и не вернувшиеся с Гражданской войны.

Но они же этого не хотели!

А их потом и не спрашивали.

Глава сорок девятая. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В юности Феликс Дзержинский был уверен, что погибнет от «врага», которого носит в себе, туберкулеза легких, и даже подсчитал, когда это произойдет. Вышло не совсем так.

В начале 1920-х врачи обнаруживают у Дзержинского тяжелое заболевание сердца. Ему советуют «умерить страстность в работе», спать не менее восьми часов в день, отдыхать после обеда, два месяца в году проводить в санатории на Черноморском побережье. Если не соблюдать такой режим, то финал может наступить в любой момент. На 49-м году жизни Феликс Эдмундович — физически изношенный человек. Он располнел, с трудом поднимается по лестнице, не спит по ночам от кашля (оставаясь заядлым курильщиком). Но прежние энергия, «страстность в работе» при нем. Тот же аскетичный облик — гимнастерка, начищенные сапоги, шинель, фуражка с красной звездой. Поэтому в глазах окружающих он прежний «железный Феликс». Специалистам в ВСНХ невдомек, что их руководитель несколько раз подавал прошения об отставке (не по состоянию здоровья, а из-за несогласия с политикой «этого правительства»). Лишь близкие Дзержинскому люди понимают, что он «на грани».

3 июля 1926 года Феликс Эдмундович пишет надрывное письмо наркому Рабоче-крестьянской инспекции Валериану Куйбышеву. Начинает с «соображений о системе управления», продолжает о том, что устал от нынешнего положения, и завершает словами:

«Я не могу быть Председателем ВСНХ при таких моих мыслях и муках. Ведь они излучаются и заражают! Разве ты этого не видишь?»

Товарищи по партии встревожены его состоянием. Не пора ли ему сменить место работы? Куйбышев готов уступить Дзержинскому свой пост главы РКИ, о чем пишет председателю правительства Алексею Рыкову:

«Дело с ним настолько серьезно, что соображения о моей амбиции должны отойти на задний план».

Рыков:

«А что, если его назначить председателем Совета труда и обороны?»

Куйбышев:

«Это исключено. У него много инициативности, но нет системы в работе, осязания всей сложности явлений. В ВСНХ преимущества инициативности еще могут перевешивать недостатки Феликса как руководителя, но в Совете труда и

обороны это уже не выйдет».

Рыков:

«Я боюсь, что его нервность и экспансивность могут довести до беды».

Пост председателя ВСНХ после инициативного Дзержинского займет как раз Куйбышев — инертный и слабо разбирающийся в промышленности. Тогда-то и напишет зарубежный орган меньшевиков: «...спецы, вплоть до монархистов, готовы в память о Дзержинском панихиды служить...»

Какие мысли председателя ВСНХ «излучаются и заражают»? Что раздражает его в политике «этого правительства»? Феликс Эдмундович редко идет дальше намеков, ведь он в те годы в числе тех, кто борется с уклонами от генеральной линии.

Речь о частностях, хотя и важных. Его политика в промышленности направлена на снижение розничных цен. Действия других ведомств, приводящие к росту себестоимости продукции, вызывают у него протест. В том числе — повышение зарплат на производстве. Дзержинского возмущают «безответственные корреспонденции» в газетах, сообщающие о том, что производительность труда превысила довоенную. Это ложь, и опасная, поскольку порождает «рвачество по линии зарплаты». Неправду эту разоблачает только он, но голос его «слаб, никто ему не внемлет», это «голос вопиющего» (из письма Сталину в 1924 году). «Если мы с розничными ценами не справимся, то не справимся и с индустриализацией», — часто подчеркивает председатель ВСНХ. Известно, что рост оплаты труда не должен опережать роста производительности. Однако как пролетарскому государству не уступать требованиям трудящихся? Еще ведь не изжиты забастовки. Зарплаты повышают — Дзержинский считает это уступкой «рвачеству».

Более существенных разногласий у председателя ВСНХ с «этим правительством» нет. Возглавляет последнее человек не «железный», однако — рыночник, доброжелательно относящийся к Дзержинскому, Рыков. И генеральная линия партии в 1926 году заключается в твердой поддержке нэпа.

Раздражает еще Дзержинского бюрократизм учреждений, в которых буксуют важные начинания. Но ведь они и строят такую экономику — командную, с вкраплениями частного капитала. Сам Феликс Эдмундович бюрократ не из последних, достаточно вспомнить, какие процессы протекают в ОГПУ.

Он слишком эмоционален. И ему просто физически тяжело.

В его письме Куйбышеву есть высказывание, которое приобретет широкую известность:

«Если не найдем этой линии и темпа, оппозиция наша будет

расти и страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, какие бы красные перья ни были на его костюме».

Что это: пророчество о грядущей диктатуре? И о диктатуре, конечно, Сталина? «На слух» — похоже.

Вырванная из контекста фраза Дзержинского действительно выглядит сбывшимся позднее предсказанием. Такое значение ей нередко и придают.

В действительности Феликс Эдмундович лишь иначе формулирует то, о чем сказал в предыдущем абзаце письма (и повторяет во многих письмах и выступлениях тех лет). Не найдем «линию и темп» — нэпу конец, страна сорвется в насильственную индустриализацию. Восторжествуют те, кто «навверняка поведет и партию, и страну к гибели». Их Феликс Эдмундович прямо называет: Троцкий, Зиновьев, Пятаков, Шляпников. Из их костюмов торчали тогда «красные перья», а вовсе не из сталинского. Ничего иного Дзержинский не имел в виду.

* * *

В конце 1922 года стало окончательно ясно, что тяжело заболевшего Ленина на посту лидера партии вскоре сменит кто-то из тройки: Зиновьев, Троцкий или Сталин. Дзержинский в политике всегда шел в фарватере более сильной личности. Он оказался на распутье. Но продолжалось такое состояние недолго. Разве был у него выбор? У сибарита Зиновьева в Ленинграде — «культ». Троцкий к повседневной работе не склонен, он вечно на трибуне, «творит историю». Генеральный секретарь партии Сталин на их фоне — скромн, тверд и даже миролюбив: во время партийных споров именно он чаще всего предлагает компромиссы. Стоит отметить, что в середине 1920-х Сталин являлся последовательным защитником новой экономической политики; если бы не он, нэп прихлопнули бы раньше.

Они нужны друг другу.

Поддержка «рыцаря революции», занимающего такие важные посты, генеральному секретарю, конечно, очень кстати. Приближаются дни решающих боев с оппозицией.

Сталин — Дзержинскому, 25 июля 1925 года:

«Узнал я от Молотова о Вашем заявлении об отставке. Очень прошу Вас не делать этого, нет оснований к этому: 1. Дела у Вас идут хорошо. 2. Поддержка ЦК имеется <...>. 3. СТО перестроим так, чтобы отдельные наркоматы не могли блокироваться в ущерб государственным интересам. 4. Госплан и его секции поставим на место.

Потерпите еще месяц-два — улучшим дело, ей-ей.
Крепко жму руку.
Ваш Сталин.
Р. С. Как здоровье?»

* * *

XIV съезд партии, состоявшийся в декабре 1925 года, и последовавшие за ним пленумы ЦК наполнены внутривнутрипартийной борьбой. Группе Сталина противостоит «объединенная оппозиция» в лице Троцкого, Зиновьева и Каменева. Полемика изобилует грубостями, переходом на личности, обвинениями в прошлых грехах. Вопросы хозяйственной жизни в таких условиях — лишь повод для нового выяснения отношений. Этим можно объяснить ту обстановку, которая сложилась на партийном пленуме, проходившем в Кремле в июле 1926 года.

Выступление Дзержинского намечено на 20-е. Он основательно готовится. Накануне они провели совещание в ВСНХ, где уточнили все основные цифры. Многие из них Феликс Эдмундович лично пересчитал по своему обыкновению. Написанного текста ему не требуется — только конспект. Ночью перед заседанием Дзержинский почти не спал. Утром пожаловался, что болит сердце. И отправился сначала в ОГПУ, а потом в Кремль.

Связного выступления не получилось, почти сразу посыпались реплики из зала. Перед председателем ВСНХ сделал сообщение Пятаков. Феликс Эдмундович возмущен: его заместитель привел ложные данные и изложил позицию, которую не разделяет президиум «Наркомата промышленности». По опубликованному тексту последней речи Дзержинского трудно составить полное представление о том, что же происходило тогда в зале Большого Кремлевского дворца. Обстановка накалилась не в тот день, она накалялась последние полгода. Слово современнику, Валентинову:

«Стенографическую запись этой речи правили, дополняли, склеивали, делая все, чтобы она была понятной. В хаотической форме она все же выражает хозяйственную политику Дзержинского в ВСНХ, которую мы, беспартийные специалисты, считали правильной. Он прежде всего опроверг заявление оппозиции, что накопления частного капитала угрожают всему бытию советского хозяйства. Эти накопления Пятаков считал не менее чем 400 миллионов рублей. Оппозиция демагогически играла этой цифрой, закрывая глаза, что это не чистая прибыль, а

валовой доход 323 тысяч частных предприятий, существовавших к началу 1926 года. Дзержинский трясся от негодования, слыша от Пятакова на пленуме и до него, что “деревня богатеет, деревня нас обгоняет, промышленность от нее отстает” и что в этом грозная опасность. “Вот несчастье! — возмущался Дзержинский. — Наши государственные деятели боятся благосостояния деревни. Но ведь нельзя индустриализировать страну, если бояться благосостояния деревни”».

Феликс Эдмундович продолжал отстаивать свои подходы к промышленной политике. Видимо, в ответ на какую-то реплику из зала, не вошедшую в текст стенограммы, он и произнес слова, которые всем запомнились:

— Я никогда не щажу себя. Поэтому вы здесь все меня любите и мне верите. Я никогда не кривлю душой.

* * *

Дзержинский говорил, прижимая к сердцу то одну руку, то сразу две. Некоторые полагали, что это ораторский прием. После своего выступления он с трудом покинул зал заседания, перешел в соседнюю комнату, лег на диван. Появился врач. Через два с половиной часа приступ как будто прошел, Феликс Эдмундович почувствовал себя лучше. В сопровождении двух помощников он вышел из Большого Кремлевского дворца и отправился к себе на квартиру. Дома находилась Софья Сигизмундовна. Дзержинский прошел в спальню, наклонился над кроватью, чтобы приготовить постель, и упал на пол. Он умер 20 июля 1926 года в 16 часов 40 минут от разрыва сердца.

Глава пятидесятая. ЖИВОЙ

То, что Феликс Эдмундович не «железный», узнали после его смерти. Воистину во всей его жизни не удастся отыскать ни одного случая, когда бы он поддался слабости, поступил вопреки своим представлениям о долге и совести.

В 1925—1926 годах фигура Дзержинского многим казалась уже не вполне современной, что ли... Гражданская война позади. Наследники Ленина ведут между собой борьбу, не забывая об удобствах жизни. Среди них немало трудоголиков, но «умирать на службе», дорабатываться до обмороков и сердечных приступов выходит из моды. Становятся традицией ночные застолья у товарища Сталина. Дзержинского представить на них невозможно.

Феликс Эдмундович вносит в тогдашние партийные и хозяйственные споры нездоровый надрыв, слишком много «личного». Он горячится, с трудом подбирает слова, ставит неправильные ударения. Ему физически больно — он может зайти кашлем, а в последнее время все чаще прижимает руку к груди. Однажды на политбюро председательствующий Лев Каменев строго сказал ему: «Успокойся, Феликс, ты не на митинге». Порой кажется, что он излишне эксплуатирует свой образ аскета, кристально честного, самоотверженного рыцаря революции. Да, он такой, но... не перебарщивает ли? Нарком внешней торговли Леонид Красин и в первые годы революции называл его хитрой бестией. На монотонных партийных заседаниях присутствующие порой испытывают неловкость, слушая взволнованные речи Дзержинского, стараются на него не смотреть, уткнувшись в бумаги.

Человек уходящей эпохи. Безупречный революционер и солдат, так и не ставший «правильным» советским чиновником.

Но все оказалось всерьез. После очередного выступления, где Феликс Эдмундович волновался и прижимал руку к сердцу, его не стало...

Более яркого символа революции среди деятелей партии нет. Это они и раньше понимали. Ленин умер, кого назначить руководителем комиссии по организации похорон? Конечно, Дзержинского. Самого верного и мужественного из соратников Ильича. Он — живое свидетельство того, что знамя революции в твердых руках. В произведениях писателей, кинематографистов, живописцев советского периода Дзержинский всегда рядом с Лениным. Они дополняют друг друга. Ленину подражать невозможно, он велик, почти божество, ему можно только

поклоняться. А «делать жизнь с кого»? С товарища Дзержинского, отвечал первый советский поэт. С мужественного, бесстрашного, преданного делу революции, бескорыстного, искреннего, волевого. Тут и раздумывать нечего. Не все, но некоторые из перечисленных качеств каждый советский юноша может в себе воспитать.

«В белом венчике из роз — впереди — Иисус Христос». Как ни порицали автора поэмы «Двенадцать» его друзья, он не отказывался от этих строк, угадывая религиозный смысл в русской революции. Во главе этих двенадцати видится Феликс Дзержинский.

* * *

Уже через несколько часов после его смерти в зале, где он только что выступал, прозвучали слова из некролога. Ушел из жизни «гроза буржуазии... Верный рыцарь пролетариата... Неутомимый строитель нашей промышленности... Бесстрашный солдат великих боев»...

«В застенках царской России, в сибирской ссылке, в нескончаемо долгие годы каторжной тюрьмы, в кандалах и на свободе, в подполье и на государственном посту, в ЧК и на строительной работе — всегда, везде, всюду Феликс Дзержинский был на передовой линии огня».

Что тут не так? В случае с Феликсом Дзержинским не солгал даже некролог.

Конечно, это не «весь» Дзержинский.

Память многих поколений отсекала от образа реального создателя ВЧК то, что могло его связывать и с бессмысленными жестокостями Гражданской войны, и с карательной политикой Большого террора. Он остается одним из символов революции. И отношение к его фигуре находится в сильной зависимости от того, как меняется наше отношение к делу, которому он служил.

Но советская эпоха как будто завершилась...

Имя Феликса Дзержинского продолжают носить города, районы, поселки, улицы, горные вершины, детские учреждения, войсковые части, корабли, предприятия, учебные заведения... Памятники и бюсты Дзержинского по-прежнему стоят на площадях его имени. Широкого движения «снизу» убрать эти символы не наблюдается. Политики, требующие признать Дзержинского «красным палачом», едва ли предложат вынести этот вопрос на референдум, потому что результат этого референдума предсказуем.

На примере Дзержинского видно, каким должен быть руководитель спецслужбы: честным, принципиальным, мужественным, бескорыстным, нетерпимым к злу, неподкупным, радеющим за чистоту рядов.

И на примере Дзержинского видно, каким руководитель спецслужбы быть не должен: стремящимся к бесконтрольности, тяготеющим к методам непосредственной расправы, считающим себя орудием одной партии, группы лиц, а не всего общества.

Споры о том, каким на самом деле был знаменитый революционер, далеки от завершения. Вот уже более двух десятилетий нет его памятника работы Вучетича на нынешней Лубянской площади. И он там... как будто есть. Суровый рыцарь в солдатской шинели едва ли скоро покинет это место. Здесь творилась история.

Пока же следует напомнить: Феликс Дзержинский умер, фактически отстаивая ненасильственный путь развития страны. Это последнее, чем он в своей земной жизни занимался.

История в очередной раз посмеялась над любителями давать простые ответы на сложные вопросы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ФЕЛИКСЕ ДЗЕРЖИНСКОМ

Свидетельства о личности и деятельности Ф. Э. Дзержинского, предлагаемые ниже, до недавнего времени были малоизвестны, а то и вовсе неизвестны российским читателям. Несколько слов об авторах.

Лев Давидович Троцкий, один из наиболее заметных деятелей Октябрьской революции, в более подробном представлении не нуждается. Его отзыв о Дзержинском взят из книги «Моя жизнь».

Владимир Григорьевич Орлов, до революции — статский советник, следователь по особо важным делам, контрразведчик; в 1918 году под фамилией Орлинский работал в Петроградской ЧК. Осенью был разоблачен чекистами как «белый» агент, бежал... В эмиграции опубликовал книгу воспоминаний «Двойной агент. Записки русского контрразведчика».

Борис Георгиевич Бажанов, личный секретарь Сталина в 1923—1928 годах, близко наблюдал Дзержинского на заседаниях партийного руководства. В 1928-м бежал из СССР. В конце жизни во Франции выпустил книгу «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

Сергей Петрович Мельгунов — историк, политик, литератор, автор первого исследования о красном терроре... Здесь публикуется фрагмент из его воспоминаний, написанных по горячим следам.

Николай Владиславович Валентинов (Вольский) уже известен читателям этой книги.

Дзержинский был человеком великой взрывчатой страсти. Его энергия поддерживалась в напряжении постоянными электрическими разрядами. По каждому вопросу, даже и второстепенному, он загорался, тонкие ноздри дрожали, глаза искрились, голос напрягался и нередко доходил до срыва. Несмотря на такую высокую нервную нагрузку, Дзержинский не знал периодов упадка или апатии. Он как бы всегда находился в состоянии высшей мобилизации. Ленин как-то сравнил его с горячим кровным конем. Дзержинский влюблялся нерассуждающей любовью во всякое дело, которое выполнял, ограждая своих сотрудников от вмешательства и критики со страстью, с непримиримостью, с фанатизмом, в которых, однако, не было ничего личного: Дзержинский бесследно растворялся в деле.

Самостоятельной мысли у Дзержинского не было. Он сам не считал себя политиком, по крайней мере, при жизни Ленина. По разным поводам он неоднократно говорил мне: я, может быть, неплохой революционер, но я не вождь, не государственный человек, не политик. В этом была не только скромность. Самооценка была верна по существу.

Политически Дзержинский всегда нуждался в чем-нибудь непосредственном руководстве. В течение долгих лет он шел за Розой Люксембург и проделал ее борьбу не только с польским патриотизмом, но и с большевизмом. В 1917 г. он примкнул к большевикам. Ленин мне говорил с восторгом: «Никаких следов старой борьбы не осталось». В течение двух-трех лет Дзержинский особенно тяготел ко мне. В последние годы поддерживал Сталина. В хозяйственной работе он брал темпераментом: призывал, подталкивал, увлекал. Продуманной концепции хозяйственного развития у него не было. Он разделял все ошибки Сталина и защищал их со всей страстью, на какую был способен. Он умер почти стоя, едва успев покинуть трибуну, с которой страстно громил оппозицию.

Однажды, когда я в следственной комнате суда допрашивал одного матроса, меня заставил вдруг насторожиться, казалось бы, совсем незначительный факт. Я заметил, что в суд вошли трое мужчин в шинелях. Собственно, то, что они были в шинелях, неудивительно, я и сам ходил в шинели и сапогах, носил бороду и очки в металлической оправе. А насторожило меня то, что на протяжении всего допроса один из этих троих пристально смотрел на меня.

Вдруг ко мне подошел служитель суда и сказал: «Пожалуйста, заканчивайте допрос. Здесь председатель ВЧК Дзержинский. Он хочет поговорить с вами».

Я был удивлен. Что нужно этому совершенно незнакомому мне человеку? Матроса увели, и человек, который так пристально наблюдал за мной, медленно подошел, по-прежнему не сводя с меня глаз. Я побледнел. Где я видел это лицо раньше?

Господи! Теперь я вспомнил. Он был моим подследственным, его судили в Варшаве до войны. Конечно, это был он. Я даже вспомнил его фамилию — Дзержинский. В какой-то момент я понял, что игра моя проиграна. Я в руках самого Дзержинского, главы всемогущей ЧК. Утешало меня лишь то, что за столь непродолжительный период моей «службы» Советам сделал я, как говорится, все, что мог, к чему меня обязывал долг русского офицера, помнящего о присяге царю и отечеству. Да, сокрушался я, стоя перед Дзержинским, игра моя действительно проиграна.

...Дзержинский! Перед моим мысленным взором возникла виселица, и я понял, что со мной покончено. Все это промелькнуло перед моим затуманенным взором за считанные секунды.

«Попытаться убежать? Нет, это чистое безумие...» Я продолжал неподвижно стоять перед ним.

— Вы Орлов? — спокойно спросил меня самый могущественный человек Советской России. Выражение его лица при этом нисколько не изменилось.

— Да, я Орлов.

Дзержинский протянул мне руку:

— Это очень хорошо, Орлов, что вы сейчас на нашей стороне. Нам нужны такие квалифицированные юристы, как вы. Если вам когда-нибудь что-то понадобится, обращайтесь прямо ко мне в Москву. А сейчас прошу извинить меня, я очень спешу. Я только хотел убедиться, что я не ошибся. До свидания.

Месяц спустя мне действительно пришлось поехать в Москву.

Я приехал в пять часов вечера, но не мог пойти к родственникам или друзьям, потому что не знал, следят сейчас за мной большевики или нет, и поэтому попытался снять номер в гостинице. В одиннадцать часов вечера я понял, что мои попытки тщетны, и, наконец, решил обратиться к Дзержинскому и попросить его найти для меня номер в гостинице. Удивительно, но на мой звонок он откликнулся сразу же.

Мое служебное удостоверение открыло мне двери в ЧК. Дзержинский сидел в своем кабинете и пил чай из оловянной кружки. Рядом стояла тарелка и лежала оловянная ложка. Он только что закончил ужинать.

Я снова обратился к нему с просьбой найти мне жилье на три дня, поскольку я участвовал в расследовании, связанном с банковскими делами.

— Шесть часов пытался найти комнату, — сказал я ему, — но в Москве это, наверное, чрезвычайно трудно...

Из жилетного кармана он вытащил ключ и протянул его мне со словами:

— Это ключ от моего номера в гостинице «Национал ь». Вы можете жить там, сколько хотите, а я постоянно живу здесь. — И он указал на угол комнаты, где за складной ширмой стояла походная кровать, а на вешалке висели какие-то вещи и кожаные бриджи.

Я поблагодарил его за помощь и пошел в гостиницу.

У Дзержинского совсем не было личной жизни. Этот красный Торквемада во имя идеи убил бы своих отца и мать, его в то время нельзя было купить ни за золото, ни за блестящую карьеру или за женщину, даже самую наипрекраснейшую.

В свое время я встречался с сотнями революционеров и большевиков, но с такими людьми, как

Дзержинский, всего лишь дважды или трижды. Всех остальных можно было купить, они отличались друг от друга лишь ценой. Во время восстания левых эсеров Дзержинский был арестован на несколько часов, но потом отпущен на свободу. После этого он приказал арестовать своего лучшего друга и соратника Александровского (правильно: Александровича. — С. К.)... Перед тем как Александровского увели на расстрел, Дзержинский обнял его. Для него идея значила больше, чем человеческие чувства. Десять минут спустя Александровский был расстрелян.

Чтобы отвести от себя подозрения, я каждый раз, приезжая в Москву, останавливался в гостиничном номере Дзержинского, но все равно меня беспокоило, что такая привилегия могла кому-то показаться странной. Мои отношения с Дзержинским могли стать

предметом расследования, в результате которого выяснилось бы, кто я такой на самом деле.

...Но дело обстояло не так просто с председателем ГПУ Феликсом Эдмундовичем Дзержинским. Старый польский революционер, ставший во главе ЧК с самого ее возникновения, он продолжал формально ее возглавлять до самой своей смерти, хотя практически мало принимал участия в ее работе, став после смерти Ленина председателем Высшего Совета Народного Хозяйства (вместо Рыкова, ставшего председателем Совнаркома). На первом же заседании Политбюро, где я его увидел, он меня дезориентировал и своим видом, и манерой говорить. У него была наружность Дон-Кихота, манера говорить — человека убежденного и идейного. Поразила меня его старая гимнастерка с залатанными локтями. Было совершенно ясно, что этот человек не пользуется своим положением, чтобы искать каких-либо житейских благ для себя лично. Поразила меня вначале и его горячность в выступлениях — впечатление было такое, что он принимает очень близко к сердцу и остро переживает вопрос партийной и государственной жизни. Эта горячность контрастировала с некоторым холодным цинизмом членов Политбюро. Но в дальнейшем мне все же пришлось несколько изменить мое мнение о Дзержинском.

В это время внутри партии была свобода, которой не было в стране; каждый член партии имел возможность защищать и отстаивать свою точку зрения. Так же свободно происходило обсуждение всяких проблем на Политбюро. Не говоря уже об оппозиционерах, таких как Троцкий и Пятаков, которые не стеснялись резко противопоставлять свою точку зрения мнению большинства, — среди самого большинства обсуждение всякого принципиального или делового вопроса происходило в спорах. Сколько раз Сокольников, проводивший денежную реформу, восставал против разных решений Политбюро по вопросам народного хозяйства, говоря: «Вы мне срываете денежную реформу; если вы примете это решение, освободите меня от обязанностей Наркома финансов». А по вопросам внешней политики и внешней торговли Красин, бывший Наркомом внешней торговли, прямо обвинял на Политбюро его членов, что они ничего не понимают в трактуемых вопросах, и читал нечто вроде лекций.

Но что очень скоро мне бросилось в глаза, это то, что Дзержинский всегда шел за держателями власти, и если отстаивал что-либо с горячностью, то только то, что было принято большинством. При этом его горячность принималась

членами Политбюро как нечто деланное и поэтому неприличное. При его горячих выступлениях члены Политбюро смотрели в стороны, в бумаги, и царило впечатление неловкости. А один раз председательствовавший Каменев сухо сказал: «Феликс, ты здесь не на митинге, а на заседании Политбюро». И, о чудо! Вместо того чтобы оправдать свою горячность («принимаю, мол, очень близко к сердцу дела партии и революции»), Феликс в течение одной секунды от горячего взволнованного тона вдруг перешел к самому простому, прозаическому и спокойному. А на заседании «тройки», когда зашел разговор о Дзержинском, Зиновьев сказал: «У него, конечно, грудная жаба; но он что-то уж очень для эффекта ею злоупотребляет». Надо добавить, что когда Сталин совершил свой переворот, Дзержинский с такой горячностью стал защищать сталинские позиции, с какой он поддерживал вчера позиции Зиновьева и Каменева (когда они были у власти).

Впечатление у меня, в общем, получалось такое: Дзержинский никогда ни на йоту не уклоняется от принятой большинством линии (а между тем иногда можно было бы иметь и личное мнение); это выгодно, а когда он горячо и задыхаясь защищает эту ортодоксальную линию, то не прав ли Зиновьев, что он использует внешние эффекты своей грудной жабы?

Это впечатление мне было довольно неприятно. Это был 1923 год, я еще был коммунистом, и для меня кто-кто, а уж человек, стоявший во главе ГПУ, нуждался в ореоле искренности и порядочности. Во всяком случае, было несомненно, что в смысле пользования житейскими благами упреков ему сделать было нельзя — в этом смысле он был человеком вполне порядочным. Вероятно, отчасти поэтому Политбюро сохраняло его формально во главе ГПУ, чтобы он не позволял подчиненным своего ведомства особенно расходиться: у ГПУ, обладавшего правом жизни и смерти над всем беспартийным подсоветским населением, соблазнов было сколько угодно. Не думаю, что Дзержинский эту роль действительно выполнял: от практики своего огромного ведомства он стоял довольно далеко, и Политбюро довольствовалось здесь скорее фикцией желаемого, чем тем, что было на самом деле.

Я был арестован по ордеру ВЧК в первый раз на другой день после покушения на Ленина, в ночь на 1 сентября 1918 г. Из памяти изгладились подробности условий, при которых проходил обыск и самый арест. И понятно — 23 обыска я пережил в течение советского пятилетия; немного меньше, так как два обыска приходится уже на то время, когда я выехал из России. Руководители полицейской политики советской власти, очевидно, не могли забыть проторенного пути! Ни достаточного опыта, ни разработанных инструкций еще не было. Я помню лишь, что представители ЧК — почти исключительно латыши — явились в 3 часа; до 6 час. производился обыск, после чего меня увезли.

На другой день, уже в мое отсутствие, приехали опечатывать помещение, но, конечно, в то же утро все меня компрометирующее было вывезено. Полуграмотные латыши растерялись при виде моей большой сохранившейся библиотеки и архива, что всегда спасало меня при последующих обысках. Опыта у тюремщиков было еще мало. И не трудно было при аресте пронести с собой и карандаш, и бумагу, и даже столь необходимый в тюремном обиходе маленький перочинный ножик.

Царство латышей! И притом латышей, почти не говоривших по-русски! Сразу чувствуешь себя беспомощно оторванным. Кругом латыши и китайцы на низших должностях охранителей. Что-нибудь разъяснить, что-нибудь сказать нет возможности. Лишь грубый окрик можно получить в ответ. Помню, какое затруднение вызвало обычное заполнение анкеты, уже тогда введенной любителями всякого рода регистрации. Комендант не желал признать моей принадлежности к народно-социалистической партии на том основании, что народными социалистами являются большевики.

* * *

...Никто из нас не ждал расстрела. Слишком очевидно, что мы не повинны, ни косвенно, ни прямо, в покушении на Ленина; расстреливают, как стало уже известно, за покушение на вождя пролетариата представителей старого чиновного мира и полиции. Жандарм старого режима отвечал за покушение на Ленина, произведенное членом с. р. партии. Очевидно, расстрел — форма устрашения. Только такой логикой можно объяснить то несурзное, что творится открывшейся эрой террора.

...Тюрьма носила все признаки еще старой тюрьмы. Утром в 6 часов совершалась проверка, все должны были выстраиваться в шеренгу в два ряда, и старший проверял наличие заключенных. Вечером такая же процедура. Позже, значительно позже, была введена демократизация — когда происходил счет, можно было сидеть на койках. Койки в течение дня поднимались. Впрочем, мы, интеллигентская группа, с первого же дня ввели новшество: пользуясь болезнью Копытовского, койки не поднимали. На такой протест остальная «пролетарская» часть камеры не решалась даже тогда, когда наша вольность получила все права гражданства со стороны тюремной администрации. Насколько просты были нравы, показывает такой эпизод. Я спорил с товарищами, что из тюрьмы легко удрать. Так как удирать я не был намерен, зная, что к делу Локкарта не имел абсолютно никакого отношения, и что едва ли меня расстреляют без реального, конкретного повода, каким является заговор, что у следствия не имеется никаких данных о существовавшем уже тогда Союзе Возрождения в России, в котором я принимал участие, — то я хотел указать лишь путь возможного бегства.

В тюрьме существовала церковь, куда водили по воскресеньям желающих. Тогда еще церковная политика большевиков не носила своего антирелигиозного характера, и тюремная церковь не была превращена, как то случилось впоследствии, в столярную мастерскую или в интендантский тюремный склад. Брели в церковь по пяти человек из камеры. Я вызвался пойти в церковь, хотел замешаться в толпу выходящих жен и родственников администрации. Так и сделал и неожиданно очутился в сборной. Еще шаг, и я на воле... Впрочем, этот шаг и был самый трудный. Это было озорство, опасное в другие времена, и я быстро ретировался назад.

В тюрьме была внешняя строгость, но не было той всеподавляющей нивелировки, при которой особенно тяжело переносить тюремный режим. Камеры запирались, но в камерах мы чувствовали себя свободными. Нам без затруднения передавали книги; мы захотели шахматы, нам из дому прислали их. Одним словом, тюремный режим был вполне сносен, особенно при довольно безразличном отношении администрации, в которой не было еще коммунистических ячеек. Любопытна психология этой тюремной администрации. В числе ее было много служителей еще царского времени. Она охраняла революционеров в те времена, она их охраняла при новом режиме, но так же добросовестно и, может быть, даже с большим удовольствием она охраняла бы и теперешних правителей, если бы судьба превратила их из властей в заключенных. Такая

психология показывает, как ошибочно представление о необходимости при изменении форм государственного строя производить изменения и всего персонального состава учреждений. Служба — профессия, и в каждой профессии есть свой служебный долг. Тюрьма не представляет в данном случае исключения.

В сентябрьские дни в тюрьме, может быть, было даже лучше, чем на воле. Если бы только не ужасные ночи, когда насторожившийся слух невольно болезненно воспринимает каждый посторонний звук, когда напряженная мысль безостановочно рисует картины смерти, которая витает кругом.

* * *

Уже днем однажды меня вызвали без вещей. Я понял, что вызывают для допроса... Я сразу попал в кабинет следователя. И по всей внешности было очевидно, что меня будет допрашивать лицо важное... Оказалось, что это был сам Дзержинский. (Рассказ автора о том, как проходил этот допрос, приведен в книге. — С. К.)

...Вспоминаю и еще один штрих, характерный для беседы. Мне пришлось указать по поводу каких-то слов Дзержинского на своеобразную демократизацию печати, которая усиленно проводится в советских органах: «сволочь» становится не только излюбленным, но, пожалуй, и одним из наиболее мягких ругательных эпитетов по отношению ко всем противникам советской власти.

— Я сказал не демократизация, а пролетаризация печати, — возразил шеф советской полиции.

Демократизация и тогда уже была пугалом для коммунистов...

* * *

...Меня освободили вследствие хлопот большевиков. Возбудили ходатайства Бонч-Бруевич, Кер-женцов, Дауге (написал Петерсу), Подбельский, Фриче, Рязанов, Луначарский, Ландер и др. Пошел я к Бончу поблагодарить и похлопотать о других н. с. Назначил он мне свидание в Кремле. Пропустила девица по паспорту — не застал Бонча. Второй раз не пропустили. Наконец, в третий — при входе в Кремль была оставлена записка. Удивило, что в Кремле только латыши. (Бонч сказал, что здесь их 1000

квалифицированных коммунистов.) Встретил, как будто бы ничего не произошло. Передает привет жене. Беседа бестолковая. Работает-де над выпусками новых томов своих материалов. Презентовал новые свои книги. Я отказался: «Я враг». «Так и напишу», я взял книги, чтобы он не надписывал.

— Ваш арест — просто недоразумение. Кане-гиссер назвал себя народным социалистом. Вот вас и арестовали. Теперь все выяснилось. Вы совершенно гарантированы.

Мы знаем, что кругом нас злоупотребления. Ведь 80% у нас мошенники, примазавшиеся к большевизму. Происходит худшее, чем творилось в III Отделении.

— Но ведь это цинично.

— Что же делать. Мы боремся. Наша задача умиротворить ненависть. Без нас красный террор был бы ужасен. Пролетариат требует уничтожения всей буржуазии. Я сам должен был после покушения на Ленина быть для успокоения на 20 митингах. Сейчас уничтожены все свободы. Наша задача — укоротить период диктатуры. Наши дела плохи... Вероятно, мы погибнем. Меня расстреляют. Я пишу воспоминания. Оставлю их вам. Прочитав, вы поймете нас...

Николай Валентинов (Вольский), 1956 г.

[В конце 1923 г.] пронесся слух, создавший в ВСНХ настроение, близкое к панике: председателем ВСНХ будет Дзержинский, грозный начальник ВЧК-ГПУ, учреждения, наводившего страх не только на обывателей, но и на самих коммунистов, особенно тех, кто уже слишком «вкушал» блага и удобства, созданные НЭПом... При таком представлении о приходящем Дзержинском уходящий из ВСНХ Рыков казался идеальным администратором, «ан-гелом-хранителем», полным мягкости, внимания и благожелательности к подчиненным. В этом духе и был составлен ему адрес, подписанный несколькими сотнями сотрудников ВСНХ. В феврале 1924 г. слух о Дзержинском подтвердился: он действительно был назначен на пост председателя ВСНХ... Два с половиной года пребывания в ВСНХ Дзержинского сильно рассеяли существовавшее о нем представление. Его скоропостижная смерть (20 июля 1926 г.) опечалила сотрудников ВСНХ и многих беспартийных инженеров и техников.

В это время можно было часто услышать: «Жаль, умер Дзержинский! С ним было хорошо работать. Нас, специалистов, он ценил и защищал. При нем мы могли спокойно спать. Не боялись, что приедет “черный ворон”»...

«Широкие массы специалистов,— писала после его смерти “Правда”,— признали в товарище Дзержинском, в этом страшном для мировой буржуазии председателе Чрезвычайной Комиссии, своего талантливого руководителя».

...На Всесоюзной конференции союза рабочих-металлистов в ноябре 1924 г. Дзержинский говорил (об этом есть газетный отчет):

«Меня назначили в ВСНХ, я руковожу, в частности, Главметаллом, и буду проводить плановое начало железной рукой. Кое-кому хорошо известно, что рука у меня тяжелая, может наносить крепкие удары. Я не позволю вести работу так, как ее до сего вели, т. е. анархически».

Таких речей, в духе ГПУ, с ссылкой на «железную руку», на пугание «крепким ударом» — Дзержинский за время своего управления промышленностью произнес очень мало. Да и после только что произнесенной угрозы он тут же сделал важную оговорку: «Недостаточно одного желания железной рукой искоренить недочеты. Более важно знать, как их устранить, а для этого необходима колоссальная работа».

...Как бы ни объяснять происшедшую перемену Дзержинского

— она явная. Можно было видеть, что, войдя в ВСНХ, в это сложное учреждение со стоящими перед ним сложнейшими проблемами, Дзержинский почувствовал, что не может этим учреждением управлять с помощью методов, опирающихся на чекистское устрашение. В. Н. Манцев, ставший во главе торгового отдела ВСНХ и в обстановке хозяйственной работы, на глазах всех нас сам терявший свои чекистские ухватки, сказал однажды Савельеву (непосредственному руководителю Валентинова в газете. — С. К.):

«Феликс Эдмундович (Дзержинский), с тех пор, как стал работать в ВСНХ, сильно изменился. Прежде он хотел, чтобы его боялись, даже от страха ненавидели. Это не смущало его. В качестве председателя Коллегии ВЧК он считал, что такой страх приносит большую пользу как в самом составе ВЧК, так еще больше вне ее — в стране. Страх, по его мнению, играет роль предохранителя от свершения всяческих проступков и преступлений. А вот теперь ему неприятно слышать, что его личность вызывает страх у подчиненных ему и с ним сотрудничающих людей».

Манцев был прав: Дзержинскому было неприятно, когда в ВСНХ на него смотрели как на грозного и страшного начальника ГПУ. Я лично убедился в этом при следующего рода эпизоде.

По обязанности службы Дзержинскому приходилось не только давать краткие «команды», распоряжения, но, конечно, многое объяснять, говорить на разных совещаниях и заседаниях. Если это происходило в немногочисленном кругу, все шло благополучно; когда же приходилось произносить большие «директивные» речи перед большой аудиторией, слушать его было тяжело. Он волновался, и при этом проступал польский акцент, говорил скороговоркой, в построении фраз всегда чего-то не хватало, мысль не находила нужного ей выражения. Все выступления Дзержинского записывались лучшими стенографистками ВСНХ, но при расшифровке их записи получалась полная невнятица. При передаче речей Дзержинского в «Торгово-промышленной газете» я никогда не пользовался только стенографической записью, а всегда, в дополнение к ней, отчетами, составленными нашими сотрудниками. Для этого я посылал иногда двух репортеров, давая указание не гнаться за передачей фраз и слов, а только за смыслом, только за содержанием. Лишь при пользовании таким двойным, а иногда тройным, материалом и долгой обработке его мне удавалось давать в газете более или менее удачные передачи речей Дзержинского. По-видимому, эти передачи ему нравились, так как, встретив меня однажды в коридоре ВСНХ, Дзержинский,

смеясь, сказал:

— Не знал, что я такой хороший оратор. Скажите откровенно, отчеты эти трудно делать?

— Очень.

— Почему? В чем мои недостатки, может быть, я способен от них отделаться?

Я сказал Дзержинскому, что есть люди, которые говорят приблизительно так, как пишут. Таков Пятаков. У него все стоит на своем месте — подлежащее, сказуемое, прилагательное, весь синтаксис в порядке. Фиксация его речей легка. Иначе у Ленина. Он настойчиво просил никогда не полагаться на стенографическую запись. Она никогда не отражала содержания его речей. Ленин думал, что происходит это оттого, что он говорит слишком быстро и стенография не успевает записать многие нужные слова. Ленин просил давать отчеты, резюме его речи и не следовать за стенографией.

— С передачей ваших речей, Феликс Эдмундович, обстоит сложнее. Говоря, вы, вероятно, мысленно произносите все конструирующие и выражающие фразу слова, однако многие слова в этих фразах остаются невысказанными, несказанными. На языке их нет. Так у многих бывает, а у вас больше, чем у других...

— Кто у вас в редакции занимается обработкой моих речей? — спросил Дзержинский.

— Я.

— Почему же вы? Разве для этого у вас нет помощников?

— Сотрудников газеты у нас достаточно, только они вас боятся и всячески уклоняются от обработки отчетов о ваших речах. Боятся, что это сделают плохо, получают нагоняй, упреки, что исковеркали, исказили, не поняли смысл того, что говорил председатель ВСНХ и ГПУ.

Лицо Дзержинского потемнело. Мои слова явно были ему неприятны.

— Боятся меня нечего. Так всем и скажите. Я не зверь, не кусаюсь. И ГПУ здесь абсолютно ни при чем. Ему здесь делать нечего. Если отчет о моей речи будет плох, я в том виноват. Значит, наиболее важные речи мне нужно не произносить, а предварительно написать и потом их читать.

Потом, помолчав, и сурово, даже сердито смотря на меня, Дзержинский прибавил:

— Хорошей работы, подгоняемой одним страхом, не может быть. Нужно желание хорошей работы, нужны всякие другие стимулы к ней, прежде всего сознание, что она приносит большую пользу обществу, населению, рабочим, крестьянам.

...После этого разговора Дзержинский два раза посылал мне

для исправления большие, переписанные на машинке, рукописи. В одной шла речь об изношенности технического капитала металлургии, в другой — о производственных совещаниях в той же индустрии и рабочем изобретательстве. Обе статьи ни в «Торгово-промышленной газете», ни в другом издании не появлялись. Предполагаю, что они составлялись для какого-то внутрипартийного потребления.

* * *

...Было бы большим упущением, если бы я не рассказал более подробно, чем сделал до сих пор, об отношении Дзержинского к беспартийному составу активных работников ВСНХ, промышленности, к техническому персоналу. Оно, несомненно, было очень благожелательным, отнюдь не менее, чем у Рыкова. В 1924—1925 гг. преследования и аресты совершались по всей стране, однако в ВСНХ и в промышленности их почти не было. Недаром после его смерти многие инженеры говорили, что при Дзержинском могли спать спокойно. В благожелательности к техническому персоналу у него явно преобладали утилитарно-практические соображения. Дзержинского, кажется, не очень страшило, что в голове человека бродят антисоветские идеи; по его мнению, гораздо важнее, как он работает, полезен ли он для «ведомства ВСНХ», для промышленности. О Е. С. Каратыгине многие ему шептали: «Это действительный статский советник, реакционер, вспомните, какие речи он держал во время своей командировки за границей?» Дзержинский все это превосходно знал, за антисоветские речи Каратыгина за границей он и убрал его из редакции «Торгово-промышленной газеты». Но дальше этого репрессии не пошли, и, так как тот был знающим и полезным человеком, Дзержинский дал ему возможность работать над рядом важных вопросов. Каратыгин, например, был председателем секции, изучавшей в ВСНХ вопрос о пятилетней перспективе развития сельского хозяйства и его связи с промышленностью. «В тюрьму посадить человека не трудно, во много раз лучше, если человек, заслуживающий тюрьмы, будет все-таки не в ней, а на свободе делать полезную для общества работу». Руководствуясь именно этим правилом, Дзержинский, видимо, очень хотел, чтобы прославленный своими подвигами эсер, террорист Савинков, заманенный ГПУ в 1924 году из Польши на советскую территорию, не сидел в тюрьме, а на свободе нес полезную работу. С явным расчетом на сенсацию, Дзержинский с улыбкой, в апреле 1925 г., говорил кое-кому в

ВСНХ, в том числе Межлауку и Савельеву: «Догадайтесь, что это за человек, которого в сущности нужно было бы расстрелять еще в прошлом году и которого вы можете скоро увидеть у нас в ВСНХ? Догадайтесь! Не знаете? Так я вам скажу. Это — Савинков. Хочу посадить его в главную бухгалтерию ВСНХ в роли самого маленького счетовода. Он мне говорил, что хочет работать, что примется за любую работу, только бы не быть в тюрьме и быть полезным. Дам ему эту работу, посмотрим, что из этого выйдет?»

Намерение Дзержинского не осуществилось. Политбюро категорически высказалось против освобождения Савинкова. А тот, узнав, что ему по-прежнему предстоит сидеть в тюрьме (хотя он сидел в особой камере с очень большим комфортом), 7 мая 1925 года покончил с собою, бросившись с пятого этажа. За несколько дней до этого Савинков, снова прося Дзержинского освободить его из тюрьмы, послал ему письмо. (Это произошло именно 7 мая, утром. Феликс Эдмундович успел передать заключенному, что его просьба остается без удовлетворения. Далее текст обращения Савинкова к Дзержинскому приводится с исправлением незначительных неточностей, допущенных Валентиновым. — С. К.)... Вот это письмо:

«Гражданин Дзержинский, я знаю, что Вы очень занятый человек. Но я все-таки Вас прошу уделить мне несколько минут внимания. Когда меня арестовали, я был уверен, что может быть только два исхода. Первый, почти несомненный, — меня поставят к стене, второй — мне поверят и, поверив, дадут работу. Третий исход, т. е. тюремное заключение, казался мне исключением: преступления, которые я совершил, не могут караться тюрьмой, “исправлять” же меня не нужно, — меня исправила жизнь. Так и был поставлен вопрос в беседах с гр. Менжинским, Артузовым и Пиляром: либо расстреливайте, либо дайте возможность работать. Я был против вас, теперь я с вами; быть “серединка на половинку”, ни “за” ни “против”, т. е. сидеть в тюрьме или сделаться обывателем, я не могу. Мне сказали, что мне верят, что я вскоре буду помилован и что мне дадут возможность работать. Я ждал помилования в ноябре, потом в январе, потом в феврале, потом в апреле. Теперь я узнал, что надо ждать до Партийного Съезда: т. е. до декабря — января... Позвольте быть совершенно откровенным. Я мало верю в эти слова. Разве, например, Съезд Советов недостаточно авторитетен, чтобы решить мою участь? Зачем же отсрочка до Партийного Съезда? Вероятно, отсрочка эта только предлог...

Итак, вопреки всем беседам и всякому вероятию третий исход оказался возможным. Я сижу и буду сидеть в тюрьме, — сидеть, когда в искренности моей вряд ли остается сомнение и когда я

хочу одного: эту искренность доказать на деле.

Я не знаю, какой в этом смысл. Я не знаю, кому от этого может быть польза.

Я помню наш разговор в августе месяце. Вы были правы: недостаточно разочароваться в белых или зеленых, надо еще понять и оценить красных. С тех пор прошло немало времени. Я многое передумал в тюрьме, и — мне не стыдно сказать — многому научился. Я обращаюсь к Вам, гражданин Дзержинский. Если Вы верите мне, освободите меня и дайте работу, все равно какую, пусть самую подчиненную. Может быть, и я пригожусь: ведь когда-то и я был подпольщиком и боролся за революцию... Если же Вы мне не верите, то скажите мне это, прошу Вас, ясно и прямо, чтобы я в точности знал свое положение.

С искренним приветом Б. Савинков».

* * *

...Р. Б. Гуль — автор цитированного памфлета (Валентинов имеет в виду книгу Гуля «Дзержинский». — С. К.), характеризуя Дзержинского, писал: «Его ум ограничен, знания брошюрочны, человек большого честолюбия, но малого ума, Дзержинский не понимал свою нелепость на посту председателя ВСНХ».

Каких-либо значительных знаний экономических, тем более технических, он действительно не имел. На заседаниях президиума ВСНХ, при возникновении чисто теоретического вопроса, Дзержинский всегда повертывался к Пятакову: это по вашей части. Пятаков ведь слыл знатоком марксистской теории. О большом честолюбии Дзержинского нельзя говорить. Такая черта, обычно легко замечаемая, у него никак не проступала. Выдающимися умственными способностями он не отличался, однако из этого не следует, что был неумен («малого ума»). Уже совершенно неправильно, будто Дзержинский нелеп на посту председателя ВСНХ. Из всех лиц, за время существования этого учреждения его возглавлявших (Осинский, Богданов, Рыков, Куйбышев, Орджоникидзе), он, несомненно, был лучшим председателем, руководителем ВСНХ, у него была особенность, которой другие или совсем не имели или имели в очень слабой степени. В предсмертной речи он сказал: «Я никогда не щажу себя». Это верно. Не щадя себя, своих сил, он со страстью весь отдавался большим вопросам, стоящим в это время перед промышленностью, и этим создавал к себе большое уважение среди массы беспартийных специалистов. То, что, не щадя себя, он проводил в жизнь, было разумным, правильным.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

1877, 30 августа (11 сентября) — родился в имении Держиново Виленской губернии.

1887 — поступает в первый класс Первой Виленской гимназии.

1895 — начало революционной деятельности: гимназист Феликс Дзержинский примыкает к литовским социал-демократам, проводит первые занятия в рабочих кружках.

1896 — становится профессиональным революционером, уходит из гимназии.

1897, март—июль — ведет революционную работу в Ковно, выпускает нелегальную газету, участвует в организации забастовки в Алексоте.

17 июля — первый арест Дзержинского.

1898, 12 мая — Дзержинского в административном порядке высылают в Вятскую губернию.

1899, август — совершает побег из ссылки. С декабря — в Варшаве, где создает «Рабочий союз социал-демократии».

1900, январь — арестован, заключен в X павильон Варшавской цитадели.

1901, октябрь — подписано постановление о высылке Дзержинского на пять лет в Восточную Сибирь.

1902, май — участвует в демонстрации протеста политических заключенных в Александровской центральной пересыльной тюрьме под Иркутском.

12 июня — совершает побег по пути следования к месту ссылки. Затем переправляется за границу.

Август — участвует в работе конференции социал-демократов Польши и Литвы в Берлине, избран в состав заграничного комитета СДКПиЛ.

1903, июль — участвует в работе IV съезда СДКПиЛ, на котором принято решение об объединении с РСДРП.

1904, декабрь — переезжает в Варшаву, возвращается к нелегальной работе.

1905, 18 апреля — участвует в организации первомайской демонстрации в Варшаве.

17 июля — во время проведения Варшавской партийной конференции подвергается аресту.

20 октября — освобожден из тюрьмы по амнистии. Возвращается к партийной работе.

1906, апрель — участвует в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП, впервые встречается с В. И. Лениным. Июль — введен в состав ЦК РСДРП.

Август — сентябрь — работает в Петербурге.

13 декабря — Дзержинского арестовывают и направляют в варшавскую следственную тюрьму «Павиак».

1907, 19мая — на V съезде РСДРП заочно избран в ЦК партии. 22 мая — освобожден из тюрьмы под залог.

1908, 3 апреля — арестован и заключен в X павильон Варшавской цитадели.

1909, 15января и 25 апреля — по приговорам Варшавской судебной палаты лишен прав состояния и осужден на вечное поселение в Сибирь.

Август — выслан в распоряжение Енисейского губернского жандармского управления.

Ноябрь — совершает побег из ссылки.

1910, январь — партия направляет Дзержинского на лечение в Италию на остров Капри.

Март — приезжает в Краков для работы в качестве секретаря и казначея главного правления СДКПиЛ.

1911, май—июнь — участвует в совещании ЦК РСДРП, созванном Лениным в Париже.

1912, январь — переезжает для ведения нелегальной работы в Варшаву.

1 сентября — последний арест Дзержинского.

1914, апрель — приговорен к трем годам каторжных работ.

Июль — переведен из Варшавы в Орел — в каторжную губернскую тюрьму, затем в каторжный централ.

1916, март — переведен в Московскую губернскую тюрьму в связи возбуждением против него нового судебного дела. 4 мая — приговаривается Московской судебной палатой к шести годам каторжных работ. %

1917, 1 марта — освобожден из Бутырской тюрьмы в результате победы Февральской революции. Остается для ведения партийной работы в Москве.

11 апреля — избирается членом исполкома Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Июнь—июль — ввиду обострившегося туберкулеза легких находится на лечении кумысом в Оренбургской губернии.

18 июля — отправляется на родину в Дзержиново в связи с известием о гибели старшего брата Станислава.

26 июля — 3 августа — участвует в работе VI съезда

РСДРП(б) в Петрограде. Избран членом ЦК партии большевиков.

16 октября — на расширенном заседании ЦК партии введен в Военно-революционный центр по подготовке восстания.

21 октября — введен в состав исполкома Петроградского совета.

24, 25 октября — активно участвует в руководстве Октябрьским вооруженным восстанием в Петрограде; обеспечивает взятие Главного почтамта и телеграфа.

25, 26 октября — участвует в работе II Всероссийского съезда Советов, приветствует решения съезда от имени социал-демократии Польши и Литвы; избран в члены ВЦИКа.

7 (20) декабря — назначен председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. 20 декабря считается днем рождения ВЧК.

1918, 10—18 января — участвует в заседании III Всероссийского съезда Советов.

21 февраля — Совнарком принимает декрет-воззвание «Социалистическое Отечество в опасности!».

Март — ВЧК переезжает в Москву.

6, 7 июля — участвует в подавлении восстания левых эсеров в Москве.

30 августа — выезжает в Петроград для расследования убийства председателя Петроградской ЧК Урицкого.

5 сентября — по докладу Дзержинского Совнарком принимает постановление о красном терроре.

Октябрь — выезжает за границу, неделю проводит в Швейцарии с семьей.

Начало декабря — Наркомат юстиции вскрывает недостатки в деятельности ВЧК.

17 декабря — на коллегии ВЧК действия представителей Наркомюста признаны «недопустимыми».

1919, 3—27 января — вместе с И. В. Сталиным на Восточном фронте выясняет причины сдачи Перми и принимает меры по укреплению фронта и тыла 3-й армии.

17 февраля — на заседании ВЦИКа выступает с докладом о реорганизации чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов.

Февраль — в Москву возвращаются из-за границы Софья Дзержинская-Мушкат с сыном Яном.

30 марта — решением ВЦИКа утвержден народным комиссаром внутренних дел РСФСР.

31 мая — в «Правде» опубликовано воззвание «Берегитесь шпионов!», подписанное В. И. Лениным и Ф. Э. Дзержинским.

24 сентября — выступает на Московской городской

конференции РКП(б) с докладом о раскрытии заговора контрреволюционной организации «Национальный центр» в Москве.

1920, 15 января — в «Известиях» опубликовано подписанное Дзержинским постановление ВЧК о прекращении применения высшей меры наказания по приговорам ВЧК и ее местных органов.

24 января — награжден орденом Красного Знамени по решению Президиума ВЦИК.

29 мая — назначен начальником тыла Юго-Западного фронта, до середины июля работает на Украине.

23 июля — в составе Польского бюро ЦК РКП(б) отправляется на Западный фронт;

30 июля — образуется Польревком.

23 августа — выезжает в Минск для участия в мирной конференции.

15 октября — назначается председателем комиссии по выработке мер по усилению охраны государственной границы.

1921, 27 января — утвержден председателем комиссии при ВЦИКе по улучшению жизни детей.

Январь—февраль — занимается восстановлением угольной и металлургической промышленности Донбасса. 14 апреля — назначен народным комиссаром путей сообщения с оставлением на посту руководителя ВЧК и НКВД.

Конец мая — начало июня — совершает поездку по югу страны для организации перевозок продовольственных и топливных грузов, на пароходе «Нестор-летописец» посещает порты Херсон, Николаев и Одессу.

1922, январь—март — работает в Сибири как особоуполномоченный ВЦИКа для принятия чрезвычайных мер по продвижению продовольственных грузов из Сибири.

6 февраля — назначен председателем Государственного политического управления при НКВД РСФСР.

2 сентября — утвержден председателем комиссии СТО по борьбе со взяточничеством.

1923, 31 марта — в «Известиях» опубликовано обращение председателя деткомиссии ВЦИКа Ф. Э. Дзержинского «Все на помощь детям!».

15 ноября — утвержден председателем коллегии ОГПУ при СНК СССР.

1924, 22 января — назначен председателем комиссии Президиума ЦИК СССР по организации похорон В. И. Ленина.

2 февраля — утвержден председателем ВСНХ СССР 2 июня — избран кандидатом в члены Политбюро и членом Оргбюро ЦК

РКП(б).

13 ноября — назначен председателем правления Главметалла.

1925, 28 декабря — выступает на пленуме ЦК ВКП(б) с речью о единстве партии.

1926, 1 января — избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

20 июля — выступает на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с речью. Скоропостижно скончался в 16 часов 40 минут.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Берелович А., Данилов В. и др. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ. Т. 1. 1918—1922. Документы и материалы. М., 1998.

Беленкин Б. И. Авантюристы великой смуты. М., 2001.

Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917— 1918 гг. Т. 1. М., 2011.

Гончаров А. К, Дорошенко И. А. и др. Из истории ВЧК (1917— 1921 гг.). Сборник документов. М., 1958.

Валентинов Н. В. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.

Велидов А. С. К истории ВЧК-ОГПУ. Без вымысла и купюр. СПб., 2011.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 2004.

Галин В. В. Война и революция. Тенденции. М., 2004.

Гуль Р. Б. Дзержинский. М., 1992.

Зубов Н. И. Ф. Э. Дзержинский. Биография. М., 1963.

Кара-Мурза С. Г. Гражданская война. М., 2009.

Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне 1918—1922 гг. М., 2008.

Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.

Короленко В. Г. Дневник. Письма 1917—1921. М., 2001.

Красная книга ВЧК. Т. 1, 2. М., 1990.

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918— 1922 гг. Казань, 1995.

Мельгунов С. П. Красный террор в России (1918—1923). М., 2005.

Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. М., 2003.

Плеханов А. М. Первый чекист России. М., 2007.

Плеханов А. М., Плеханов А. А. Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ 1917-1926. М., 2007.

Плеханов А. М., Плеханов А. А. Дзержинский Ф. Э. Дневники. Письма. М., 2007.

Погребинская В. А. Институциональные особенности начала индустриализации России. М., 2006.

Рыклин М. К. Коммунизм как религия: интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009.

Рыцарь революции // Рассказы современников о Ф. Э. Дзержинском. Сборник. М., 1967.

Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М., 2002.

Смирнов М. А. О Вячеславе Менжинском: воспоминания,

очерки, статьи. М., 1985.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995.

Сырых В. М. Н. В. Крыленко — идеолог советского правосудия. М., 2003.

Тишков А. В. Дзержинский. М., 1985.

Трофимов Ж. А. Гимназист Владимир Ульянов. Саратов, 1976.

Р. Зверевский

Хелена и Эдмунд Руфин Дзержинские

Держиново. Дом, в котором провел детство Феликс

Старшая сестра Альдона — адресат исповедальных писем
Феликса

Гимназист. 1895 г.

Молодой революционер. 1898 г.

Дом в «ненавистном Кае», где жил ссыльный Дзержинский в 1898— 1899 годах

С Юлией Гольдман. Швейцария, 1903г.

Тюремные фотографии. Орловский централ. 1914 г.

Штаб революции — Смольный, комендантом которого в дни Октября был Дзержинский

Руководящие работники ВЧК. Слева направо: С. Уралов, К. Волобуев, И. Васильев-Южин, Ф. Дзержинский, И. Ксенофонтов, Г. Мороз, В. Савинов. Москва, 1919г.

Петроград, Гороховая, 2. Здесь 9 декабря 1917 года разместилась ВЧК

Москва, улица Большая Лубянка

Убитые продотрядовцы — первые жертвы противостояния между городом и деревней

В. Ленин и В. Бонч-Бруевич во дворе Кремля. 16 октября 1918

г.

С семьей в Лугано.
Октябрь, 1918 г.

С Яковом Петерсом.
1919 г.

Сергей Мельгунов — автор книги о «красном терроре» — пожалуй, самый известный из идейных противников Дзержинского. Шампиньи-сюр-Марн, Франция

Среди делегатов III Всероссийской конференции ВЧК. Москва, февраль 1919 г.

На параде войск ВЧК на Красной площади. Москва, декабрь 1921 г.

Председатель ВЧК в своем кабинете. 1921 г.

Владимир Ильич!
Прошу подписать прилагает-
скую телеграмму, согласованную
с НКПрадом, для прекращения ре-
сультата вагонов под хлеб.
21/12 Ф. Дзержинский

Записка В. И. Ленину. 1921 г.

На отдыхе в Сухуми. 1922 г.

У Мавзолея Ленина. 1924 г.

Председатель ВСНХ подписывает соглашение с японской торговой делегацией. 1925г.

С женой и сыном. 1925 г.

С Иосифом Сталиным. Июнь 1922 г.

Памятник Дзержинскому работы Евгения Вучетича 33 года украшал Лубянскую площадь в Москве

notes

Разумник Васильевич Иванов (1878—1946) — критик, историк литературы, литературовед, социолог. Псевдоним — «Иванов-Разумник».

Оно будет действовать четыре месяца.

Временным начальником государства Пилсудский был назначен 22 ноября 1918 года, 20 февраля 1919 года — Учредительный сейм подтвердил его полномочия в этой должности.

Такое звание Пилсудскому было присвоено 19 марта 1920 года.

Товарищ министра — должность, равнозначная современному заместителю министра.